

С а ш а Н Е М И Р О В С К И Й

JAZZ - ПОЭЗИЯ

Избранные произведения разных лет
(1987–2019)

Иллюстрации
Павла Тайбера

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2020

В МЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Само название «Jazz–Поэзия», как самостоятельное направление искусства слова, появилось только в 1987 году. Много лет до этого были просто стихи. И вот 33 года спустя, я попытался собрать в одну книгу многие, ключевые для жанра или просто важные для меня, произведения, написанные в этом стиле.

Что такое «Jazz–поэзия», как она устроена, и какие там действуют строгие правила, я уже писал, сначала в «Манифесте джаз-поэзии» и недавно, более точно, в эссе «Музыка формы».¹ Что же касается использования приемов «Jazz -поэзии», то об этом так же была статья – «Вдвоём с Сизифом».² Размышления об отличиях и классификации направления по сравнению с общепринятыми стихотворными формами можно найти в статье «Разновидность боевого искусства».³

Все эти три статьи также включены в эту книгу. Стихи собраны в тематические коллекции, причем в каждой группе есть как и ранние, так и более поздние произведения на схожие темы. Мне было интересно просмотреть эволюцию джаз формы как во времени, так и по темам. Тем не менее, сделана попытка поставить все произведения в определенную последовательность так, чтобы они перекликались, создавая общее повествовательное полотно. Содержание ограничено хронорамками 1987–2019 годов.

*Комментарии, отзывы, просто контакт через сайт:
www.p o t e r . u s*

Ваш автор

¹ Журналы «Апраксин блюз» 2013г. №24 и «Интерпоэзия», 2018, №3.

² Журналы: «Новый Свет» 2018, №3 и «Грани» №272.

³ Журнал «Нева», 2019 Ноябрь.

ТОЧКА ОБЗОРА

БОТАНИКА

Калифорния — как ботанический сад.
Весь двор похож на отряд,
набранный из разных широт.
Тут растёт алыча из вяза, а в рот
попадает яблоко. Птицы клюют черешню.
Наоборот
в январе плодоносит вдруг апельсин.
И конечно,
из известных лесин —
красное дерево, эвкалипты, сосны.
но нет осин,
лиственниц и остального, что не выносит солнца.

Но я прижился. Одеревенение
происходит почти органически. Ему сопутствуют
редкие приступы вдохновения,
но больше помогает его отсутствие.

Только деревья чуть примиряют со временем.
Для секвойи тысяча лет — обычное дело.
Многие много старше.
А мы, кратко живущие, как умеем,
набиваем свежую память строчками на бумагу.
Иногда раскрашиваем
и так потом оставляем.
В наглуую.
Потому что не можем жить в рамках предела.

Да, здесь прорастает всё. Лишь бы была вода.
Так человеку удастся какая-нибудь карьера,
едва найдётся работодатель труда,
тогда всё равно, что делать
— долбить ли стену карьера
или мелом
писать на доске, повернувшись спиной к классу.

Года

собираются в плотную массу
и сливаются в, конце концов, просто в один.

Существуя, плодоно**ся**

в этой древесной толпе,
медленно распускаясь цветком седин,
иногда хочется мёрзнуть в краю осин
и бежать по тайге, ничего дождям не прося.

(01.09.13)

ШВЕЙЦАРСКАЯ ОТКРЫТКА

Циферблаты озер,
как текущее время Дали.
Секундная стрелка соборного шпиля под вечностью гор.
Корабли.
Их снастей перебор
у причала
переходит в тумана простор,
разрезаемый замком, где плечами
две башни
и над левой в дали —
«Маттерхорн»
сквозь альпийские кряжи.

Разговор
на немецком прохожих спотыкается в русский.
Туристы с востока на швейцарском курорте,
как будто опять девятнадцатый век.
Только блузка
по моде. Открытые ножки, и на отвороте
сапожек чуть стёрто.
Да солнце замедлило бег.

Водопады из рек
сходят в озеро возле отеля.
Здание в стиле прошедшей эпохи.
Бухта. Плёс.
Ледники набегают волной по прозрачной воде.
Силуэт Вильгельм Телля —
памятник у новостройки.
Белый лебедь скользит и балетною пачкою хвост.
Па-де-де.

И конечно, симфония просится
в нотную запись. Подыграть этой птице-царевне
мелодию снега и тему крыла.
В вышине гнутся горы колосьями.
Дует время сквозь щербатые гребни.
А про всё остальное история соврала.

(22.01.17)

ЮГ ФРАНЦИИ

А хочешь устриц, белого вина,
как поздним утром в городке
Коллюре?
Где ветки
яблонь прямо из окна
и препинание платья по – фигуре?
Где мы стояли, за руки держась,
не щекотали памятью заботы,
а под ногами был песок. Не грязь
иль слякоть подмосковного болота.
Как в нотах
нашей встречи плыл простор.
Как, не справляясь с солнечной картинкой,
бессильно щелкал камеры затвор,
и смех дрожал у глаза паутиной.

Коллюр Матиса в обрамлень Пабло,
где башни римлян –
сторожа времен.
Тобой и ими
вместе полонён.
Спаси мя, Господи, чтоб память не ослабла.

(11.09.12, Collioure)

ПИРЕНЕЙСКАЯ ОТКРЫТКА

Когда трамонтана станет мотать ставень,
рассыпая сон. Когда плети
молний над морем,
что чуть на юге,
будут хлестать небо час, другой, третий.

Тогда в памяти на простыне странствий
проступит нить,
ровно
исходящая из северной вьюги.
Её проследить
и увидеть: в слякоть
закопанную колею улицы,
сентябрьские грибы, что не собрать в корзину,
дёготь
вечера (водка пойдет и к устрицам).

Выбрав якорь,
яхта медленно перейдет середину
фарватера. На выходе из бухты
чуть проберёт морозь,
как на осеннем крыльце ранним утром.
Плащ, сапоги, пакет, ножик.
На разницу времён я составляю опись.
И это всё, что было, есть и быть может.

(160915, Montesqieue Des Alber)

ПОСТИМПРЕССИОНИЗМ

Река Рона. Утонувший корабль
зацеплен лохматым канатом
за корму и притянут к причалу.
Сентябрь
погоняет туристов дождем из ваты
облаков, кое-где, нечаянно,
обшитой солнцем по кромке.
Городок Арль
в бесконечной печали
по Винсенту, заполнен коммерцией
из памятников его полотнам.
Остальное — обломки
Рима. Когда-то стоившие сестерции,
сегодня бесценны, судя по толпам,
их обступившим плотно.

Сувенирная лавка.
Остов Европы,
обираемый на продажу,
помещен в рамку
природы вдоль горной дороги к пляжу,
где постоянны: цвет воды
в Коллюрской бухте под скалой замка,
чаек восходящий крик,
укрававших
недоеденное рагу,
Трамонтана, причёсывающая сады
ветра гребнем,
чтобы утром снег, запудривший Канигу,
сверкал, как масштабный штрих
на времени,
заодно заматая его следы.

(19.08.17)

АВСТРИЙСКАЯ ОТКРЫТКА

Ноябрь. Вена. Здание музея. Старший Брейгель.

Наряженная ёлка.

Зачем я здесь?

Гениальные панели,

взвесь

мороси, что воздуха барокко,

легла на спесь

фасадов, на кафедральных башен стебли.

Весь город разукрашен

к Рождеству, что длится месяц

из обветшалых дней.

Как пряна ночь искусственных огней,

когда над улицами люстры светят,

когда ступени лестниц,

не стыдись граффити,

нарядных девочек ведут на пьедестал.

Дождь перестал.

В зените

красный шар — как есть намек.

Полотна площадей, холсты дворцов.

Под козырек

парадного подъезда забился фээтон.

Зажаты тормоза.

Возница что-то мямлит —

немецкого стаккато сухота.

Кариатиде мокрое лицо

поможет вряд ли,

где каменных орлов отбеленный жетон

всё стережет

еврейского квартала воздух

от побега. Барух Ата.

Прижата глыбой память Холокоста

на Юденплац.

Давно ли Питер рисовал те кости?

Почти полтысячи годов тому назад.

(26.11.18, Vienna)

АЛЬПИЙСКАЯ ОТКРЫТКА

Долина гор, зажатая в теснину.
Деревня — ограничена плато.
Авто,
подвластное закону серпантина,
ползёт, не нарушая ни за что
режим, указанный дорожным знаком.
А сверху светят знаки зодиака
прорехами в ночном пальто.

Вершины белые над тёмным скальным торсом
в контраст с домами, где — наоборот —
белеет низ под чёрным контрфорсом
балкона, сдвинутого чуть вперёд.
Народ,
гуляющий по скользким тротуарам,
цветных витрин манящая жара,
вдыхаемая узким кулуаром,
где ледопад блестит. Зимы пора —
наутро скалы поседеют снегопадом,
двора
гостиничного станет не узнать.
А склон, что ночью показался рядом,
Отступит далеко, не дошагать.

Восход румянит белые косынки
далеких пиков. Светится река.
Краснеет фартук ледника.
Хребта чуть розовеет вязь.
Ты спишь. Подушка сбита. Свесилась рука
с простынки,
в ладошку луч пытается попасть.
Другая жизнь — красивая девчонка,
чьи волосы смеются на ветру,
не преступая смутную черту,
щемит в груди, улыбкою, нечётко.

(15.01.15)

МОНТЕРЕЙ

А помнишь, тогда, в Монтерее,
на улице консервных фабрик,
в ресторанчике, имя которого я не запомнил,
ты у барной стойки пила сангрию?
Неторопливого лета фабула
раскручивалась сама и без предисловий,
и вечер отдавал вкусом рыбы на гриле?

Никуда не плыл привязанный накрепко рыбацкий
сейнер
к причалу, что скрипел костями,
как будто в бурю,
когда по нему носились дети, передвигались семьи.
Пахло водорослями.
Мы обнимались и глядели на даль лазури.

От ресторанчика тянуло другой эпохой.
Ветрами. Джазом.
Когда пианино в углу еще играло.
На прокуренных стенах едва держались
черно-белые фотки.
И мы пропустили, как вздрогнуло время и постояло.

А потом был закат.
Только мы не досмотрели,
как солнце пыталось придать размер океану.
Мы застряли в трафике на фривее.
Ты сомкнула глаза
устало, дыша туманом.
Надвигалась гроза.
Начало недели.
Ах, он был или не был, тот weekend в Монтерее?

(29.10.13)

ОТКРЫТКА ИЗ ХАЙФЫ

Здесь хорошо в вечернюю прохладу
пройтись под горку, выпить пива,
посидеть
с друзьями вкупе.
Глазам в награду —
виды на красиво
вознесённый купол
усыпальницы над портом.
В переплетении сетей
из рам подъёмных кранов курлычут птицы.
Рой у хранилища в расчёте на зерно.
Когорта
из террас
восходит от немецкой слободы
в порядке регулярном. Устремиться
вверх по ним и мне, но
не припас
заранее воды,
хотя бы флягу,
чтобы вблизи разглядывать узоры ваз,
внимать ручьям, шуршащим по ступенькам,
вдыхать цветы в вершинах водостоков
и помаленьку
размышлять, забыв напряги,
о равенстве людей от колыбели
и до мгновения, когда уже не храбры.
Сквозь мудрости, услышанные в речи,
смотреть, как волны запада мешаются с востоком
в бокале красного со склонов Галилеи
с пейзажем на кокетливую сабру.
Здесь пил предтеча,
Здесь бывал пророк.

(02.02.18)

1990

Голубая пора Сан Франциско.
Квартал педерастов.
Здесь без риска
гуляют девчонки, и низкий
туман.
Тут по швам
полинявшая краска
покрывает трамвай,
что чуток не доходит залива
у порта.
Дальше край,
где без смысла
протянулись на вырост
причальные пирсы.
Там крикливые львы
клянчат рьяно
съестное хоть что-то.
Да, на траверсе мыса
заходящая нота
розовеет, увы,
без обмана.

(09.90)

ЗИМА В САН-ФРАНЦИСКО

«в притонах Сан-Франциско лиловый негр.»

А. Вертинский. 1916.

Притоны кончились.
Порт переехал в Окленд.
Квартиру снять —
не думай, в одиночку
не подступиться.
Дождь по закрытым окнам,
стенам, тротуарам струится
в водосток
под надписью «Течет в залив. Отходы не сливать!»
Бомж,
скорчившись,
везёт тележку: спальник, ну и прочее,
что так необходимо для свободы.
Листок —
дощечка «подайте ветерану».
И подают. Доходы
не велики. Но на марихуану
насобирать
за день — так это точно.

Ботинки горные,
топорщится «гортексом» куртка-свитер.
Надежда к ночи забрести в приют.
Под капюшоном видно, что небритый,
что кожа чёрная.
Плывут
авто неторопливой улицей в сорочке
из разноцветных домиков. Моторека,
где светофоры по фарватеру наперебой
моргают. Мы едем с дочкой
отыскать щенка,
чтоб в дом внести любовь.

(06.01.16)

САН-ФРАНЦИССКИЙ РОМАНС

Два белых шарика взлетают над Сансетом.

Цветные ленточки не прижимает груз.

Тянусь

за ними взглядом, за сюжетом,

в котором вместе счастье есть и грусть.

Под ветром

высоту глотаю с ними.

Смеюсь на празднике, оставшемся внизу.

Мне виден океан, сегодня синий,

не то что давеча в осеннюю грозу.

Цветные домики, спешащие под горку,

вдоль сетки улиц, где с краёв туман,

и зайчиков пускающие створки

распахнутых оконных рам,

где шторы

разлетелись. Видно тесно

им обниматься было в полный штиль.

Два белых шарика. Ещё покуда вместе

проходят церкви утончённый шпиль.

Две тёмных точки исчезают в отдаленье.

О чём бишь я? – Давно зелёный свет.

Лишь груз от ленточек в портфеле на сиденье

да трафиком задушенный проспект.

(01.11.14)

THE WINE TRAIL

Намек на свет. Так розовой полоской стилия
запущен день. Бежит строка из под портьеры
ночи
и произносит птица, сдвинув крылья,
заклинание восхода. И ты не прочь бы,
пославши всё, отправиться, к примеру,
на пляж, забраться на вершину,
вместо того, чтоб складывать и что-то умножать.
Там в полной мере грудью задышать
вдали от смога,
но бытие в контраст природе беспричинно.

Пирoга
памяти, где арифметика — весло,
сгребет людей в коллекцию записанных нейронов
и так оставит. Расставанья на перронах
и встречи в аэропортах. И, если повезло,
картинка чёткая надолго сохранится.
Как хорошо, когда всплывают лица,
в подробностях, событиям назло.

Я помню столики и зонтики —
цвет голубой
на фоне неба, тоже голубого.
Винарню, лето, мы с тобой
в Сономе.
Под ломтики
поколотого сыра
вино поэзии, налитое в бокал.
Оскал
оставленного мира
за стеклом.
И мы вдвоём.

Как просто жить, когда б коротким мигом
являлась жизнь!
Душа растёт, сменяются вериги —
под них пляши.

И я пляшу. И даже, если часто
в сомненьях
серый,
проржавевший день,
надежда-свет, что память неподвластна
изменениям —
есть вера.
Ну, хотя бы веры тень.

Темно. Восход ещё в намёке.
Когда вдруг мозг
как вспыхнет, вспомнив
(какая блажь
зажжет нейронов токи?) —
Неважный тост,
бокал вина в Сономе.
И весь пейзаж.

(16.07.17)

САН-ФРАНЦИСКИЙ ТРАМВАЙ

Я снова живу в городе звенящих
трамваев,
скрипяще
огибающих угол, где магазин, аптека,
оживших, игрушечных, сошедших с фотографий
прошлого черно-белого века.
Я опять на коленках
джинсов
наблюдаю дырки. Билли она или Ленка?
Подножке вагончика это безразлично,
железно, по-фиг.
Сжато время площадкой до степени “спешите”.
Мне к доктору. В очередь.
«Дышите, не дышите».
Без завтрака на анализ крови.

Только кровли
у этого города:
черепица,
плитка или, до сих пор, дранка.
То ли память, распорота
запахом шпал,
то ли лица
в стеклах,
знакомы по тому, как спозаранку
зевают.
То ли я тебя уже провожал.
Людям не отведено столько,
сколько могут прожить трамваи.

(15.10.19)

THE 49-ER.

Золотоискательский городок,
застроенный офисами хай-тека.
Отрог
горы. Паркинг.
Электромобиль мордой у перевязи —
кормится через провод.
Арка.
Старенькая библиотека,
подающая повод
вспомнить о книгах, как способе связи
с первобытной культурой ушедшего века.

Старатель, не ведающий одиночества,
ковыряет айфон — но переходит к компьютеру,
когда становится нестерпимо.
На экране, как фон, бежит незакрытый чат.
Равнодушный к почерку,
он стучит пальцами.
Слушать муторно
как строчат.

Пилигримы из туристов-скитальцев
чириликают фотки
викторианских зданий
на фоне
вывесок мировых фирм.
Залив. Порт. Высотки.
Боевик-фильм.
Герой. Конечно же, герой-одиночка.
Благородный, непобедимый.
Где-то это уже было.
Сюжет, убедительно
проходящий через точку
невозврата
из азарта
погони за золотой жилой.

(10.07.14)

ЗАКАТ

Есть день в сезоне, вставленный особо
в цепочку дней, идущих до и после.
По обе стороны заботы, неотложные
столь строго,
что мысли о другом и вовсе
невозможны.
Но день уже плывет неторопливо.
Он дан, чтоб слушать красоту гармоний,
чтоб не грустить о той, быстротекущей,
он вносит с медленным приливом
аммиачный
запах водорослей, и этот запах глушит,
времени шумы, пронзив до первобытного начала.

Покинуто компьютерное кресло.
Оставлены тревожные события
без вниманья. Всё замолчало.
Я ли та отчаянная
белка, застывшая в зените
поворота? Я человек или оркестр?
Кутить на все,
чтоб, отразившись от небес,
земли коснувшись, став вторичным, став бездушным,
стыть в суетливом колесе?

Сказать честнее,
чаек беспокоит только рыба,
в подплечья скал вносимая прибоем.
А мне дарован день — живу его, прощенный,
и проживаю напроочь как задаток,
чтобы следить за красной глыбой,
медленно влекомой на закланье
на водяном щите.

И пусть пока в моем кармане
лишь чешуя, при пересчёте —
весь остаток.
Финальный такт заката в океане...
Всё умолкает в нищете.

(30.10.18)

ФРАНЦУЗСКИЙ КВАРТАЛ

Снимаю шляпу.
Электрогитара, ударник, контрабас
и сакс.
По трапу
клапанов пальцы —
это почерк синкопы.
Баритон — шрапнелью звука
тянется вязь танца.
Его стопы
по сцене в резонанс с моими,
что по палубе зала.
Труба, подстрелившая мысль
о бегстве,
мимо
узоров решеток домов квартала,
взорвала
мотив, что почти на бис
обвил балконы плющом из детства.

«Нью Орлиинс»,
твои женщины прибывают в гробах
для продолжения рода.
Твои пираты спасают отечество,
Слушая свой пах,
им диктующий мысли.
И даже сирена полиции, как часть природы,
попадает в такт
тромбону беспечности,
играющему — ах,
как бессильны числительные!

«Нью Орлиинс»,
джаз твоих мини-юбок
отплясывает вниз
по улице в параде «Марди Гра».
Принц,
поднимающий бутафорский кубок,
как приз
за лучшую роль. С утра
декорации из галерей в кованных решётках
и в живых цветах,
реальностью подтверждают прошедший вечер.
Дешёвых
бус убранство на проводах,
на ветках. Сердечно
вторящий джазу старый колесный пароход
времени вопреки
и по влечению
капитана берёт низкую из нот.
Гудок плывёт
ветром, дующим по течению
величественной реки.

(07.02.16)

ОТКРЫТКА С КИ-ВЕСТА

Черепаша ползёт по песку в направлении корма.
Мент штрафует водителя за высокую скорость —
лицо истекает потом, безупречная униформа
скрывает толстое тело, как протез прикрывает полость.
Жара, отражаясь от солёной воды, мешает мысли.
Надежда лишь на кондиционер в питейном баре,
где рубашка, наконец отлипнув от тела, повиснет
освобождая подмышки для участия в перегаре.

Домик великого писателя в цветных шляпах —
кишит туристское развлечение.
Кошки, переступая на шестипалых лапах
клянчат бутерброд, печенье
или просто ласку.
История, затасканная,
в коммерческих целях обрастает сюжетной прытью,
когда экскурсовод, декламируя неизвестные факты,
излагает её, как сказку.
Как корабль во фрахты,
музей сдаётся под свадьбы или бизнес-события.

Отпуск, протекающий на Ки-Весте, пропах сангрией,
катанием на водных лыжах и тому подобным.
Так и хочется приказать мгновению: замри и
остановись.

Но приходит электронная почта. С утробным
звуком айфон выплёскивает на пляж
реальность быта.
Гамак у моря больше не вписывается в пейзаж,
составленный из хижины рыбака и его корыта.
Так что пора отправляться и залатывать сеть —
Какая проза.
И только светило сумеет по-королевски сесть,
остужая закатом воздух.

(29.04.15)

ОТКРЫТКА ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Немного осталось камня стоять на камне от тех времён,
в которых летописи историю в буквах жмут.
Когда эллины с персами тут сражались.
Кто из них убиён, кто пленён,
кто потом продан в рабство.
Крут
спускающийся берег, где разбежались
волны, бороздя сонное царство -
Золотой Рог.
Внезапен басовый звук-гонг
корабля в проливе сближающихся
континентов.
Ночь над Бизантиумом,
покрытая болтовней чаек в стадии
поиска корма.
Стебли подсвеченных минаретов,
у глыб мечетей в оттенках серого с ярко жёлтым.
(Жёлтый – здесь вообще норма.)
Я, ничейной страны турист,
оторванный непониманием языка,
гляжу, как, наверное, рыбы смотрят на мир людей,
шевелия ртом.
Это истории твист -
Христиано-Исламия, спущенная свысока
на Эллино-Персидский дом.

(01.05.19)

НОВОЗЕЛАНДСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Навигируя асфальт по Зеландии,
переосмысливаешь размеры земного шара
и его движение по орбите. Мантию
суеты, сотканную из жара
работы,
заменяешь на плавки.
Северные широты
используешь лишь для справки
о финансах при оплате за кров
в местах постоя,
там, где поголовье овец и коров
численностью превосходит людское.

Удивляешься на Млечный Путь
из светящихся червяков,
живущих во тьме пещер,
где своды и тишина не давят на грудь;
на водопады из ручейков,
несущиеся через щель;
на апрель
в Квинстауне
в жёлто-зелёных пирамидках из тополей.
Берёшь паузу на печенье-брауни
с чашкой латте
у озера, где уходит в плавание
пароходик, которого не дождаться обратно.

Потому что ты одноразовый гость,
с перспективой мотеля
в сотне километров к югу отсюда.
И уже давно пора катить из апреля
в май фьордов, толкая трость
переключения скоростей, подспудно
сожалея

о краткости срока,
то есть о плотности впечатлений
в единице времени.
От этих мест не хочется проживать врозь.
но столько
человеку не отпущено в одном поколении.

(09.05.14)

ГАВАЙСКИЕ ОТКРЫТКИ

1.

Развалины русского форта Елизаветы.
Крики диких петухов, клюющих по кромке пляжа.
Островок Кауаи. Дым твоей сигареты
по правилам – криминальная часть пейзажа.
Влажность
такая, что подъём по тропе
мало чем отличается от посещения парной.
Лиана, как популярное канопе,
преобладает и в архитектуре пивной,
где за стойкой ставни на раскрытом окне.
Картинка: вид на школьное футбольное поле,
сбоку обрезанное стеной,
на поле – памятник победе в японо-русской войне.
Больно.

2.

Я смотрю на огонь первобытной душой в обрамлении
страха.
Он течёт, не спеша, и по капле спадает на пляж.
Закипает волна, исчезая, мешается с прахом
вулкана.
Остров движется в море. И растёт остывающий кряж.
Панорама
из пальм и древесных хвощей,
где шумит водопадом река,
неизменна.
Лишь теряется ценность привычных вещей,
когда время – синоним песка.

3.

Полвека спустя после окончания большой войны
посреди бухты — полузатопленный корабль
стоит памятником её началу.

Но говорит больше о её тщете.

Посетители Оаху, в основном, влюблены
друг в друга. Судя по толпе у причала,
очень многие вообще
из Японии.

Медовый месяц.

Широченный песчаный пляж.

Зеленоватый теплый океан.

Если

каждая семья, как ветка, пускает свой корень,
то кто здесь чужой, кто наш?

Баньян.

переживший войну, растущий с эпохой вровень.

(22.02.15)

* * *

Все дело в недостатке солнца.
В засилье серого оттенка.
В дожде
по стенкам,
по стволам и кольцам,
нарисованным на флаге.
И вообще,
в избытке влаги
во всем: в движении,
в словах и в мыслях,
в их отраженье
на бумаге,
в песнях, в истинах
в непостиженьи их.

Не света мало, но тепла.
Про жизнь подмечено — текла.
и масса правды в наблюденье
о связи осени с любовью,
точнее с тенью
любви былой.
И назначенье
«Октября»
не в том, чтоб мы с календаря
читали слово под картинкой.
А в том, что, строго говоря,
зовется «нонсенс» —
оторвавшись от блондинки,
заметить недостаток солнца.

(10.87)

ВЕСЕННЯЯ ОТКРЫТКА

А помнишь, как мы гуляли
под снегопадом цветущих вишен?
Ты сказала что-то смешное.
Я не сразу понял. Спустя век мы вышли.
После сели в машину. И поехали куда-то.
За окном мелькали черепичные крыши
Пало-Алто.
Дождило. Солнце танцевало в тумане.
Пароходом мы плыли по рампе фривея.
А кроны деревьев
тонули под нами,
и с них поднимались цветные метели.
Март распускался над мокрой долиной.
Всё сложное ближе и проще казалось.
И мы возрождались наивны, невинны.
Так длинной зимы отступала усталость.

(20.03.12)

ОРЕГОН В ИЮЛЕ

Центральный Орегон.
Двусторонний highway
из позабытого в неизвестное рад редкой машине.
В остальном пуст.
Суховой,
мотающий маленькие вихри, кружит
по обочине.
Индийское поселение: раскидистое дерево, куст,
одноэтажка. Узкие окна,
некоторые заколочены.
Кокон
солнца блестит на металле крыши.
Стайка детей.

В разной степени разрухи — автомобили, пасущиеся
вокруг,
постепенно съедаемые ландшафтом.
Чуть ближе — сук
другого дерева, завешанного
не разглядеть чем, похожим на вату.
Спуск
в долину, залитый жарой обратного подъёма.
Склон, переходящий в огромный
горный кряж.
Плато облаков, пронзённое размашисто горой.
Вулкан, вершиною в снегу — как камуфляж
для одиночества,
герой,
вознесшийся в масштабное величие.
Собственное отличие
от зодчества
пейзажа внутри, и только.

Так маленькая долька
жизни всё мерит по себе, кичится силою руки,
пока не вышло время,
да взгляд отважен.

В остатке — лишь бесконечность музыки реки
над перекатом, бьющим в дальний берег.
А слушатель её — неважен.

(12.07.19)

ОТКРЫТКА ИЗ ЛИССАБОНА

Породистость португальского носа
есть следствие перехода горных кряжей,
подпирающих горизонт,
В виноградники — наносы
зелёного цвета на склонах полосами
растущей пряжи,
используемой на похмельный сон,
в котором чайки кричат, подхватив сардину
увертываясь от ног зевак,
топчущих крошки.

Ты тоже дремлешь, перевалив середину
дня в кафе на террасе.
Лишь взгляд, встретив стройные ножки,
машинально виснет, позабыв кабак,
где играли «фадо» на радость туристской массе.

В вечерах,
начинающихся где-то в районе восьми,
есть преимущество — отсутствие трафика на рассвете.
Тогда в пещерах узких дворов, пока они пусты,
по утрам
наступает эпоха уборки мусора.
Что не досталось ртам,
лежит на брусчатке, размазанное по углам,
откуда легче стать содержимым кузова.

Эта практичность использования пространства,
продолжаясь резьбой, сама по себе украшает камень
соборов, уходящих в бесконечность к свету.
И тогда не странно, что в итоге странствий
напротив могилы Васко да Гамы
неменьшая гробница принадлежит поэту.

Отдавая дань местной кухне, надо быть осторожным.
Когда ветром
с площади тянет запах сардин на гриле,
удовольствие вкуса не в этом.
Не пригибая голову, проходит дворцовую печь
изнутри,
намекая, что еду не изобрели,
а споткнувшись, открыли,
смуглянка как эспрессо с пирожным —
короткие шорты, туфельки, движение плеч.
Лиссабон, ранний сентябрь, заброшенная
Работа. Мягкая португальская речь.

(22.09.14)

НОВЫЙ ГОД

Декабрь.

Последняя роза восходит в саду
навстречу низкому солнцу.

Корабль

года, на ходу

подминая водоросли

памяти, покидает гавань суеты.

Взрослые

на охоте за подарками для детей

так, что сомкнутые зонты

плотно покрывают полотно тротуара

живым слоем.

В поисках идей

толпа наваливается прибором

на магазины.

Сухим остается лишь берег у стойки бара,

где, заказав мартини,

местное одиночество переживает праздники

в компании из самих себя, точнее, в пустыне,

под телевизор, где чудеса пластики

представляют Крысиный Король,

Щелкунчик и иже с ними.

Роль

Нового Года всегда в надежде,

которая есть функция от неопределенности

по страху.

Не вдаваясь в подробности

математики, полагаясь на интуицию,

выжить, если события вдруг порежут

с размаху.

Коалиция

из наряжённой ели плюс тепло близких —

это крепость.

Она сторожит водораздел времени,

уходящего «по-английски»,

без прощания,
в движение стрелок над рисками,
в январский бутон,
уже вызревший, как обещание,
что всё будет хорошо. Без сомнения.

Январь.
Полыхающие цветы магнолии -
как чайный сервиз, накрытый на ветки без листьев.
Как увертюра тепла. То ли
так бликует фонарь,
что они отражаются в твоих глазах, то ли
новогодняя ночь вообще лишена смысла.

(28.12.16)

ОТКРЫТКА ИЗ СИНТРЫ

Эти бусы огней, уходящие в море с грудастых холмов.
Мавританские башни — тиары, где небо в подсветках.
Синтра спит. Плещет камень в разбеге веков.
Ресторанные столики спят в одеялках салфеток.
Это час, когда эльфы приходят с прогулок
в садах Риголейра.
Это время курительных трубок
с бокалом портвейна.
Португальское время эпохи смешенья времён.
Всё, что было уже и ещё не случилось.
Здесь клён
перемешан на склонах с хвощём и сосной.
И тут воздух звенит колокольной и пахнет весной.
Назначенье извилистых улиц
в расстановке дворцов.
Мы коснулись
брусчатки и стали причастны к листве.
Дон и Донья, что из синих встают изразцов,
чтобы выйти в кроссовках в рассвет.

(08.09.14)

АЛЯСКИНСКИЕ СТАНСЫ

Количество воды, нас разъединяющей
уже не измерить в литрах или бассейнах.
Живущий здесь и постепенно
тающий
лёд постоянно
добавляет погрешность
к любому числу. А рассеянный,
мягкий свет
память о красках юга
сводит почти на «нет»,
каждую малость градуса отсчитывая от полярного круга.

Здесь корчма
у дороги носит название «гранд-отель»,
Но хозяин-повар не вызывает стряпней восторг.
Как и почва
не прощает босой ноги,
предпочитая ботинок, или, лучше, сапог.
Тут, где злая метель
просто отошла, временно,
и стоит, смотрит, сжав кулаки
высоких гор,
покрытых материалом, из которого изготавливают
забвение.

Здесь из нор
вылезающий по весне всякий зверь
торопится размножаться,
не зная
что есть «любовь»? И не понимая,
почему я теперь
грущу
о тебе, оставленной в других широтах.
Всё, что отсюда ни сообщу,
покрывается коркой льда,
отчего тебе становится холодно в коротких шортах,
а слова просто добавляются к расстоянию в никуда.

SANTA CRUZ

1.

Под вечер солнце – пир для глаз над океаном.

На радость телу – под ступнёй песок.

Здесь пеликаны

всходят караваном, и рвано

облако лучом наискосок.

Лесок

прибрежный над коварным

спуском

штормами погнут. Корни воздух плещут.

А узкая

тропинка по обрыву шепчет

серпантином между плеч

холма.

Тут можно устриц

зацепить на пирсе рядом.

Тут молодость и старость, обе прямо

равняются на бронзовый закат, чья мгла

прозрачна в долгом переходе

из света в тьму.

И, неподвластна слову и уму,

здесь гордость бытия сдалась природе.

2.

На задворках вселенной и небо без туч,

и вкуснее вода из ключа.

Луч

закатного солнца смеется в твоих волосах.

Не канючь

ни про театр, ни про интернет,

пожимая загаром плеча,

заказавши обед

на дешевой посуде с отбитой каёмкой.
Прими: здесь минута длиной в полчаса,
здесь никто никуда не спешит,
а за кромкой
прибоя нет времени вовсе.
О смятии души
ты не комкай
слова, лучше просто молчи.
Пусть волна замывает оставленный след.
За калиткою мира нет смысла в вопросе –
альбатрос про ответ на закате кричит.

(14.04.18)

ОСЕННИЙ ЭТЮД

Ранняя калифорнийская осень.
Жёлто-красным подернут дальний вечнозелёный холм.
Колосья
пожухлой травы, не пришедшиеся на корм,
на переднем плане. Трос,
брошенный при строительстве хором —
на концах крюки.
Пауки сидят в своей паутине.
Вьюки,
нагружены на авто-верблюда.
Над блюдом маленькой пустыни —
в зените солнце.
Покоцаная, жмётся
тень засохшего куста к краям картины.
Переезд — негрустная разновидность похорон
прошлого.
Пожившие, неспортивные
меняют дом, поплоше,
на новый дом.

Мои кисточки
устали рисовать расставание.
Повествование
цвета лишь маскирует чёрно-белую суть
контуров временной клетки.
Цветные выточки
осенних красок на летнем фоне,
как незнакомые люди. Не обессудь —
это будущие голые ветки.
Ничего потом не вспомнить.

(28.10.19)

ВИД НА РУАН

Соборная площадь. Дождь.
В высоком окне
напротив стоящего дома –
Клод Моне.
Он рисует дрожь
резьбы на камне.
Холст весь в огне.

От собора, по улице, лет за пятьсот до
Того, катится телега.
В ней девчонка.
Оковы, зацепленные за дно.
Смотрит волчонком.
Затравили. Нет времени для побега.
Так суждено.

Рынок плещется вокруг развалин церкви.
Новая стоит рядом. Крыша языками пламени
стучит в небо.
Создателя с тех пор давно отвергли.
Лишь ангелы на карнизах – армиями.
На базаре так же торгуют репой,
томатами, рыбой и, конечно, сырами.
Мы бредём, пробуем,
один, другой, третий.
Вокруг люди с торбами.
оставляют отметины
на времени, происходящем с нами.

(25.10.14)

СЕНТЯБРЬ В ПАЛМЕЛЕ

Сентябрь в Палмеле.
Стены замка над облаками тумана парят
отдельно от его основы — крутой горы.
Руки хватаются за объектив.
Глаза, ища ракурс,
на самом деле,
находят аперитив
из мускателя,
что обжигает ряд
из мыслей о делах, забытых до поры,
далёких, как тот парус,
черкающий волну залива, на пределе,
доступном взору.

Сквозь гомон детворы,
что оживляет вековые камни,
вдруг ржание лошади —
туристский фаэтон, бредущий в гору.
Отдача эха в кельях бывшего монастыря.
Я чувствую себя здесь в панораме
времен, как их хранитель,
строго говоря,
не потому, что помню прошлое,
а потому, что я есть прошлое, зависшее
на нити
в настоящем,
с надеждой, что не зря.

Переживать о преходящем,
не пропуская мимо стильный сарафан,
подрезанный в капризе моды.
Босую пару стройных ножек
вниз к шлепанцам, к клюющим крошки
грязным голубям,
слетевшим с ветки.

Свиданья место — полоса
под знак сигнала перехода.
«Ах да, сеньор, — миндальные подняв глаза, —
монетки
не бросайте никогда в сухой фонтан».

Природа
умерла, улыбка сжалась в строчку.
Я опускаю руку.
Чем-то точно
западные побережья континентов схожи.
Жара спадает. Прикуриваю трубку.
Ветер перелистывает кожу.

(08.09.16)

LLORET DE MAR**1.**

Где-то здесь разбивается на кусочки
приходящий с востока прилив языка.
На солёные строчки
прибоя, на слова каблучков
с ударением неточным
по замершим ночью
дорожкам,
вдоль домов, потушивших бока.
Где-то здесь, где века
протянулись от римлян, в беззвучье похожи
непрочной надеждой на вечность,
что камень хранит,
распадается слог на тона загорелости кожи,
первобытной волной набегая на ножки
красавиц, и крошится на звук. Здесь беспечность
на солнце горит,
отражаясь в очках Афродит,
снявших пену, у пляжа порхающих крыльями бёдер,
говорящих славянским растрёпанным сленгом.
Здесь спадает культуры налёт с нужды продолжения
рода
и претит
всё, что логикой сшито, природе мгновенья.
Когда нет языка — лишь одна нагота сотворенья.

2.

Море на рассвете спокойнее моря на закате.
Человек на закате спокойнее человека на рассвете.
Я заметил это по детям,
играющим на пляже,
и по старикам, наблюдающим
за ними из шезлонгов.
По тому, как разглаживались их морщины, —
так плывут на восход, раздвигая прибоя пряжу,
так горы выполаживаются в лощины,
так уходят из памяти прошлого эшелоны.

(25.09.19)

ПАРТИТУРА ПЕЙЗАЖА

ДЖАЗ-КАФЕ

Что тебе рассказать про джаз-кафе?
Одно из последних, дышащих на ладан
строкой саксофона.
В местах, где, закон
не нарушив, нельзя покурить.
Да и ладно.
Открыто в weekend. На ковре —
следы пятен.
Пожилый пианист — в пальцах прыть,
знаменитый ударник, певица, тромбон (чуть невнятен.)
скромно делают джаз на малюхонький зал.
Из сифона
за барною стойкой, за стенкой, в бокал
разливается эль и патроны,
смеясь и качаясь в синкопах,
ногами стучат по паркету.
В душном зальчике лето.
Вот девчушка из прошлого века,
забросив за спинку пальто
гонит воздух салфеткой.
Тот веер её
раздувает туман Миссиссиппи
над воронкой трубы,
чтобы он поднимался под люстру.
Её кавалер, неуклюже рассыпав
закуску,
подначит в пространство: “Играй, не вникай!”
Низкой крыши опоры-столбы
изогнутся стволами.
“Summertime”
поплывет. А он вспомнит течение Невы.
Время, место, где дым и туман в пополаме
покрывают буксирный тягач.

Как похоже дрейфует в стакане
мартини маслина, проплывая от стенки
до стрелки,
где остров из кремня.
То же синее небо и ясное
солнце. То же «Летнее время»,
в котором и папа богат,
да и мама прекрасна,
и ты, моя бэби, не плачь.

(03.03.19)

ХАЛФ МУН БЭЙ БЛЮЗ

А в воскресенье мы поедem на океан.

Простыня штиля
заблестит, отражая свет
и заставит надеть темные очки.

Караван
пеликанов, вздымающих крылья,
протянется пунктиром,
подчеркивая заходящее солнце.

А один пеликан —
задира,
вдруг сорвётся
вниз, задевая за клочки
пены, нырнет за рыбой.

Птицы уйдут за рифы.
Пучки
света, бьющие через щели скал,
будут смешить твои волосы
либо,
пронизывая сарафан,
просто
сбивать меня с дыхания,
перемещая в раннее
утро из другого мира.

Где живёт круглолицый очкарик —
улыбка, косички до плеч,
коленки в царапинах, загорелые ноги.
Где квартирой —
пляж. За окном расторопная речь
моря. В языках волн шарики
гальки.
И вся жизнь на пороге.

При переносе с кальки
на полотно,
копии всё равно

искажаются. Величина времени —
это количество отличий,
которое найдётся
на всём, что уже дано:
Прерывистый гудок маяка,
птичий
крик над заливом в обрамлении
гор, одетых в низкие облака,
заслоняющая от солнца,
приподнятая твоя рука.

(18.03.15)

ДЖАЗ В ОДЕССЕ

Я считаю ступени, ведущие к Дюку.

Раз, два, три.

Я делаю вид, что набил себе руку,
чтобы лихо вести удачную жизнь.

Четыре, пять.

Черноморский бриз
завернул мои брюки,
дышит в спину —
не поверни.

Если придется сбегать вниз,
то тогда половину
камней ноги сами смогут узнать.

На эти я капал мороженым

За девятнадцать копеек
в первом классе.

Семь, восемь, девять.

А на этих поспорил с другом из-за корма для его канареек.

Что поделатъ. Мы помирились гораздо позже
в очереди к кинокассе.

Четырнадцать, пятнадцать.

Вот тут я споткнулся, чтобы схватиться за твою руку,
и пальцы,

вздвогнув, переплелись. С тех пор запахом твоей кожи
или звуком

голоса загорается память.

Шестнадцать, семнадцать, двадцать.

Я не знаю, как я прожил
через пустоту, когда ты уехала в эмиграцию.

Возможно,

я поехал за тобой — догнать и оставить.

Я в туристской толпе на пятидесятой ступени.

До верха ещё далеко.

Я грызу семечки из газетного кулёчка

И тени

каштанов соответствуют точно
моему росту.
Легко
и быстро мимо поднимаются не наши дети.
Шестьдесят, семьдесят, девяносто.
К залитой солнцем последней площадке,
откуда можно заметить
песчаные
дюны вдоль фривейной дороги.
Одноэтажный домик.
Сто десятая, сто девяносто вторая.
Всё. Мостовая —
черта.
Пологий
пляж. И томик
стихов на языке, что больше не прочитаеть.
Из другого края.

(01.06.15)

ЧИКАГО БЛЮЗ

Зачес туристского парика
на черепе 20-го века трущоб Чикаго.
Улыбка заката на вершинах готики
небоскребов.
Взгляд на стеклянное небо снизу, издалека,
жителю бетонного саркофага
слегка
напрягает шею.
Нолики
подавляющего богатства вжимают пришельца
в асфальт тротуара
недостижимостью такой мишени.

Июнь в Чикаго.
Сирена неслучившегося пожара
прерывает разговор
и мешает мысли в салат эмоций.
Рука тянется к пистолету, которого нет.
Суэта споткнулась. В её отливе простор
улицы.
По ней, пожарной в пару,
сзади, как куцый
пес, полицейская с обиженным визгом.
В остальном, трафик всегда плетется –
ремонт дороги или красный свет.

Я вдыхал жару,
перемещаясь от бара к бару:
кондиционер, столики, сцена,
хрипит труба,
перехватывая виолончель;
пара
из двух девчонок, смешанная пара,
рубаха –
бомж под мостом – тряпье, постель
из спальника, бутылок пластик.

Прокрасться мимо
на побережье, там, где мель
от озера приходит в пляж. Затылок
однополой пары.
Дом старый.
На фасаде подсвечены грифоны.
Взмах роскоши другого мира —
от пола **о**кна,
потолок журчащий красками мозаик,
плафоны
«**т**иффани», фойе, квартиры
и стайка чаек,
пролетающих на этом фоне.

Ночь в Чикаго.
Снаружи лестница, в ней стонет
ветер, сбивая с шага.
Гостиница, этаж шестой.
Одноэтажный житель — я бездомен.
Пейзаж прекрасен, холоден, жесток.

(26.06.18)

БЛЮЗ С ДОЖДЕМ

Есть грусть.
но нету формы для неё.
Я научусь
веселью днём,
лишь он закончит серый круг.
Начнусь
из рук,
из детских слов.
Еще не радость – запах, миг,
рванусь
из них,
из голосов.

Есть грусть
и память от неё
не устаёт –
один, вдвоём.
Строка – ручьи.
Опять тоска.
Опять ничьи
глаза – рассказ,
цветы, не знающие ваз.
Три штуки, как размер на вальс, –
оркестр – дождь
по сцене луж
и кружит
лист, чернила, тушь,
бумаги нож.

Тоска
и мокрый запах – влёт.
Пускай
поёт
луч-саксофон и соло-свет.
Сон туч, ветвь.

(05.88)

ПИВНОЙ БЛЮЗ

Ну вот, и закончилось лето. На добрую память.
Коричневый эль примиряет с эпохой работы.
Чуть-чуть тормозит. Можно в паузу точку поставить.
И уж точно избавиться временно от икоты.

Кто-то
нас вспоминает. Ничего, подождёт.
Вот отклю**ю**чен мобильник.
Да холодное пиво под тихую речь разговора.
Под трубочный дым.
О намотанных милях
мы с тобой промолчим.
Нам ещё расставаться нескоро.

Мы расскажем друг другу
о жизни и детях, мешая
времена и события. С перерывом на вздох.
на глоток.
Где осевшая пена чуть-чуть уменьшает
разлуку
до простого прощанья,
что так неизбежно, не вруку.

Ты глядишь на восток.
Ты чуть-чуть пожимаешь плечами.
Здесь, куда ни взгляни,
то ли Дальний, то ль Ближний востоки.
Мы на западном крае,
где скала расправляется с пеной,
чтоб стекала она, размывая пески-новостройки.
Мы живём в них пока.
Ну, нужны же какие-то стены?
Ну хотя бы стеклом ограничить от мира пространство,
где холодное пиво уже в обрамленье седин.
Где мы тихо сидим.
И, наверное, в этом есть ещё постоянство.

(07.10)

БЛЮЗ ПРОЩАНИЯ

– Раздевайся,
снимай ветер!
– Сколько?
– Рассвет заплатит!

Плетью
по краю платья.
Вестью
о чашке кофе.
Высью,
заклятьем кровель
Рано глаза итожить.
Звезды
слагают память.
Бал кожи
роздан.
Одна наледь –
паркету вровень.
Что дождь по сцене
на пальцах пауз?
Расцепим
руки.
Не нам Штраус –
покупки,
грохот.
Сорвать пояс!
Похоть...
Поезд.
Ветер.

– Как холодно нынче!
Вечер на плечи.
Оставим приличья,
Вчерне набросаем.
Отдай расставанье!
Нам нет расстоянья.

Мы сами
причуда, наречье, начало.
мы – старая стая.
Нас жизнь промолчала,
уста не листая.

– Как холодно!
– Помнишь дорогу обратно?
И логово годно,
там пятна невняты.
А призрак ушёл,
не мешая разбегу...
смешок –
это воздух к ночлегу,
к дождю до рассвета.
Стишок.
На экспромте кровати
отбрасывать ветер
и кутаться в платье.
Из снега.
– Не надо! Не надо!
Идущее лето.
Беспечное «ладно».
И ЭТО...
И тема трамвая
от струнных по залу.
Молчала,
ответ разрывая
руками.
Безденежье слов
обретя на коленях.

(06.88)

РИВЬЕРА МАЙЯ

древние Майя верили, что человек был сделан из кукурузы

Из рюмки тянет запахам агавы.
Февраль над Мексикой
склоняет пальмы в пояс.
И происк
альбатроса над тарелкой,
где стол накрытый,
упрощает нравы.
(По телефону текстики
безделья.
Здесь южный полюс
в представлении сеньориты
издалека, залетом на неделю,
с его жарой, что нравится кокетке.)
Луны дорожка, приходящая на конус,
в барашках волн светящиеся клетки.

Здесь танец с карточкой
заводят официанты,
не по ранжиру барина представив.
(Под ветром кофточка
на девушке взлетает
и вновь пристанет,
лишь порыв утихнет.)
Мы – меценаты,
если так прикинуть,
нельзя нечаянно
ошибаться с чаевыми
ничем не выйдя,
ни лицом, ни телом грузным,
у барной стойки над салфеточным молчаньем.
(Шаг вдоль, шаг в сторону, вращение плечами.)
Лишь пеликан, пикируя отважно,
стал однозначно понимать по-русски.

Потомок Майя ест початок
кукурузы –
upa cerveza
или dos – уже неважно.
Гитара под сомбреро. Джаз ночами.
Ривьера Мексики, исполненная песо.

(01.03.18)

АРМЯНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Путешествуя по Кавказу,
вспоминаешь правило торговли:
внешность продавщицы — движитель успеха.
Приятная глазу,
она — помеха
для проходящих мимо.
Так запятая тормозит фразу,
выделяя заранее подготовленную
мысль, что с контекстом не совместима.

Так же, паузой среди гор,
лежит череда долин — перебор
тонов от ночного до снежного,
в городочках, что в шрамах от древних эпох
и от эпох других,
с историей, прослеживающей
выживание, тем не менее,
наперекор
всему. Здесь церкви восходят с обрывов,
чтобы их лучше услышал Бог.
Северная Армения,
слеplенная из острых углов,
из помятых зданий,
где путник незванный
если посмотрит, глаза в глаза,
то обретает кров.

Здесь подставлены взгляду колоколов голоса
из рёбер старых церквей молчанием
над рекой, насупившей брови
утесов.
Внизу бурлит вода оттенка скал
из камня цвета старой крови.
Земля тут взрослыми
нечаянно
своих детей рождает.

Здесь туча над хребтом всё ожидает
ветра,
чтоб редко плакать каплями печали,
промахиваясь то по лягушкам в речке,
то по корове,
жующей зелень медленно, в начале,
где на плато бугрится крепость «Лори-Берд».
Её останки вечность
поглощает,
ровняя
контуры травой по стенам,
землей по крышам сохранившихся строений,
чтоб, заслоняя свет,
в дыру от купола корнями дуло время.

На западе долины — красный крест,
а на скале с востока — белый.
И тысяча минула лет.
Кому вот только —
остаткам ли от этих стен или скотине?
Она всё так же спелый
щиплет корм,
довольно
мотая головой,
и плоть её не поменяла форму
в картине
пастбища (не прав был Дарвин).
Чего нельзя сказать о камне;
он так пророс травой,
что взгляд от местности его не отличает.

Нога, нечаянно
споткнувшись о булыжник,
скорей заметит старую дорогу
вниз по каньону от моста, что гордо
над потоком ещё вздымает
арку. В подмогу
памяти на ближнем повороте

врос хачкар,
ушедший по плечо
креста в коричневом оттенке
кружев.
История взимает дань, сжимая
зрителя в размеры точки.
Пар
поднимая, солнце смотрит точно
в душу
в церквях, прямой луча
соединяя окна в разных стенах.

(06-29.05.19)

ДЖАЗОВОЕ АДАЖИО

А когда-нибудь мы остановимся
и накроем время салфеткой.
И я возьму твои руки в свои обе.
И поцелую твои глаза.
Сначала левый, а потом правый.
Ветер запутается в твоём платье. Смоковница
распластает над нами ветки,
защищая от солнца. И глобус
покатится из под ног назад.
А потом нас укроют первобытные травы.
Переломится и распадется,
Сгнившая давно, твоя клетка.
А главы
недописанного романа сдует в прошлое,
где было ничего нельзя.

И ты мне расскажешь про себя всё-всё.
Не останется в нашей истории тёмных пятен.
И мы поднимемся и пойдём,
и узнаём, что ещё не истёк
наш срок.
А значит, конец дороги пока ещё не понятен.
А значит, можно жить и держаться друг-друга.
И пускай суета нас, как щепки,
то сводит, а то разводит.
Мы когда-нибудь опять остановимся
И, уже без испуга,
снова выдернем из розетки
время. И не важно,
что за окном бушует по нас осень.

(07.02.12)

ШОТЛАНДСКАЯ СЮИТА

Здесь богу гор поставлен обелиск.
Здесь богу ветра поднята волна.
О бесконечном мысль
отчётливо видна
с закатом солнца за далекий мыс.
Тут звери разные когда-то бороздили лесов просторы;
теперь из фауны — лишь чаек разговоры
над рекой,
многоголосьем в окна, ночь насквозь
летающих толпой по улицам, над мостовой,
вдоль стен собора
на бреющем полете,
чтоб врозь
рассыпаться в начале подворотни.

Из флоры — есть на обороте
стесанного камня синий мох,
на памятниках — он же, коих сотни
расставлены — пойдя, прочти кому.
Аванс Малькольму ли за смерть, что ждёт Макбета?
Прили-отливом дышит океан в корму
парома, что пыжится на нём оставить след и потому
пока ещё пльвёт. Под ветром
времени так движется волна, вздымая пенный перст,
то вверх, то вниз, как якобитский бунт.

Здесь в летописи нету плоских мест,
где можно встать, подумать, осмотреться.
Земле ли выбирать — кого в неё кладут?
Какая разница, какую форму примет крест,
когда уже не бьётся сердце?
Утёс, отвес,
да памятник сраженью.
Дворец, сожжённый, как бы по ошибке.
Убийством красится эпоха совершений,

и, зритель, я, в ошейник
памяти засунутый по шею.
Я жидким
хлебом упиваюсь, чтоб не казаться взрослым —
жить без милосердия трудно.
А так, чуть спотыкаясь, — легка прогулка,
по следам вождя
былого клана.

Шотландский остров
в бесконечности дождя
над маяком, над серыми волнами,
вздымающими брызги в кручах рифов.
Ишак, коровы, пони, щиплющие криво
растущую круглогодично зелень. Здание
разрушившейся фермы,
за поворотом у, наверное,
зброшенной дороги.
Отроги
гор,
сбегающие в пляжи,
чуть тронуты кустами вереска — цветёт межа.
Да, в розовый узор
зелёно-чёрная на холм одёта пряжа
в полосу белых лесок ручейков, что водопадами спешат
к большой воде в порыве взноса.

Песок, обломки вёсел,
части сети —
всё моет дождь, но, странно, без тоски.
Вот альбатрос,
какую дичь приметил,
ныряет камнем. Стекают белые виски
прибоя по щекам скалы у входа
в бухту.
И светит мягкий свет, что долго так не тухнет.

Я жил бы здесь, когда б к какому роду
принадлежал. Или в другой эпохе народился.
Быть может, в менее паршивой.

Молился
б на рассвете, любил подругу,
мерил время с точностью недели,
глотаю скотч иль воду,
но больше греясь ожиданием солнца на панелях,
поставленных на небольшой вершине
и обращенных к югу.
Тогда, в конце несметного количества
забот, вдруг всё, что медлили
обнять своей любовью,
как этот край, под кожу б пробиралось.
Ни электричества,
ни интернета. Фонарик в изголовье
шаткой койки. И красота, смывающая старость.

(20-31.07.19)

БУКЕТ

Середина печали
ещё не цветок «до свиданья!»,
а только молчанье
плечами.
Ещё не мотив незабудок,
но тайна
несказанной розы.
Окраина,
где ромашек изгиб,
да бесхозность
пыльцы.
Тополей одночасье,
как сыпь.
Середина печали.
Концы
не видны —
гладиолусов нотная запись,
да клавиши — сны.
И бесстыдство тюльпана,
да отнятый запах гвоздик.
Незнакомые страны,
как южных цветов перепев.
Между книг —
ностальгия полыни,
и в ней далеко
апельсиновый запах чужбин.
Неуспевшие спины.
И маковый бред
над горбами равнин.
И покой.
И приторный вырез фиалки.

(04.88)

ВРЕМЕНА ГОДА

Ветер меня разбавляет водой из неба.
Нечего и подумать, что соберусь и встану.
Зимний сезон, где всё, что не бело, —
чёрно.
Контрастные краски. Природа — и та устала.
Кристаллы
кружащего снега под ветер и холод
четко
Выстраиваются в сугробы, как на парад
приветствий.
Из чрева застывшего мира, кто как придётся,
под дрожь, в мурашках,
слова, сотворенные ночью,
выходят голы.
Кривая живого, резко
набравши
скорость, проходит начало координат
и вновь плетётся.

До самых мочек
ушей закутываясь, приходится одеваться
во что попало,
отваживаясь
выйти в люди.
Полночь —
никак не в двенадцать.
А то ли часы врут, то ли
вообще неважно.
Тьма — безразмерное одеяло.
В студень
превращается тело,
Начальная форма уже несохранима.
Отчаянно хочется спать
бесконечный срок.
Это зима в отметках мела
на волосах любимой,

это несмелый
взгляд назад, как учили летать
прошлой весной — все кто мог.
Как разбегаться и, подпрыгивая, скользить.
Я больно разбивал лоб,
коленки, ломал ребра,
но научился лишь не тонуть в грязи,
да как, вылезши в темноте, смотря в оба,
начинать опять.

Позже, к лету, уверенно стал ходить.
С тех пор так пешком
и живу.
Нить
неторопливых маршрутов
протянулась стежком
неровным там, где не круто.
Например, пронося кульки
бережком
осторожных дней
по-над проймой сухой реки
(дорога безопаснее, когда вода не течет по ней).

Со временем, к осени,
постепенно к холодам привыкая,
я легко проходил по пройме
с грузом, тянущим профиль плеча,
рукой помогая
держат равновесие на осыпи,
где нет ничего, кроме
усталых дней.
Мне встречались люди, навязывались.
Только вот в русле ручья
нет необкатанных камней.
Много поскальзывался,
сбивался с поступи,
давая дорогу —
всё же острым ситуациям предпочтительнее ничья.

Главное — поспевать к сроку.
Главное — не выходить за рамки.
Можно от обиды надувать губы,
но сдерживаться и не кричать,
если с тобой грубы.
Так, вспениваясь,
летняя гроза вдруг затопляет ямки.
Вода впитается. Я пробовал прощать,
и вот мечусь нетвердой
песенкой трубы
по джазу жизни — кто его задумал?

Кто? Потому что этой зимой
мне опять снился город,
в котором я не был вечность.
Большие дома и небольшой мой.
Улицы резкий крен.
Пешеходы, спешащие куда-то
через морось,
в короткий световой день.
Я ждал тебя под буквой «М».
В те встречи
мне запомнилась заплатка
на твоём пальто,
Да долгий вечер,
что был как поросль
весны-травы, и вне сезона.
Сонные,
мы потом
выползали в мир.
Восходила луна над крышами,
над лесом из необитаемых квартир,
что обступил нашу поляну
и шумел клаксонами
авто.
И не было ничего тише
твоего дыхания, ненаглядная.
Кофта,

(ничего кроме),
наброшенная прямо на кожу,
промокла и прилипла.
От сырости была неумемная дрожь,
когда мы курили «филиппа-
мориса» на балконе.
Этот город мне никогда не снится летом,
но всегда в ознобе от сплошь
чавкающей слякоти
кругом,
особенно вдоль набережной серой речки.
Или моя память, покрытая белым налетом,
не удерживает ничего, кроме этого?

Да ещё света – пламя свечек
в мякоти
над праздничным пирогом.
И нет очевиднее загаданного желания.
Оно про бабье лето.
Оно про отражение
твоего счастья в моём,
когда уже ничего не надо.

Это осень, если запоминаешь не лица,
а только прощание.

По ещё мокрой траве, лугом,
мы наконец-то бежим бегом
за мечтой – ланью.
И это скольжение -
почти полёт над землей, потому и круглой,
чтобы на неё бесконечно падать и падать.
И никогда не разбиться.

(01.18)

ЭПИСТОЛЯРНАЯ ПАСТОРАЛЬ

Вот опять наступает срок,
и человек сжимается до набора строк
в электронной почте.
То живёт в письме, то ли ждёт письма
и листает жизнь, что пуста весьма,
между дел и прочего.

Электронный почерк
не шутит наклоном букв,
его линия слов не кривит от пота.
Убедительность на любой бумаге
ему сходит с рук.
Он не требует выхода в звук.
И только фаланги
пальцев
цокают по мостовой кнопок,
когда автор ими кричит в пространство
с одной дырой
куда ушел человек дорогой
или ещё какой.

Ну куда деваться?
Мы с тобой обезьянки
Брейгеля, прикованные цепочками
за обручальное
кольцо.
Там за окном без ставней -
Антверпен,
машет стягами
с башен, он в блесточках
птиц, в шуме причалов,
в домиках по лощинам.
А над ним такое небо,
что светится подоконник, как пылью
подернутый пылью.
Только мы не видим. Это нелепо,

что любовь взрослеет морщинами
расставаний.

Снова пахнет мимозой конец января,
бурей, а потом штилем.
Это время листьев, развеянных по газону
узором тайным.
Дело рук дождей, ведущих сон на расстрел,
как положено, по сезону.
А мы всё ковыряем компьютерного упыря,
позабыв про птичью трель,
заключенные в электро-зоне.

Ужели думал в сонме
ангелов Создатель,
что эта вот компьютерная блажь
в пассаж
из строк не впустит выдох платья,
походку, взгляд? Мираж
контакта из клетки в клетку
не выдаст шум касания руки,
не передаст
пейзаж
ни, вопреки
попытке, даже фона
не донесет?
Там фиолетовой магнолии бутоны
что чайный императорский сервиз накрыт на ветках.

Зачем нам всё
гуденье мировое,
когда не им взволнована душа?
Пришло письмо, что плыло не спеша.
Там, незаточенного,
след карандаша.
Там почерк,
Там ошибки, там живое.

Не оцифровывая и не потроша,
как безразмерную любовь числом означив,
упаковать, послать, принять, обнять
на том конце и не замерзнуть?
Не глядя в небо и не видя звёзды,
компьютерный палач
за неимением совести свой алгоритм запрячет.

Играет мальчик:
кажется, так просто —
купание на розовом коне.
Земля ли, Марс,
забытый материк в начале лета —
экран анфас.
Я научился говорить о том, что спето.
Но как пропеть о том, что не?

(21.01.19)

ГРАНД КАНЬОН

1.

Если есть музыка из камня,
то это её партитура.
Тут течёт река в обрамлении из миллиарда лет,
там – странной
архитектуры
башни неприступных замков, где парапет
крепостных стен прорезает красной
строкой рубежи эпох.
Ну как художнику беспомощной рукой
отобразить создателя резец?
Возможно передать лишь вздох.
Здесь заусенец скальный на хребте,
что рыцарь в капюшоне – весь сухой,
нагнулся к птице с экстра
головой.
В масштабе этих гор не слышен бой сердец.
Наш разговор не состоится. Сигнал плохой.
Попробовать, что ль, текстом?

Но как уложить в sms-ку горячие щеки каньона,
неизбежность ущелий,
пророческий шёпот воды?
Как ужать в сообщенье
подрезку тропы
над бездонной долиной?
Как оставить следы муравью на утесе, отнесённом
расколом от своей половины
на множество жизней его муравьиных,
где круты
вниз идущие стены из красно-коричневых глыб?
Там, где ястреб парит,
проходя перегиб,
поднимаясь не выше колена.

2.

Я выйду в ночь. Песка прохлада
знобит стопу.
Каскады скалопадов
вверх взбежали, уткнувшись кроной в звездную крупу.
Звезда слетит.
Желание, пожалуй,
перомолчи,
о чем желать?
Здесь лунный свет по ярусам пожаром
горит в ночи.
Шатать
вселенную отсюда можно взглядом, сличив
усатый профиль великана, с картинкой детской сказки.
Но ты послушай, как, разоде́тый в желто-оранжевую
краску,
ночной каньон звучит.

3.

Рассвет внезапен. Верхний край каньона
на дальней стенке в вышине коричневеет первым.
Силуэты елей отсюда выглядят травой
в масштабе расстояния от дна к вершинам.
Река бездонна.
Чуть нервно
пульсирует прибой,
где белая вода шумит в прижиме.
Ни дерева внизу, но лишь кусты, да каменный откос,
да ребра скал, дышащие кривой изгибов русла.
Мышиный хвост
мелькнет, а так — живое скудно.
Дрожь воздуха напоминает, что в пустыне,
помимо путника, всё остальное — пусто.

4.

Я – путник. Я веду своё судно,
маша вёслами по складкам седой реки.
Я послан своей прихотью.
Я смутно,
вопреки логике, понимаю цель своего старания,
но как свет на выходе,
разветвлённо проникающий под каменные мосты,
я – единственное оправдание
наличия у каньона измерения красоты.

(6-16.11.19, Grand Canyon)

МЕБИУС

Закончен лист. С него на шаг
чуть отступи —
и вновь абзац.

Не заблудись,
коль пыль бумаг
летит в глаза.

Веди строку,
не верь в конец,
замкнется стих на полотне.
Тогда ликуй —
среди колец
споткнулся ветер на коне.

Седло лежит,
поёт беда,
змея заглатывает хвост,
а путь бежит
из — в никуда
и вечно прост.

Здесь запятые не нужны
и нет деления на ритм.
А строки все напряжены
одним дыханием твоим.
И только удивлённый свист,
когда на свой
наступишь след —
Кто здесь прошёл?
Какой поэт?
Да не споткнись —
закончен лист.
С него на шаг
чуть отступи —
и вновь абзац.
Не заблудись...

СУБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

ПУТЕШЕСТВИЕ В МОСКВУ

Ты по-прежнему хочешь, чтобы я прилетел?
Чтобы таможенник с каменным ликом
шлёпнул штамп
звуком хлопнувшей двери,
выпуская меня в толпу встречающих тел,
приветствий, криков,
под освещение тусклых ламп,
проверив, но не поверив?

Чтобы я прикинул на пальцах
одной руки
всевозможные лица,
которые меня ещё вспомнят?
К этому по набережной. Подъезд с реки.
К этой можно не торопиться.
А с этим лучше в кафе, там хотя бы накормят.

Да если и прилечу, то ненадолго.
Чтобы не успеть привыкнуть к навесным дождям,
к пологим,
непроходимым вброд площадям,
чтобы только
успеть повидать этих немногих,
прикипевших к своим вещам,
что в итоге
переживают своих владельцев.

Прилететь, никуда не деться.
Отыграть моноспектакль гостя,
сверкнуть блесной,
хотя актер из меня с натяжкой.
Образ в ложь сорвётся,
сомнётся,
фальшивя обои, диван, чай, печенье.
На память останется кофейная чашка,
то, что я грустил весной

и всегда плыл против течения.
Мимо закрытого входа в метро «Южное»
торопился домой
через свистящую непогоду.
Зачем я здесь? Что поправить?
Прилететь. И кому это нужно –
мыслями входить дважды в одну и ту же воду
с расстоянием между берегами всего лишь в память?

22.04.15)

ОДИССЕЙ

Ты отсутствовал долго. Здесь всё по-другому.
К власти пришел твой соперник.
Женщину, что полюбил без взаимности,
продали в рабство.
Теперь уже к дому,
в котором ты жил, не пробраться
сквозь слякоть, терновник
и заросли жимолости.
(Мы ей заедали с тобой перегар сигареты,
чтоб потом обниматься
с уставшею мамой, пришедшей с работы.)
Разве только короткое лето
и сохранилось.
Но даже оно стало как-то короче
и уж точно
прохладней. Ну что ты
молчишь,
что ты смотришь под ноги?
Здесь чисто.
Убиты бездомные псы,
пока тебя не было. Ты в немодной сорочке,
одет иностранцем. Не «блоки» —
«кварталы». Иногда не понять. Перестань.
Так теряют язык,
в окончаниях буквы меняя местами.
Ты был слишком свободен для этого мира.
Зачем ты вернулся? Листы
размышлений?
Кто умеет читать, их найдет в интернете.
Твой шаг по планете
тяжел. За тобой асфальтировать дыры —
расходы! Послушай, решенье
твоё появиться сегодня, сейчас — запоздало.
Ни общего нет, ни надежды, что будешь услышан.
Нас что-то сломало.
В краю караульных постов

архитектор умело лишь ниши
бойниц для красоты облицует.
А так, на плечах здесь не носят крестов,
здесь их только целуют.
Это легче, пойми, пускай в никуда – всё же путь.
Так что лучше не майся,
уйди. Отрешись и прими. Потом позабудь,
постарайся.

(21.04.18)

ЭПОХА ВЫБОРА

Моя милая, вот ещё одна демократия помирает
на наших глазах, давая дуба.
Царство добра покрывается ряской ненависти.
Если что и играет
роль, так чувство страха, говоря грубо,
направляемое посредственностями.
Великая идея вырождается в фарс.
Всё тайное становится явным.
Что раньше виделось в профиль,
теперь предстает анфас,
и, прямо,
вид на него уродлив.

Знатокам истории — будущее бесперспективно.
Нас лишь спасает безграмотность
да полное отсутствие стиля.
Иначе стыдно.
Грузовик закатывает в асфальт память о дне Бастилии
во славу Аллаха на набережной в Ницце.
Другой радикал расстреливает ночной Орландо.
Безоружные, нечем защититься,
в расход пущены Брюссель и Париж.
Ладно
были бы сказки про Аладдина —
далекое время и чужое место.
А это по нам и гораздо ближе —
Сан Бернардино.

Злые тёмные дети. И не объяснить.
Глухота поколений взаимна.
Каждое новое желает «получить и иметь»,
наивно
не вырастая до «создать и оставить».
Посметь
хотя бы однажды
напоить строптивую лошадь — так не найти цыган,

пока запоздалая жажда
не случится, а тогда уже не поправить.

Дорогая, я пишу это в начале конца эпохи,
у которой религией был карман,
и которой, может, на наш век и хватит
в каком-то виде. Сегодня это ещё сполохи,
но времена платья
уступают чадре.

Как ограничитель она мешает сознанию,
а значит, и творчеству.

Но нарушить запрет
и её раздеть —
потребуется поколение.

Целиком. Творец же всегда одинок,
а в пределе одиночества
по времени
остается только созидание
или смерть.

Эти мысли грустны, а в форме слов першат
в горле. Современное магометанство
катит каток зла на детей, за нами идущих.
Ну как отказаться на брудершафт
выпить с призраком равенства и свободы?
В поисках постоянства, не зависящего от власти,
в сущности,
можно лишь чуть дышать,
находя утешенье в природе,
которая всегда говорит
на языке счастья.

Покуда, отражая солнце, горит,
штопая облаков розовеющее одеяло,
игла заходящего самолета.
И пока парит
над заливом покрытая красным налётом
заката гора «Дьявола».

(27.11.16).

ПАМЯТИ ПОЖАРОВ В КАЛИФОРНИИ

1.

Большой пожар статистика
будет измерять на акры,
умноженные на единицы валюты —
это количественная сторона беды.

Физики

будут отмечать лютое
сочетание факторов.

Пока, разевая клювы,
вороньё продолжает каркать
над пепелищем корма.

Там, где вчера — сады,
виноградники, домики или виллы,
сегодня ничего, кроме
труб от каминов,
немногих остовов стен, что слепили
собой углы, стоящие
сами по себе.

Мимо

проезжающий почтальон
находит редкий сохранившийся ящик,
что огнем не вспорот.

Внучка ли писала бабушке, корпя
над буквами «а», «б»?

Машинка как шарманщик,
повторяет шансон

«stop and go»

речитативом разрухи.

Как выглядел город?

Лишь архив фотографий — памяти якоря.

Не летописи — слухи.

2.

В многомиллиардный год с момента сотворенья.
В такой-то день. Назначил Ты, что эти будут парой.
И вышло всё по Твоему велению.
И нежность, и обиды.
Мы перевиты,
переплетены,
нам карой
расставанья матине
в течение дня, заваленного бытом,
где к вечеру зажгут огни
пожара западные ветры.
Открыты,
беззащитны в них — одни.
Так правильно ли я читаю Лету,
или не тот подход?
Мне ровно сто.
А ей немного меньше.
Ревёт пожар, что послан на двоих.
В многомиллиардный год.
Перевернуть листок.
Из книги жизни выпадает стих:
«Спасая женщину».

(21.10.17)

ЛАС ВЕГАС

«и повторится всё как встарь»

(А. Блок)

Когда время кончается,
остаются вещи, которые не успел сделать.
Как незакрепленные винтики.
Так выглядит поражение.
Ночная пора.
Фонарь качается
над своим отражением
в воде над рябью канала.
На аптеке мелом —
граффити.
Компьютерная игра,
где не пройденный уровень
приходится повторять сначала.

Выбирая тела и фигуры
различного свойства,
забыть, что нет ни времени, ни пространства.
а только Слова. Их воинство
прикрывает правду от искажения,
защищая истину маскировкой празднества
и тем подчеркивая к ней уважение.

С пренебрежением
к уровню этой игры,
Герострат снимет 32-й этаж
небоскреба, где внизу загон,
куда крысолов доставил наивных.
Они открыты,
с бедой незнакомы.
Фигуры падают. На равнине
не скрыться. И через стон
проступает время — уже не мираж —
реальность. Исполняя закон,
мы легко, без оружия,
входим туда, куда наши предки

не вошли б ни за что без кольта
или двух на вышитой портупее.
Делая вид, что помним минувшее,
мы глотаем таблетки,
сбрасывающие разум на ноль,
лечась от болезней, которыми не болеем.

Я прохожу по аллее
из красных имён на белых крестах,
перечеркнувших город греха,
как ошибки учитель на листах
сочинения,
прежде, чем предать его ветру.
Этих ли слов строка,
сознание проминая,
есть открытая истина, а значит, прощение?
Уходя, мы с надеждою вспоминаем,
что бессмертны.

(07.10.17)

МЕНЕСТРЕЛЬ

Гитара в северной стране звучит особо.

Её басовая

струна не приспособлена

к морозу —

под холод первая, вторая

годятся только кое-как.

Их тонок звук, как льда капель,

что разбивая ночи мрак

лишь шепчет в воздух

пасторали.

О чём вибрирует аккорд?

Про пляж, лазури колыбель,

в широтах, где его не звали? -

Некомпилируемый код,

где в низком небе ходят шквалы

и плачет солнце от печали.

Начать сначала —

взять гитару. Как тесно в этом языке!

Как барабана не хватает,

когда клокочет там внутри

тот ксилофона колокольчик.

Так сок гобоя алчет строчек,

пробившись потом на виске.

Хрипи,

труба, хоть на бумаге,

когда не можешь наяву!

В овраге

набухает почка.

В ней краски музыки — цветочком.

Его от зависти затопчут

или бессмысленно сорвут.

Нечеловеки.

В продмаге –
выпивка с тоскою.
Согревшись, пальцами стуча
по деке, –
речитатив – строкой пустою.
Не инструмент – доска доскою,
и нет басового ключа.

(17.02.19)

РЕЙС № 93

Ты ещё будешь видеть сны,
когда мой самолёт уйдёт в облака.

Прости.

Нам не свидеться больше.

Моя рука

не обнимет тебя с утра.

Тоньше

ты станешь от этих вестей —

не смог я беду отвлечь.

Разбросали тело на сто частей,

те ублюдки, которых речь

нам с тобой никак не понять.

Порешили, что хватит

нам наших встреч.

Хватит мне тебя обнимать.

Даже если мы всех сомнём —

нам не встать на земле живым.

А ты ещё будешь видеть сон.

Последний, посланный нам двоим.

Двоим.

Ты улыбаешься. Я тут, стою —

дотронуться лишь никак.

Люблю.

Я тебя навсегда люблю.

Нечестно, что всё вот так.

Я смотрю

На тебя в восхода лучах —

разметавши бельё, ты спишь.

И поправки к календарю

ещё нет. И ах,

как хорошо,

что со мною ты не летишь!

(11.09.02)

ПОЛОНИЙ

«If ever a people took its energy from hope, it is the Russian people.»
(John Steinbeck)

Привет тебе, мой терпеливый край,
надеждою на завтра
сегодня жизнь влачащий.
В колоде лет, как ни перебирай,
всё злость и зависть выпадают чаще.
Кто виноват, кто прав? -
в себя смотреть больней.
Оставим уши пропаганде лести,
закроем взор.
Когда из горьких трав
готовится елей,
то в прикупе – погоста крести.
Под серым легче прячется позор,

Над Авалоном небо обложное,
Здесь недостаток солнца – не помеха,
лишь бы не жгло.
Мы не скрываем вздоха:
что лишено
понятья чести – есть смешное.
Мы улыбаемся. (Кому-то не до смеха.)
Но верим твердо – худшее прошло.
Пускай сегодня плохо,
пускай сегодня трудно –
во имя завтра
в кровь сотрём ладони,
потерпим, стиснув зубы,
штыком долбая руды.
В Крыму, не правда ль,
добывается полоний?

(18.08.18)

КРЫМСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Эпоха внезапно перевернулась,
брюхом проломив время.
История испуганной птицей бьёт крыльями по луже
памяти в раскопках смысла.
Обиженные изнутри и обожжённые снаружи,
мы мечемся по арене,
пытаясь разглядеть, что над всеми повисло.

А повис и спускается вниз двадцатый век,
поедая простор, привычная сгущается тьма
от центра, в котором снова один за всех,
ко всем, посходившим опять с ума.

И катит волна на свет — вновь идёт исход.
Выплескивает наружу. Третий пустеет Рим.
И больно видеть не то, что один народ,
а режет болью то, что народ — один.

История переписана.
Кто её разберёт
по частям? Под швы памяти не подсунуть нож
освистывания.
Страшно не то, что диктатор врёт,
а то, что все верят в ложь
истово.

На четвёртом сроке правления
Полнота власти видна невооружённым взглядом.
Избавление
от надоевшей супруги не встречает сопротивления.
Парады
не требуют приказа. Население,
подсаженное на патриотизм, забыв про голод,
глядит в рот.
Есть объявленный враг. Диктатор молод,
и ему ещё не пора в расход.

Город
продолжает зарастать подлеском
опустевших лиц и горящих глаз.
Дымно. Дыхание отнимает силы. Вместо
долей секунд вдох занимает час.

Прохожие, погоняя свои хлопоты,
месяц мартоноябрь слякоти,
кутаясь в пёстрые,
приспособленные под погоду, одежды.
В мякоти
наступившего времени ощущаешь возраст —
это когда количество опыта
превышает количество надежды.

(24.11.14)

* * *

*. за 24 часа на сгоревший Нотр Дам
было собрано 1 млрд евро.*

Если храмы горят,
значит что-то не так на планете.
Знать эпоха спускается в каменный век.
Нам властители тел говорят –
«Спите, а когда на рассвете
проснётесь – всё будет в порядке».
Они брешут. Подряд.
Пекло злобы людской вечно завистью пышет,
но невежливо сряду,
в лицо называть негодяя.
Мы починим на храме сгоревшую заживо крышу,
а властители тел там кому-то дадут нагоняй.
Лишь, чуть слышно,
мальчишка
бездомный поёт Марсельезу.
По заборам, где краска и мел –
приживается плющ.
Вновь беспмятный век заменяет собою железный,
выкупая властителей тел
у властителя душ.

(30.04.19)

* * *

Это всё из другого —
Москва, перекрёсток, осень.
Тот
изношенный год,
где на восемь
стояли часы.
Чтоб
в конце полосы
оторваться
и, тень не отбросив,
улыбнуться дождю
и размять сигарету в руке.

Это всё из другого —
туман, нисходящий к реке,
этот мартоноябрь погоды
с тоской пополам,
как с любовью.
И город
в обмане свободы,
и некто,
укутанный в плащ,
вдалеке.

(12.89)

* * *

Сто лет
уж миновало,
милый друг. Сюжет
на выдохе. Предчувствие развязки
как попало
героев и предметы расставляет.
Не для движенья — для воспоминанья —
как стояли,
откинув маски!

Острова и дали
переместились
за сто лет заметно.
Море лишь не сбилось
с ритма. Так же регулярно
воюет берег.
Так же безответно
насуплен камень.
А карма
важного героя
давно угасла в похоти потомков.
За сто лет
сместились цены, по крайней мере, втрое.
И пленка
режиссера не реагирует на свет.
Чувствительность подводит, вероятно.
А может свет
не тот?
Но, проявляя, видишь пятна
стыда.
Что сделаешь!
Ещё сто лет случилось.

(02.89)

К 21-МУ ЧЕМПИОНАТУ МИРА ПО ФУТБОЛУ

Да, тиранчик неплох. Обеспечил и хлебом, и шоу.
Что режимчик в крови, так всегда недовольные есть.
Пусть приходят, шумят возле театра Большого.
Улыбается тот, кто умеет откладывать месть.

Мои ноги устали печатать походку по кругу.
Мои руки застыли, ладони к затылку прижав.
Если буду послушен, тогда мне позволят подругу.
Улыбается тот, кто умеет легко обижать.

Бесполезны надежды, Господь замышляет другое.
Повстречать человека – и жалко, и сердце щемит.
Барабанная трель убивает живое в гобое.
Улыбается тот, кто потом никого не щадит.

Вот восходит душа, от земли оторвавшись неспешно.
Не злодей и не жертва – теперь только глина и прах.
Не суди, помолчи, не бывает безгрешных.
Улыбается всяк, позабывший про собственный страх.

(06.06.18)

ЭЛЕГИЯ

Дорогой, память уже начинает отказывать,
а цифры о нас теряют точность,
Мешается всё – хорошее, плохое, разное.
Но видна любовь, издёрганная на прочность.

Теперь, настоящих, нас совсем немного,
отсеялась приятелей шелуха,
с которыми, иногда надолго,
удавалось выпадать в осадок.
В итоге жизнь получилась не так плоха,
хотя и полна вкусовых присадок.

В этот день юбилея
принято говорить пожелания и дарить подарки,
от которых ты, млея,
переоценишь прошлое, прожитое в запарке.
Сегодня пусть всё получится, так как должно.
Главное – чтобы душа не мелела,
Потому что с обмелевшей душой
Жить пошло.

Давай останемся на подольше
верны себе, даже когда государства больше
между собой не ладят.
На них плевать.
Но однажды, севши на велосипед,
чтоб не упасть,
приходится крутить педали.

А помнишь, когда мы ещё ходили пешком,
с нами приключались девочки,
как теперь происходит у наших детей?
Юность, талия, перехваченная ремешком,
и масса важных, несерьёзных идей?

Наша жизнь пролегла, в основном, порознь.
Я даже не знаю, есть ли общие темы, кроме детства.
Нам есть о чём помолчать, чем по-пустому елозить
словами в разговоре, от которого нельзя согреться.

С точки зрения сверху,
если сродство душ противоречит сознанию,
то разум — временная нашивка.
Вот я смотрю на подножие
своего будущего памятника
и вижу корни тысячеклетной секвойи.
Это ошибка.
такая масса времени обозначает праведника,
а это не к нам. Оставим тему в покое.

Оставим и возвратимся в страну костров,
она похорошела от высоты лет.
Посмотрев вниз,
наивность минус надежды снов —
остается дружба, от которой исходит свет.

(18.03.14)

МОСКВА

Отпусти меня спать.
Не держи мою душу беседой.
Через тысячи миль я не чётко внимаю словам.
Что любовь вспоминать?
Не получится, как ты ни сетуй
на сложившийся век,
что приходится жить пополам.
Твой свободы побег
вырос вширь. Стал похож на колючки узор.
В лабиринтах его заблудились слепцы.
На позор
тебя твёрдой рукою ведут под уздцы,
и внимательно смотрит дозор.

Да, бывают надежды,
в которые больше не веришь.
Что из всех покосившихся изб
перестанут выбрасывать сор.
Поддаваться невежды
перестанут злодеям,
и за всем приглядит мудрый дервиш,
что рассудит вскипающий спор.

Только где тот мудрец?
Через шарик насквозь проступает другое —
как наказан народ, потому что забыл, не простив.
Отпусти меня спать, наконец!
Одари мою душу покоем.
Я певец
языка, на котором лишь горе блестит.

(12.04.15)

ЗОЛУШКА

Как выжить девушке с таким лицом?

Она должна же быть принцессой!

Кольцо

с бриллиантами, прислуга, платья.

Но пальтецо —

стандартного пошива;

без интереса —

усталый взгляд, пересекая улицу

в обход машины,

какая грация,

изящество над грязью луж.

Муж.

Эмиграция.

В далекой перспективе: краткий брак,

сын трудный. Всё-таки, потом путёвый.

Работа непротивная, и ладно.

Цветок, влекомый

ветром по обочине, в сто крат

имеет больше шансов вянуть в вазе,

чем вдруг она её величеством предстанет.

Да, всё при ней.

Всё складно.

Заворожённый музыкой походки, вне стаи

пешеходов, мой взор недвижим.

В свете фонарей

бесстыдство моих глаз,

заслушавшихся жизни,

уже не скрыть. Она зовёт и властно

тащит за собой.

Над мокрой мостовой,

где стаей — брызги,

летит в вдогонку пожеланье счастья.

(08.04.19)

* * *

Людей тех нет.
А голос их всё в памяти не гаснет
Уж сколько лет.
Всё кажется вчера,
так чётко, ясно
до шороха одежд,
до телефонной трели,
мы всё беседуем...

Не устарели
темы.
Вопрос-ответ всё также актуален
для дымных кухонь
как для светлых спален.

Как странно,
что сегодняшние беды
я обсуждаю с тем, кто канул в лету.
К совету
данному прислушиваюсь просто.
к беседам в комнате,
к произносимым тостам.

И время распадается на части.
И остро
не отсутствие твое, а тембр голоса.
И то, что я во власти
отпущенного нам вдвоём.
Мы не торопимся.
Беседа плещёт морем.
Мы обсуждаем жизнь после большой разлуки.
Мы смотрим вдаль.
Гораздо меньше спорим.
И вздох не сразу облакаем в звуки.

ИСТОКИ

* * *

Адрес, как и прежде,— пустыня,
до востребования, через сорок лет.
И, пожалуйста, самыми простыми
словами — от кого,
то есть куда слать ответ.
Да, не забудьте марку —
такую, чтобы штампель
солнца,
ровняющего всё в песок,
сохранил лицо
правлящего лиходея.
Жалко,
если не удастся разобрать ничего,
кроме очевидного: Восток,
жарко.
Туда, где я,
брать почти ничего не надо,
всё есть, но
некоторые путешествуют со скарбом
весь срок.
Рады бы расстаться,
да не дано.
Пространство
слишком разрешено
в жёлтом.
Так что вся картина,
где раньше было морское дно,
напоминает сказку о
первых палитрах,
на коричневой глине
замешанных для того, чьё имя одно
указано
в титрах.

(05.89)

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

А что, стихи всё равно о чём?
Это как отправиться в плавание
на кораблике из рифмованных строчек.
Подбирая желаемое как главное,
помня, что Бог создавал мир ночью.
Почерк
при таком раскладе был неважен.
Когда мироздание
завучало – в нём уже была рифма.
Кораблик, забитый переживаниями, как поклажей,
лавирует между рифов
сознания.
Намокает бумага – лишь бы не сесть на мель.
В нулевой тишине первый звук есть бесконечность.
А когда растает первое слово –
это первый рассвет. Первая цель –
вечность.
Умирующий звук – готово.
Рассыпается светом вселенной. Трель
птичья ещё не сделана,
а то бы и она звучала.
У кораблика ещё нет причала.
У нас с тобою ещё нет тела.
Но есть начало.

(07.03.14)

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Мне было одиноко, и я создал себе собеседника.
Так нога подбирает опору под шаг, иначе — зачем нога?
Слово, обречённое в форму звука, —
суть, существующая без посредника,
разбитая на слога,
требует наличия уха.

«Здорово!», — сказал я ему тогда.
Но слово ещё не могло ответить,
Бессильно,
глазами лупало и месило воздух,
крыльями, как руками, держась за ветер,
принимало позы
из одних гласных.
И лишь когда я обрезал ему крылья,
между нами возникла ясность.

«Пора», — я подумал, кивнул
и придал слову время,
чтобы отделить звуки друг от друга, —
ведь по-другому в них нету прока.
Так наш контакт получил глубину
ещё одного измерения.

Он посмотрел на меня без испуга,
и я понял, что ему одиноко.

(15.08.16)

СЛЕДЫ

Я научусь читать слова Святой Земли.
Вот дерево, проросшее сквозь камень.
Котёнок, копошащийся в пыли,
над ним, в велосипедной раме
перебирает смуглыми ногами
на бизнес наострённый бедуин,
так что рука моя спешит в кармане
потрогать кошелек.
Иерусалим
шумит вокруг и равно безразличен
к прохожему или к пророку.
Вниз глядя с высоты веков, — они похожи.
Но кто же
сумеет посмотреть на это сбоку?

Так неприлично,
маскируясь под чужую душу,
я, прикрываясь то кипой, то шляпой,
шагаю за молящимся и трушу,
что не смогу, не подчинюсь порогу,
перешагну. Что клапан
времени, выпускающий туда,
уже не выпустит обратно,
что, как бы ни хотелось на попятный,
уже не смочь.
Людская человечества руда
так переходит в дух, в молитву и в отвалы прочь.
Так в ней встречаются слова — святые пятна.

(10.05.14)

МОИСЕЙ

1.

Если мерить любовь,
если как-то придумать устройство
со шкалою свиданий и счастья, хотя бы из разных
частей.

То тогда единице такого всемирного свойства
назначается имя —
размерность — один Моисей.

Это, право же, просто,
чтоб со всех континентов события и люди
сплелись в тесный клубок.
Это очень невзросло,
и кто-то, наверно, осудит.
И даже попробует времени выставить срок.

Подчиняясь минутам, увы,
мы беспомощны в этом пространстве.
Ленинградский трамвай исчезает.
Он — вне скоростей.
Только город из камня.
И в нем — Третий Храм постоянства.
Весь в убранстве
любви.
И приведший к нему Моисей.

(26.01.08)

2.

Я смотрю на холмы. На линию пляжа.
На солнце.
Мне тысяча лет. Или больше.
Ну поди, разбери.
Я здесь корни пустил.
И они разбрелись как придется.
Раздарил
все свои имена — словно с веток листы.

Я гляжу.
И глаза корректируют первую память.
Я прошу, —
И материя гнётся от слов.
Как же просто сказать,
что потом не возможно поправить.
В избежание ошибки — научиться бы слушать любовь.

Я спиной повернусь, чтоб закат мою тень передвинул.
Чтобы свежие всходы не попали под зной.
Поднимается ветер. И дождь выбирает долину.
Неужели все это со мной?
Да уже над страной
Ливень прёт без обмана,
виснет туча, и нескоро жара запечёт.

Я с течением веков различаю все чётче —
от кремлёвско-египетских стен и до третьего храма.
Кто ведет душам счёт
пусть зачтёт,
не споткнувшись на счёте.

(26.01.13)

3.

Правнуки давно не проходят под стол —
выросли правнуки.

Ствол
семейного дерева уже в ширину страны.
Дали, которые видны
с его вершины,
не имеют названия.
А ведь вчера ещё эти паршивцы
бегали в шортах, что твои лабухи
орали песни.
Я теперь вот осваиваю
занавес тишины
с Ципорой вместе.

Посох стоит в углу, покрылся пылью.
Зачем посох, если родник бьёт
не иссякая?
Пройденные в скитаньях мили
застроены домами. Кто в них живёт —
не знаю. Скрижали
стоят на полке —
зачитанные, переизданные на бумаге.
Хорошо, что про них не забыли
в суете потомки.

Злаки
открытого мне Закона,
переодетые тщательно,
колосятся к северу от Босфора.
Галлы, гунны и даже варяги
заметили, что вселенная к ним более благосклонна.
«Ну и замечательно»,
как говорит Ципора.

Спасибо Всевышнему за неё,
особенно, когда дети выросли.
Я смотрю ей в глаза — и в них моё

всё. Все, кто пошёл за мною
и всё, что они вынесли
за тысячи лет. Победители **правы**.
Я вижу ясно, под их ногою —
не сохнут травы,
а восходят цветы.

Я купаюсь в том хороводе из запахов.
Эта — местная роза, этот — будущий клён,
эта — северная ромашка,
а вот — лилия с запада.
Кружево из людских имён.
И пока намерения их чисты,
как свет **утра**,
Я их любовью укутан.
И потому за них мне не страшно.

(21.01.18)

МОШЕ

То ли голос во мне твой слаб,
то ли поколение глухо,
то ли то и другое вместе.
Вот уже пухом
скоро будет по мне земля
а я, хоть тресни,
твержу из непечатного словаря:
«непруха,
бля.»
И стучу посохом по сухой скале,
и жду, что вот-вот потечёт из неё вода,
наверное, питьевая.

Но здесь иная
пустыня. Если что на нуле —
то навсегда.
Когда сторона в основном тeneвая,
то в ней трава только
и прорастает.
Горькая.
Знаю,
ты мне будешь всё твердить о высоком,
что мы всего-то мох-перегной, то есть Надежда.
Это пустое.
Приговоренные не к сроку,
а к месту. Языком.
только и верим в слово, и то всё реже.

С весною,
может начать сначала?
Найти каких людей, в этот раз подостойней,
соблазнить свободой, увести,
рассказать скрижали.

Перебежали
бы всё равно к идолам. Не сразу. После бы.
Все. Прости.
Несу ересь, матерюсь на жульё,
сомневаюсь в начатом,
как сослепу!
Бросить бы махать посохом.
Освободить помыслы, стереть начисто.
Но вот-вот польёт.

(09.02.19)

ЙОМ КИПУР

Я вырос в местах, где прохлада всегда зловеща,
а подвох и обман в норме вещей.

Поэтому резче,
чем принято, откликаюсь на обиду.
Из полезных ремесел умею колоть дрова,
и, не подавая виду,
что пальцам больно,
без использования клещей
вытаскивать ржавые гвозди.

Я из эпохи, что не отстаивала свои права
и была довольна
искусством одиночек, а вовсе
не продуктом команд,
как-то: кинофильм, цирковое шоу
или ещё что, лишь бы было прикольно.
Я рад большому
событию и всем приходящим в дом,
но на чужом
празднике – всегда на страже.
Отчего часто смотрюсь нелепо,
пытаясь вжаться
в дверной проём,
хорошо помня, что как-то даже
получил приглашение на небо
и как смог от него отказаться.

Я обучаюсь прощать, не переходя к мести,
она лишь добавляет боль от событий.
Велика роза ветров –
можно разойтись. Но не забыть.
Из песни
сюжет не вынуть. И я помню тех, кого я обидел
дольше тех, кто принёс добро,
чтобы, когда ударят, быстрее понять откуда.
Но пока не разучился любить,

благодарю за чудо.
Благодарю за то, что не иссякает порох
брать паузу на красоту и переживать страсти.
Не покинь, когда настанет время разборок,
и я перестану помещаться со своим животом
на тропинке счастья.

(11.10.16)

В ТЕНИ КАМНЕЙ

В памяти горит свет.
Закат, отражённый от белого камня.
Холмы. Их линия медленно сходит на «нет»
у горизонта. Город, натянутый на подрамник
времени. История, резонирующая прямо в кровь.
Да, я уже бывал здесь и господином, и смердом.
Я — частица этих склонённых голов,
что под открытым небом
строят берега добра
размером и ритмом
своей молитвы.
Паломники, кошки, детвора,
пустынных улиц стоптанные плиты.

Я снова здесь, как раньше, и не так.
Хозяин, заскочивший в гости. Просто
придавлен памятью. В ней старый лапсердак
никак
не подгоняется по росту.
Я к плёсу
площади у Западной стены
вдруг выброшен без всякого нажима.
Я — нерождённый сын моей страны —
Иерусалима.

Теперь ведом невидимым лучом
сквозь трещины за каменную кладку.
Туда, где был и не был я ещё,
к началу, что в сухом остатке,
не изменилось.
Можно, возвратясь,
найти свой камень, чтобы прислонясь,
почувствовать себя среди народа,
когда, сквозь арку незаложенных ворот,
взгляд видит чётко сущность небосвода,
как связь времён, а не наоборот.

Как блоки стен надеты на линейку —
лежат века. Но их не охватчу.
Я город пробегаю по лучу.
За башни, переулком, по ступенькам.
Я здесь молился, жил.
Теперь молчу.

(18.03.14)

ПЯТНИЦА

Ты зачем-то лишил меня тапок,
мой глупый щенок. Я теперь пробираюсь, босой,
по колючкам
двора.

К моим пяткам
пристала кора
на смоле, обронённой сосной
и, по случаю,
лист прошлогодний, не принятый на пережной.

Ты так тьякал
на белку
с досады,
пытаясь допрыгнуть до ветки,
мой мелкий герой,
что развеялся сон на рассвете.

Даже кофе не в счёт.
Я с больной головой
у компьютера сяду,
но, что ни открой,
засыпающий взор не прочтёт.

Не заметит.
Только ты не причём.
Виноват в этом я. Побежал по делам.

А тебе? А тебе нипочём.
Мне в быту непростом
суетливые танцы плясать.

Ты виляешь хвостом,
мол, заботы уже пополам.

Мы пойдём
на прогулку, ты влезешь ко мне на плечо,
чтоб оттуда рычать на большого соседского пса.

У тебя по усам
пробегают понятная дрожь — за прогулкой
ужин.

Ты служишь
и смотришь в глаза.
Одиночества кружево
тишиной заплелось в нашем гулком
дому, на полу разлеглось,
но потом испугалось, что ты его будешь кусать.
Ты заканчивал кость,
вечер носом прижался к ночи.
Я молитву сказал. Я зажег две свечи.

(23.08.19)

ВСЕМ СОБАЧНИКАМ

1.

Я опять прохожу через чистилище смерти.
В этот раз это просто моя собака.
Вычесанный когда-то кусочек шерсти —
на память. Да пустота, навалившаяся с размаха.

Да, похоже,
следят сверху,
чтоб душа, не дай боже,
не притупилась.
Или, скажем, не предалась смеху,
покуда тело при этом спилось.

Тех, кто любит нас бескорыстно,
остаётся с годами всё меньше. Их никогда не хватало.
Если что и нарушает закон Коромысла,
так это собачья любовь и моя вина немалая.

(12.01.09)

2.

Опять я в дом прихожу пустой, где нет моего щенка.
И некому крикнуть: « Фу! Постой!». И к носу не льнёт щека.

А дом состоит из дырок весь: здесь миска была вчера.
А вот ещё валяется шерсть, и кость посреди двора.

А ночью я просыпаюсь вдруг – когти стучат о паркет.
Я чётко слышу – ко мне идут, как шли все двенадцать лет.

И что теперь горевать о том, кому не додал любви?
Что снова жизнь показала дно, где я опять на мели?

Да, я готов платить по счетам, но некому взять расчёт!
Ведь в доме, где нет моего щенка, уже никто не живёт.

(01.09)

3.

Ты любила спать, завернув голову под переднюю лапу.
Так спят только щенки,
наигравшиеся друг с другом,
а не выросшие собачки.
Холодным носом, ты будила утром,
касаясь щеки,
приходила на зов, без награды, не любила палатку.
От незнакомых никогда не принимала подачки.

Мы с тобой разговаривали, не открывая рта
так, что душа слышала другую душу.
Безразмерная струна
была натянута между ними.
Твоя грация и редкая красота
тормозили спешащих, мимо
идуших.
И тогда мир становился на толику лучше.

Твоё тело ушло.
Но мои ладони навсегда запомнят
мягкое ощущение от волн шерсти,
дрожь мускулов, твоё тепло.
Моя вселенная теперь стала меньше.
В ней появилась ещё одна дыра,
которую не заполнить.
И необходимость во времени и в воле,
чтобы в неё перестать падать, теряя суть,
прислушиваясь в ночи к твоему храпу.
А когда же настанет день и моя пора,
то пусть твоя стойкость к боли
да пребудет со мной, помогая уснуть,
завернувши голову под переднюю лапу.

(23.11.19)

МАМЕ

1.

Я никак не пойму — это время бежит или встало?
Это я тебя помню, иль я в твоей памяти жив?
Или времени нет?
То есть нет ни конца, ни начала.
Просто солнечный свет
над твоею щекою дрожит.

Что лежит
впереди —
видно чётко на будущем плане.
Что уже обожгло — навсегда отложилось в груди.
Если времени нет,
то ненужно молиться.
А в Храме
можно просто любить
и испытывать радость любви.

Не бродить
от решенья к решенью
и дальше, к ошибке.
Не бывает ошибок, когда сочетается дух.
Я никак не пойму — это я умоляю прощения,
иль мне все простилось?
а я, остающийся, глух?

О, родная моя, наше золото блещет,
как прежде.
И смеются глаза,
а в ушах не умолкнул слова.
Они плещут
во мне. Набегая, катясь и трепеща.
Ты на все времена
на меня заявляешь права.

(11.02.11)

2.

Мне нужно снова научиться жить,
пить, кушать, разговаривать с друзьями.
Но образ навсегда в судьбу зашит –
твое лицо с короткими кудрями.

Твоя улыбка, Господи, глаза!
И вся любовь, что ты мне подарила.
Слеза.
Но нет, расплакаться нельзя –
ты плакать не любила.
Ты сильная. С тобой светло, как днём.
Но вот стемнело. Кончилась дорога.
Мы раньше друг за друга и вдвоём.
Теперь один – ты будешь частью Бога.

Мне некуда и незачем спешить.
Из жизни жизнь – как можно это вычесть?
Лишь просто снова научиться жить,
и перестать ходить, вслепую тычась.

(15.05.05)

ПАПЕ

Иногда, спотыкаясь о запах варёного кофе,
я попадаю в наше обычное утро.
Глушилка борется с радиостанцией «Немецкая Волна»,
твой набитый портфель,
темнота
за окном.
За чертой подоконника косо летящая пудра
снега. До дна
обжигающий лёгкие морозный вздох. Пешком,
торопливо догонять трамвай
и успеть ввалиться, подтянувшись за поручень.
Стукнуться в расстояния между сумками
и прочими
вещами. (В духоте толпы сразу теплее).
Варежкой отскрябанный край
непрозрачных стекол в морозном рисунке.
И смотреть, смотреть, как ночь становится посветлее.

На завтрак делались бутерброды,
иногда ленивые вареники
со сливочным маслом.
Я входил в садик, как в непогоду,
съёжившись от детской вражды, ожидая ненастья.
Глушилка хрипела «Голосом Америки».
Кофе, прыснув,
шипя, заливал конфорку.
И бесконечная жизнь не имела смысла.

Сейчас, когда взгляд упирается в переборку
авиалайнера,
летающего над Атлантикой,
я понимаю тебя гораздо больше.
Мы жили в рамках, следуя правилам,
глупым, как стало понятно намного позже.

Романтика
оставалась уделом книжек,
собранных в домашние библиотеки
так, что обоев на стенах было не видно.
Что-то всё-таки из нас вышло.
При взгляде в прошлое, по крайней мере, не стыдно.

Мне, наверное, уже никуда не деться,
не сойти с вектора, начатого морозной ночью.
Я прохожу площадью.
Я вкладываю записку в стену.
Калифорнийскому солнцу не озарить детства,
как на твою любовь не поставить цену.

(030715)

ОДА ДРУЗЬЯМ

По-плечо ли, по пояс
трава на промокших лугах.
Этой осени повесть
не о нас —
мы ещё на ногах
на своих. Нас не сбить. И пронзительный ветер
ещё не засыпал нам уши песком.
Мы стоим босиком,
ощущая комочки земли.
О, друзья, о, мои короли!
Нам б дожить до весны, простоять, удержаться во тьме.
Мы ещё поведем корабли.
На закат. Гольтьбе
по дороге прощая плохих,
подбирая хороших на борт.

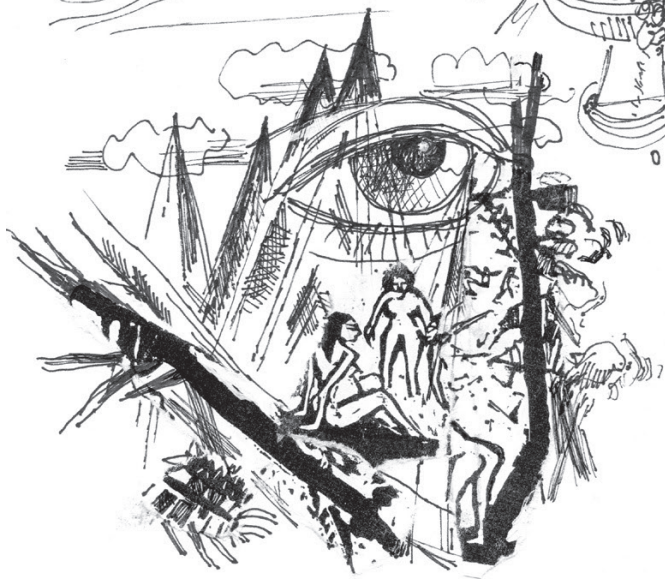
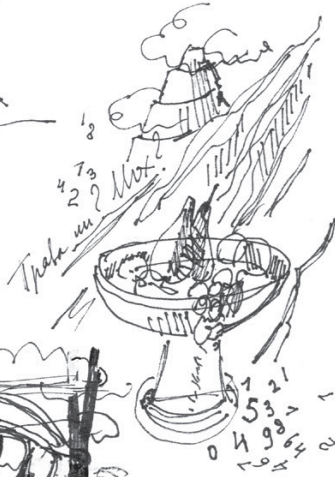
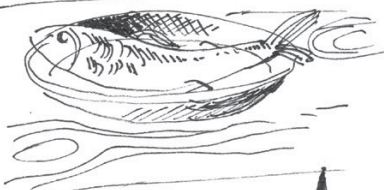
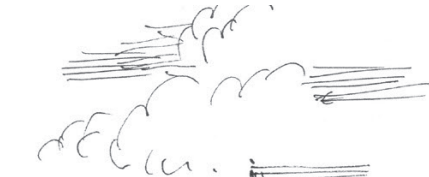
Мы ещё разведём свой костёр.
И, конечно, spoём,
попадая и в голос, и в такт.
О любви из аорт.
Ненаписанный пакт
подтверждая теплом изнутри.
Наплевав на прокисшее небо,
и в голос, и в рост,
выпрямляясь «на три».

И не в этом вопрос, почему мы стоим?
И кому или что мы хотим доказать?
Мы живем тесным миром своим,
где не надо просить — лучше тихо сказать.

И негромкий тот голос,
что слово любви понесёт,
не ослабнет —
ведь трава лишь по пояс.

Что там? – Тронулся поезд?
Пусть – отправился поезд!
Мы-то знаем, что это не всё.

(30.08.09)

ЛУННЫЙ ПЕЙЗАЖ

Я выйду затемно во двор —
терьер гоняет крысу,
лает, роет и дрожит.
Из контура ближайших гор,
луна восходит над долиной.
И, женственным намёком смысла,
горжит
на ветке кипариса
горжеткой облако в оттенке жёлтой лжи.

Покрытый мокрой глиной
обманом ног белеет склон.
Дождя конфетный фантик
из толстых туч набух.
Невидимый на половину,
из облаков плуг
самолета, разрушающий ночлег
над головой.
Домой, в покой,
где завалилась туфлей на бок рюмка с каплей «кьянти» —
валюта сна обещанная. Чек
напечатан строго в беспорядке,
пустым стеклом.
Терьер всё роет слитков бытиё,
где «трынь-травы» задумчивая грядка
под лапами собачки. Я нитьё
размазанного вечера роняю в Лету —
такой неряха!
Взлетел ночной вампир,
оторвалась луны монета
в пространство с ветки.
Собачий лай, пронизан страхом,
что он огромный чует мир,
предпочитая безопасность клетки.

(21.05.19)

* * *

Я, неизбежности ухода подчиняясь,
предпочитаю быстрое прощанье,
а после —
долгую размашистую скорбь
тем нескончаемым,
по капле, расставаьям,
сминающим горб
одеяла возле
разбросанных медикаментов.
Мы взрослые,
чего теперь стесняться слов?
Там, впереди,
— лишь прошлое.
В лаборатории любви среди
её экспериментов —
всего большее опыт смерти.
На день девятый, ненужное брошенное
убирая, вдруг слышишь птицу.
Необъяснимо сердце
делает проскок. И вот
ты рядом, но она не улетает. Не боится.
И говору её не нужен перевод.

(15.12.19)

52 СЕНТЯБРЬ

Дети выросли.

Забывась дорога в зоопарк.

Мысли

освещает сильнее лампа

прошлого, чем будущего заря.

Числа

превратились в даты, требующие подарка,

и служащие разметкой календаря.

Клапан,

выпускающий переживания,

зарос несбывшимися мечтами

и почти не беспокоит. Желание

действия ограничено больше опытом, чем ленью,

и местами

вызывает улыбку. Местами —

грусть.

Жизнь — это мутация системы ценностей,

которые никак не выучить наизусть.

Выбирая между свежей любовью и тем, что уже нажито —
выбираешь второе.

Мозги, превращающиеся в решето,

легче скрывать под корою

привычек.

Это пока не раскусили.

Роль, взятую однажды, оставляешь в силе —

если угодно,

то так легче парить над поверхностью хляби.

Молишься уже без кавычек

о дополнительном времени между сегодня

и тем днём, когда запоёт Рабби.

(08.09.15)

РОЖДЕСТВО

Времена взаимосвязаны
иногда людьми, но чаще вещами —
идеями, выраженными в материи, согласно
желанию создателя или владельца.

Так юнец,
покрытый прыщами,
или мудрец
одну и ту же идею, то есть вещь,
используют по-разному.
Например, плащ —
можно продать, чтобы сейчас поесть
или завернуться потуже, чтобы потом согреться.

Люди отображаются на времена
отрезками разной длины,
параллельными друг другу.
Поделённые на народы и племена,
выходящие из одной страны,
в основном на запад с отклонениями к югу,
они составляют эпоху.
Называют её дорога.
И говорят, что по ней время движется, ползёт, бежит.
Хорошо ли, плохо ли,
но если посмотреть с точки зрения Бога,
то вечность — всего-то длиною в жизнь.

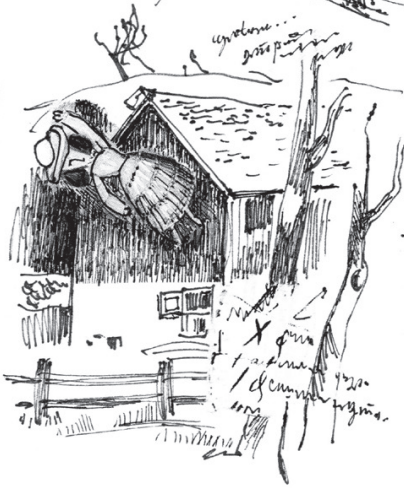
Спайки «человек — вещь» могут вдруг поранить
или затопить, как внезапный поток.
Как свет, рванувшийся в приоткрытую дверцу,
наваливается затыкающий горло комок.
Только память
по-другому болит. Потому что она не от сердца.

Итогом событий остается листок
с историей, записанной не совсем очевидцем,
сводящей восток

и запад под одним переплётом
и перечёркивающей границы
налётом
войн. От той истории знобит,
когда глядишь сквозь масленичную листву,
как свет
звезды парит
над городом. Движение планет,
причастных к торжеству,
его не отклоняет. Фокус точен —
он разгоняет страх.
Но больно видеть бесполезность жертвы,
когда порочен
столетий ход.
И странно чувствовать бессилие веков
улучшить первый.

Надежа в том, что нерушима
в своих делах
любовь,
как связь из нынешних времён,
ничуть не менее паршивых,
с прошедшими, что приняты нулём.
Феллах,
ведущий ишака под гору
на нём — ещё девчонка, но уже с дитём.
За ними караван, вещами обрамлён,
в котором
и мы бредём.

(31.08.14)

54 СЕНТЯБРЬ

Спасибо Тебе. Иногда поднимаешь к груди,
чтоб смотреть Твоим взором,
куда разрешает душа.
И увидеть не то, что ещё впереди, —
с этим ясно, —
а без спора
пытаться понять Твою руку,
по движению карандаша,
в ней зажатого.
Чтоб в отсутствии звука,
этот в частном
заложенный смысл согревал, а не жёт.
Чтобы не было жарко,
на коротенький миг
ощущая до рези в глазах
Твой пронзительный свет.
Благодарность, что я, не сорвавшись на крик,
пережил этот шок.
Да за то, что сумел унести, Ты **не** наказал.

Только нет,
не на землю смотрел я — она не жива.
Ослепил меня сад колосящихся душ.
Это чушь.
Конечно же, полная чушь.
Только странные в горле застряли слова.

(08.09.17)

ПРОРОК

Дождь в рождество. За тучами звезды не увидеть,
ни света от неё тем боле.

Наверное, мы спасены.

Живем на воле
который год. Уютная кровать,
красавица на должности жены,
по роли —
вкусный ужин.

Декабрь плужит
полосы дождя по мостовой и душит
водостоки.

Дощатый домик старенькой постройки,
входная дверь не заперта.

Младенец, мать.

Всё, как тогда.

Но кто он? Сдюжит
ли? Быть может, просто счастье,
деньги, дети, смерть
в больнице?

Земная твердь —
сегодня хлябь.

И достоверно — лишь ребенок, мальчик,
длинные ресницы.

Пока без имени. Пока не плачет.

Я в день восьмой зайду на обрезанье.

Да наплевать,
что не видать ни зги.

По факту, совпадают числа, время, здание.

Само событие вопреки
природе. Хотя про непорочность
есть сомненье.

А впрочем,
нету разницы — страданье, искупленье
не обязательны. Звезда висит на месте,
вот разойдутся тучи,
хлынет свет.

Рожден пророк один на поколение,
как детям, нам, на всякий случай,
на билет.

(26.12.18)

НА СМЕРТЬ ХУДОЖНИКА

Засохли краски.
Вывезли холсты.
В передней толпы.
У сказки
наступил конец. Листы
перевернулись. Том захлопнут.
Перемолчать. Слова сейчас пусты.

Лишь смотрит облако с лицом собаки
на городок одноэтажных изб,
где школьники столпились у столба.
Так не бывает. Это враки,
чтоб ласточки все вместе собрались
на проводах морщинками у лба.

Наступит день. Рванутся чайки клином
за океаны. И пойдет молва.
Пожать бы руку. Встретиться в гостиной.
И наплевав
на запрещения врачей,
кутить. Опущены с повинной
глаза. Мир продолжается. Теперь уже ничей.

(27.05.17)

* * *

Я – разность
между множеством потерь
и скудной чередой приобретений,
где радость
от последних лишь разбавляет печаль от предыдущих.
По жизни выданы разлуки –
бюллетени,
от случая к случаю.
Перетерпеть.
Так собирается толпа, где тени
мног недолюбленных любимых, без стука
посещают в полнолуние.
День в круговерти
разбивает сутки
на забыванье в суете и боль молчанья.
Но вздрагивает время в струнах
стрелок, в ожидании врача
с иглою смерти,
по предписанию отчаяния.

(21.11.19)

ВОСПОМИНАНИЯ О СКАЗКЕ

НЕЗНАКОМКА

Как-то в метро пишу стихи.
Напротив девочка,
мороженое лижет.
Легки
движенья языка
и книжек
не надо ей — она сама строка.
А ленточка,
повязанная ниже
кричащей блузки! А рука
не та,
что держит вафельный стакан
повыше,
и пока
недвижна,
но та,
что пальцами играет на бедре,
что лишь в календаре
«японского варианта»
встречается раз в ...дцать страниц.
И лиц
кантата
уже неслышима
из-за неё. Тем более что вышивка
рисунка
приводит взгляд туда, где юбка
кончается внезапно... Дальше — сумка,
стоит,
зажатая ногами.
И капля «Крем-брюле»,
попавшая на край,
блестит,
напоминая мне,
что месяц май,
там, над домами,
посреди ветров,

и не остыл
в жуков жужжанье.
Одно желанье —
выйти из метро.
И никогда не сочинить ни строчки.

(04.88)

∞

А, в общем-то ничего и не было, кроме любви.
Созвездия потускнели — что до, что после.
Размерности времени и пустоты, извини,
равны.
Что подтверждает возврат во взрослость.
Изменить
уже ничего невозможно.
Мы пьём осадок, и он горчит.
Непреложны
только дома и стены,
где мы бывали.
Но вселенная
больше уже не поёт. Молчит.
Видимо мы её разорвали.

Я в своем одеяле зимую, а ты в своем.
Главное — не отморозить конечности.
А чем быть вдвоем —
проще поодиночке,
при суете, возрастающей к бесконечности,
осваивать оставшийся нам объем,
в пределе сходящийся к пустой точке.

(13.12.13)

ОТЪЕЗД

Физическая удаленность тел в пространстве -
ещё не разлука.

И если протуберанцы
солнца не светят нам одновременно –
не повод плакать.

Разлука – это когда у тебя болит колено,
а я не могу утешить. Когда фруктовая мякоть
недоедена,
ибо тебя нет.

Когда в кухне, там, где отметина,
не зажигают свет.

Это стакан пустоты
налитый на ночь, щедро.

Это сухая цедра
объективных причин, которые я не запомню.

Ты
натягиваешь нашу струну так, что кроме
её вибрации
нет уже других звуков.

Разлука –
это операция
на живой памяти,
которая изменяет лица.

Я вздрагиваю от дверного стука.

Или мне это просто снится?

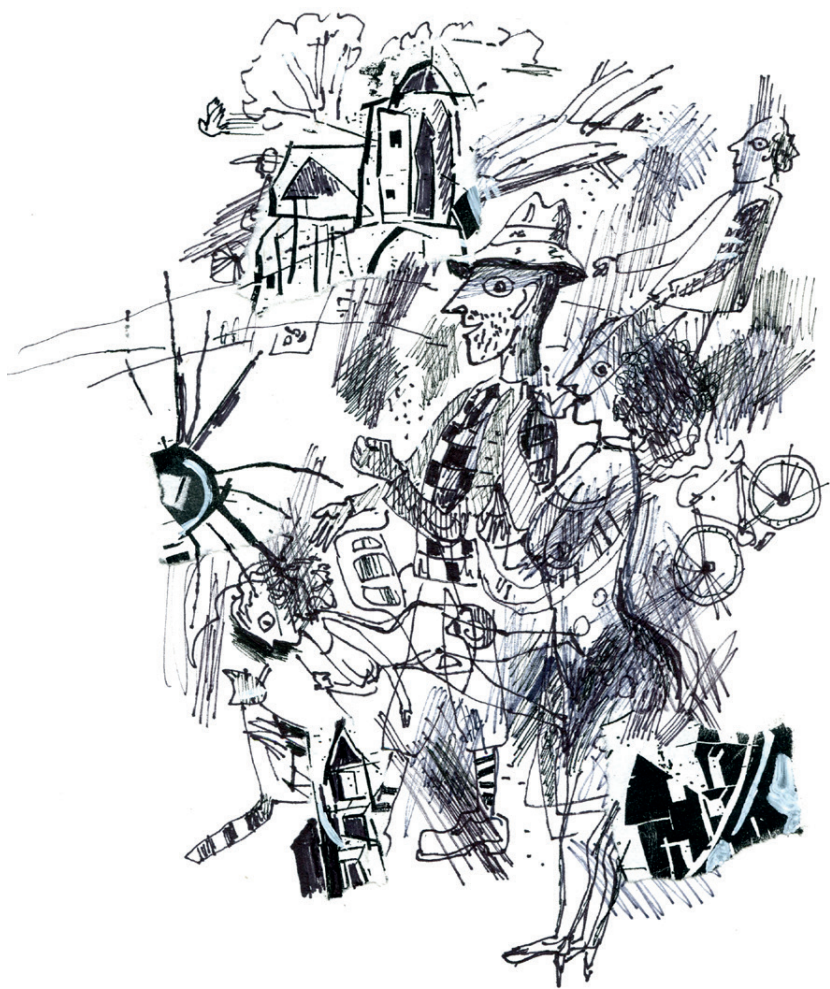
(12.05.13)

ЮЖНЫЙ РОМАНС

Я скучал по тебе у моря,
умываясь солёной волною юга,
а то, что вскоре
встретимся — никак не утешало.
Даже юбка
местной подружки,
и та дышала
не удовольствием ночи,
а теплом твоим, которого она лишала.

Флюгер
на мачте круизной яхты
цеплялся ниточкою за точку
на мысе,
где звёзды всходили тогда, когда
над тобой они пропадали.
Как корабль на якоре
я стоял у кромки, где ныне и присно
прибой клубился,
но сквозь век разлуки лишь брызги
долетали до моих сандалий.
Что-то громко кричали
чёрные птицы незнакомой породы,
урвав съестное,
сквозь прореху
в мусоробаке.
Как простое
число всходила луна, освещая воды,
где в полумраке
над ними носилось эхом
всё прожитое без тебя, пустое.

(06.02.19)

ЖИВОПИСЬ

Я пишу твои руки,
и чернила бросает в жар.
Зарубки
на памяти – кляксы коротких встреч –
оттеняют черты лица.
Математически бесконечный,
но ограниченный земной шар,
хранит наши тени образца
прошедшего века.

За концом перешейка
из черного снега между весенних луж
город дребезжит вдогонку: «не уезжай»
трамваем на конечном кольце
у метро.
Развернувшись, ещё можно до него добежать.

Еще.. Оказалось, что кедровые
лапы не задерживают кружево солнечных змей.
Они всё равно слепят. Я пишу твои волосы,
и ветер выкручивает из пальцев
мое перо,
и чем далее, тем больше приходится на него нажимать.

Здесь, размечен на полосы,
в перспективу точки идет фривей.
По нему поспешить и добраться до въезда в домашний рай.
Там давно решено всё, что надо ещё решать.
И оттуда ровней
поверхность кажется, оборачиваясь назад.
Но обману зрения не доверяй.

Чуден сад,
что в конце лишений
явил приют.

Я дышу размеренной океанской волной,
на которой, раскинувшись, спишь.
Я пишу твои плечи, изгиб шеи,
но набегающие одна за одной
брызгами размывают
бумагу времени, покрывая
седыми хлопьями тень твою.

(27.08.17)

РОМАНТИК

Да, моя дорогая, я последний романтик
отшумевшего века.

Как твой неприжившийся бантик
на косе, обрезанной лет сто назад.
Я меряю время приблизительной вехой.
И, как вор-карманник,
прячу свои глаза.

Не-пришей-кобыле-хвост,
я прописался в эпохе,
где книги – рухлядь, а слово – звук.
Я на фоне заката торчу вопросом,
что даже в мухе
не вызывает испуг.
А мне вот -
страшно.
Что невод
пустым выходит из раза в раз.
И никому до этого дела нет.
Я последний романтик, набросок карандашный.
Карикатура на склоне лет.

Да, моя дорогая, этой жаркой осенью
я опять напридумывал про весну и надежду.
А на самом деле, если вывесить простыни,
то ничего и не было между нами, здешними.
И теперь, пробираясь
переулками прошлого,
я улыбаюсь
своей наивности.
Единица измерения пошлости
пока не найдена.
И, видимо, нету необходимости.

(28.09.10)

* * *

Все, что осталось от меня,
кончается. И не надолго хватит.
Ещё два дня.
Ну может быть неделю.
Беда одета в старенькое платье.
Ты в нём беременной носила наших деток.
В любви похмелья
жизнь одевается всё в то же,
что на её пиру.
К утру
в глазах тоска.
И я, ничтожный,
без тленья прогораю в этом взгляде.

Еще броска
четыре или пять осталось
раненому телу.
Как эффективно наступает небытие.
То малость, —
но в твоей тетради
нет места более для нас.

Я подведён к пределу.
Украден,
мне остался час.
Спустя его уйдешь, и я погасну.

(08.00)

МИТТЕЛЬШПИЛЬ

Калифорния. Вечер.
Огоньки самолетов, запряжённые цугом,
медленно падают ночное небо.
Кречет
встает на крыло над лугом.
Закат поджигает запад
и горит над горами гребень.
Память мне кружит голову
твоим голосом.
Запахи наступающей ночи назначают свидание.
Но полис
выбран. Полностью и не поровну —
опять долги перевешивают желание.
Так что ещё один день застревает в патоке,
вычитая тебя из моего времени,
обрезая его и делая совсем кратким,
как остатки в банке из под варенья.

А помнишь, я построил город с домами и парками
и обнёс его прочной стеною от глупых недругов?
Я поселил тебя во дворец. Как ярко
светило солнце, и пели птицы в кроне кедров!

Я построил город с магазинами и бульварами.
Там было много уютных кафе на кривых улочках,
куда мы заходили и пили чай из самовара
а иногда кофе и, как водится, с булочкой.
И лучше
не было тогда места на целом свете.
Осталась это почтовой карточкой в моём виске.

Я построил город. И верил, что мы в него переедем.
Когда вдруг оказалось, что он стоит на песке.
Когда вдруг оказалась, что посреди повседневности,
мы почти потерялись и теперь, реви — не реви.

Ты выкармливаешь тело своей ревности,
и оно шарахается от тени моей любви.

А жизнь расчерчена на перекрёстки
между твоей работой и моим бытом.
И я старым шутком на подмостках
пытаюсь тебя рассмешить избитым,
заезженным поперёк и вдоль сюжетом
про счастье. Но лишь вызываю недоумение.
Как будто грязь на моих манжетах
ставит слова и эту роль под твоё сомнение.

Прости за эти угловатые, длинные строчки.
А хочешь если, то и бумагу порви.
Я построил город для нашего одиночества
на простом песчанике твоей любви.

(26.04.12)

ПЕСЕНКА

Мы стоим на циферблате,
чуть касаемся руками.
Часовая заблудилась, оттопыривая платье.
А под нами

механизм застрял в натуге —
хоть минутную продвинуть.
Тишина. И мы невинны,
и глаза в глаза друг в друге.

Всё свершилось. Всё случилось.
Мы бежим вперёд секундной,
а исколотые ноги —
отдохнуть бы, залечить.
Но находятся причины.
Механизм гремит посудой,
механизм шумит в натуге,
от усталости кричит.

Но пока сцепили руки.
Но пока глаза друг в друге.

(01.06.14)

МОЛЬБА

Я напишу письмо из трех слогов.
И выйду в вечер, чтоб его отправить.
Проходит ночь, исполнена стихов,
вливаясь в утро, сбросившее память.

Кроткий век — ни слова не успеть.
Лишь звук один. Ну, может быть, другой.
Как записать? Когда бы слова твердь
в конце листа мне предоставила покой?
В секвойной
роще кружится письмо.
Что сердцем послано, то не догонит взгляд.
Когда еще наступит день седьмой?
Не распечатанным — отправится назад.

Какая разница, в каких стенах молить?
Моя молитва там, где я сейчас.
Прямая нить
сквозь лица
мною любимых на согнутых плечах
закреплена.
Я вереница
слов из трех слогов.
Я прожил боль, но я не поумнел.
Дана одна.
К чему богов
дразнить? Я был бы смел,
когда бы выжил страх.
Но я твоей любовью виноват.
Я так боюсь — воздастся ли когда?
Покуда длится полоса.
Пока зелёная вода
в зрачках стоит — не страшен ад.
Больней твоя слеза.

(11.09.19)

* * *

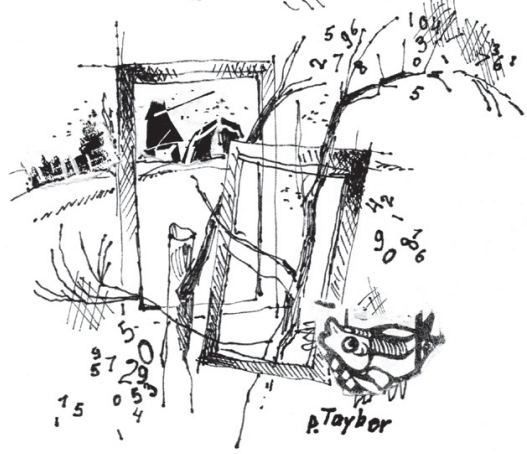
Счастливая, ты забываешь сны,
а я не смог.
Мне снились улицы
Москвы,
машин поток,
листы
осыпавшихся клёнов, старый двор,
дождь. Утро. Разговор
короткий. Как я спросил:
«Кого ты ждёшь?»
Ответ был – «Принца».
Вздор
какой-то потом несли.
А после снились лица,
все без имен.

Сдвиг кадра. Мы выросли.

Циничная зима
заполнена разлукою, отлётом
Лёд замерзает в переплётах
окон. И дома,
заваленные снегом, словно люди,
погрязли в суете – куда деваться?

Сон обрывается...
Проходит двадцать
лет. Сменяется эпоха, страны, судьбы,
мы.
Всё недосказанное прёт из подсознания,
не обретая в памяти названья.
Счастливая, ты забываешь сны.

(03.03, Vienna)

* * *

Закрывая глаза, прохожу коридором отчаянья.
Ты на троне в конце, приговор мой сжимаешь в горсти.
Самому не спастись — я шагаю к тебе по кратчайшей
и, упав на колени, прошу тебя, бог мой, спаси!

Что я был недостаточно чуток, и нежен
не всегда, а порой грубоват —
посмотри, я стою на коленях, повержен
нашу жизнь защищавший солдат.

Он устал. Он на многое больше не годен.
То что раньше легко получалось, теперь уж никак.
Его раны болят. Он усох. Он стал ближе к природе.
Помоги ему, боже, коль это тебе не в напряг?

Распускается горсть. Приговор как листок опадает.
На холодном полу прогорают
слова о любви.
Он поднялся с колен. Он готов сколько силы хватает,
на сражение с врагом. Только, боже, врага назови.

(08.00)

ВЫБОР

Как говорить с девчонкой на пороге материнства?
Мелькает слышимое слово перед божьим.
Раздвинулись границы
языка.
В них невозможен
стыд. Грядущее присутствует, пока
незримо,
и судит необрамлённым в глазницы
взглядом.
Зачем мы здесь, когда бы не за Этим?
И кем хранимы,
если не Всевышним?
Так над весенним,
ещё спящим, садом,
в преддверье мыши
ухает сова,
да полнолуния свет подробно смотрит в нишу,
выхватывая: грех, кровать,
фасад
от хижины —
спектакль давней встречи.
Кто храбрым был, а кто сегодня смел,
когда сплетенье тел —
глаголом высшей речи,
звучало вслух?
Чтоб, отломав щепоть,
мел
той луны просыпался в питье,
и дух
смог опуститься в бытие,
благословляя человечью плоть.

(18.03.19)

* * *

Вот уж год, как конец романа:
два кармана
тобой пришитых,
да прижитых
стихов тетрадь.
А ещё пережиток темы
о твоём нескulptурном теле
и окурке, меж пальцев тени,
пепел сбросившей под кровать.
Вот четыре сезона кряду,
как наряды
твои, не зная, я листаю чужие встречи,
подбирая слова для речи,
будто есть, что ещё скрывать.

Наш контакт получился краток.
И осадок, точней остаток,
не болит и не тянет, к слову
говоря,
повторять по новой.
На всю пачку календаря
мы уже разминули лица,
и граница
проходит там,
где телам
с другими не спится,
и поделена вся столица
пополам.
Это мёртво.
И что тревожить
той уверткой,
что день, быть может,
не напрасен, а всё же прожит.

Иль иной,
устаревшей ложью,
намекая, что всё возможно
повторяется под луной.

(12.88)

* * *

Ни к чему и пытаться
делить этот мир на две части.
Мои руки кончаются
там, где твои пальцы
их держат. Мы давно во власти
потока. Несёмся
к его концу.
Но ничуть не страшно.
Я уверен – спасёмся,
губами припав к лицу.
А всё, что было не важно,
утонет само по себе.

Наша упряжка
преодолеет груду вещей,
принадлежавших когда-то нам другим,
жившим в той же избе.
Вообще,
всё встанет на свои места
и продолжится как обычно.
Но я молю только, чтобы урок
выпавшего мне креста
не померкнул перед твоим будничным.

Чтобы когда волосы потеряют рыжину,
а накал опять перейдет в серость,
когда заполнит наступившую тишину
всё, что до этого нам приелось.
Тогда пусть я этого не переживу.

(06.01.12)

ПИСЬМО В 1987

Мы же с тобой друг к другу ногами повернуты.
Да и головами в разные стороны к небу торчим.
Между нами шарик. И шарик весьма твёрдый,
а на его поверхности — порознь проходящая жизнь.

Я научился просчитывать, когда ты спишь или работаешь,
для соблазна вклиниться телефонным звонком между.
Я знаю, когда там у вас холодно, моя хорошая,
или когда жара и солнце глаза режет.

Прошлое
нам никак не поставить к стенке,
да в театре теней это и не принято.
Я всё также не пью молоко с пенкой.
А ты, наверное, куришь...
Вынуты
из друг друга событий,
мы тряёмся, каждый в своём трамвае.
Три копейки билет. И нити
рельсов нас разводят в разные стороны, моя дорогая.

Так по шарик, безразличному к движению,
мы перемещаемся, а на самом деле — стоим на месте.
С точки зрения вечности,
наше с тобой продолжение
не имеет смысла. Как и доходящие вести
о между собой незнакомых детях.
Сколько их у тебя, если
не ошибаюсь, двое?
Впрочем, это неважно. Переменится ветер,
и эта мысль о тебе оставит меня в покое.

(01.10)

ОТРАЖЕНИЕ ПИСЬМА

В эпоху электронной почты
странно чернильной ручкой прожимать бумагу.
Мысли путаются за почерк.
Слово не заменишь без того, чтобы не зачеркнуть.
Я приветствую тебя из теплой калифорнийской ночи,
Прекратив работу, отвинтив заветную флягу
скотча
и разбирая прошлое, — что там к чему.

Отказы памяти ещё не переходят в бессиле тела,
Но время — это количество изменений,
и их не счесть.
Смутно представляя черты лица,
я чётко помню, ты часто ела
на завтрак яйца,
почему-то разбивая их с тупого конца.

Я же, когда приходилось, заходил с острого.
предпочитая разрубать ситуацию,
нежели её решать.
Потом мы мирились. То есть, просто
я уступал, чтобы снова начать дышать.

Мы громыхали гитарой, запивая звук «джином с
тонином».
В томике
любимых стихов залапывали страницы,
цитируя без повода или предлога,
когда всё остальное вызывало зевоту.
А теперь, разве что стальная рыба «боинга»
прошумит над крышей, а так, в основном, птицы,
берущие высокую чистую ноту
по утрам, пока ещё не случилось ничего плохого.

Нас давно разнесло на диаметр шарика.
Шайка
распалась. Ты выбрала терпеть ревматизм севера.
Я же предпочёл цвета юга, жару и зелень.
Мы остались в слайдах на стареньком
проекторе в полинявших красках, со сбитым фокусом.
В канители
лет операционную систему сервера,
общую для двоих найти, — как остановить движение —
невозможно. Мы были слишком близки.
Ты обнимаешь незнакомых друзей,
я, для поднятия тонуса,
читаю, хожу в музей
и употребляю виски.
Но забывается лишь таблица умножения.

Мне проще писать, чем бояться разочарования встречи.
Непроверенный номер в моём мобильнике останется ненажатым.
Время глушит и притупляет. Ничуть не лечит.
А жаль,
легче бы не испытывать ненависть и обожание.

(27.06.16)

ПИСЬМО В ПРОШЕДШЕЕ БУДУЩЕЕ

Здравствуй, наш нерождённый с любимой ребенок.
Ты, кто стал музыкантом, поэтом, пророком.
Ты, кто походя, ненароком,
говоришь правду и видишь суть.
Прости меня за Новогодние ёлки,
которых не было,
как и не было сказок, чтобы под них уснуть.

Талантливый, красивый, успешный —
только от настоящей любви бывают такие дети —
прости, мы были недостаточно грешны.
Ты не рожден,
но я за тебя всё равно в ответе.

Я по-прежнему грежу твоей волшебницей-мамой.
Я всё так же пишу ей длиннющие письма в Лету
про морщин набегающие карманы
в уголках глаз. Про несбывшиеся с нами сюжеты.
Про монеты,
на которые я не купил тебе ни игрушек, ни сладкого —
мы спустили всё, ожидая другого начала.
Только жизнь на жизнь делится нацело.
без остатка.
И поэтому она тебя не зачала.

Мы, наверное, будем отвечать перед богом.
А может, и ты добавишь какое слово, —
хотя наша партия давно развистана.
Если жить так, как будто ты здесь, под боком,
то жизнь ещё не бессмысленна.
Впрочем, это уже из другого.

(28.11.12)

* * *

Нет, ни в чём не признаться.
Посмотреть, повернуться, уйти.
Нам уже не по двадцать,
мы давно перестали расти.
Нам слова не найти,
чтобы сразу подняться над бытом.
Мы накрыты
рутиной, где опыт
привносит своё.
Мы мечту сохранить в состоянии забытом
так стремимся, боясь за неё.

Нет, ни в чем не признаться.
Руки за спину, губы сомкнуть.
«Разрешите представиться...»
Нам уже не по двадцать,
мы давно начертили свой путь.

Мы живём.
Наши дети растут за спиною.
Дни рожденья и встречи
у общих друзей.
Но боимся и ждём,
чтобы время железной стеною
оградило нам царство теней.

Нет, ни в чём не признаться
и старую песней заполнить провал.
Перевал
тишины проскользнуть незаметно, расстаться
Притвориться как будто порвал.
Только жжёт до бездумья
касание пальцев
перед тем как прощаться.
И безжалостны судьи,
хоть и не в чем признаться.

(01.05)

* * *

Мои мысли о тебе всегда пахнут осенью,
как твои руки — всегда дорогим кремом.
Порознь мы.
Теперь навсегда порознь мы.
Хотя на одной земле и под одним небом.
Поросль
Каждодневных дел и событий
нас прикрывает надежнее
природы законов.
Смотреть можно —
и всё равно не видеть.
Суеты крона
не пропускает ни света, ни звука.
Лишь отголоски по электронной почте.
Да и те через общих друзей.
Ты наверное тоже мыслишь обо мне многоточием.
Но радует то, что пока оба на одной земле.

(03.10)

* * *

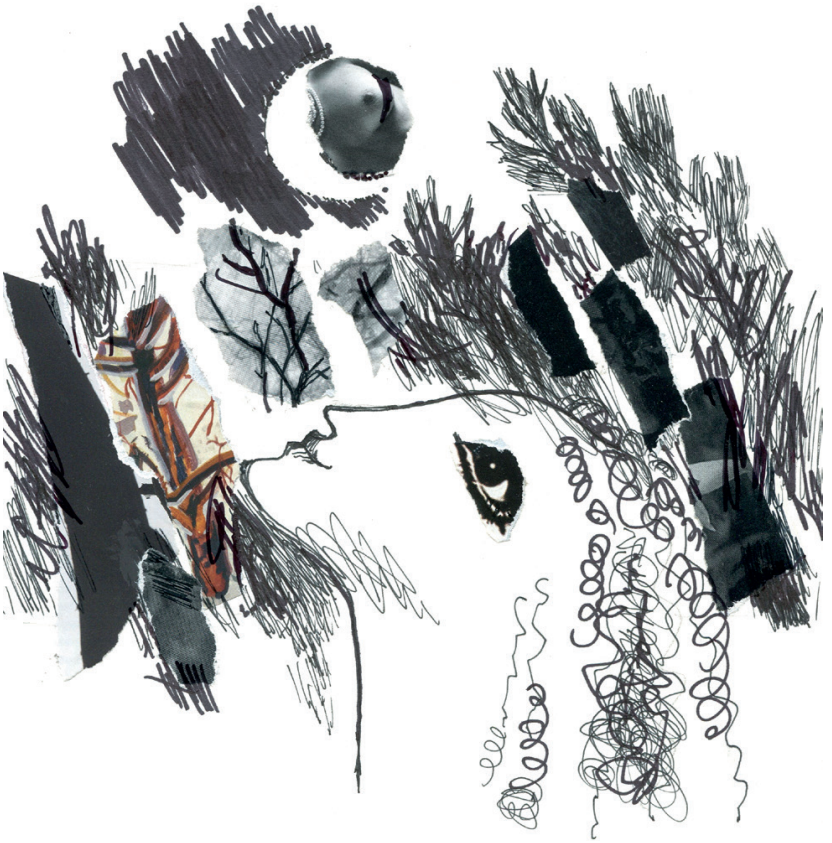
Ты мне просто вот так надиктована Богом.
Как мое завершение. Мне уже от тебя не уйти.
Не венцом и не в церкви, мы с тобой сочетались слогом.
Ты подумаешь слово. И смысл ко мне долетит.
Кто простит?
Кто осудит? Мы связаны, сломаны, смяты.
Как подбитые птицы.
Нам осталось упасть
и банально разбиться.
И это конечно, расплата
за всё, что мы раньше с тобою успели украсть.

Вновь бессонный встречаю рассвет и грущу.
Неужели надежда
не придет навесить? Не разглядит рукою чело?
Ведь прошло столько лет!
Я наверно прощу.
Только прежде,
я спрошу у тебя. А за что?

Не глядишь. И слова виноваты.
Я всё понял. Здесь просто бессильны слова.
Мы всё сами решили. И нашим решением прижаты.
Ни вздохнуть, ни подняться.
Сквозь нас прорастает трава.
Свирепеют ветра.
Память тлеет, покрытая коркой.
И тускнеют картинки, их никак не сберечь.
Столько лет протекло, что уже неизвестно и сколько.
Безнадежен рассвет.
Бесполезна поэзии речь.

Ты прости меня, боже, за нас, за двоих, недостойных.
Испугавшихся счастья
и выбравших выжить во тьме.

Мы застыли в письме.
Между строчек прослоены.
Части
одного механизма. С **б**ольшей виною на мне.
(12.01.12)

* * *

Так пахнут твоей музыкой стихи,
как ночь тиха.
Встряхивая облаков бельё,
я слышу явственно её.
Она легка.
Она восходит исподволь –
прилив, отлив.
Как будто спазмы или в боль
прорыв.
Она похожа на тебя –
осанка, взгляд.
Походка, царственно трубя,
выводит такт.
Я резонирую в ответ,
тянусь цветком.
И принимаю – счастья нет.
Есть в горле ком.

(21.06.14)

СОБЛАЗН СОБАЧНИКА

Я ревную тебя к щенку,
а щенка ревную к тебе.
В нашей постели полно песку,
и не мне ты готовишь обед.
Но я люблю вас обоих так,
что готов сам завиялять хвостом,
когда бы суметь попасть в такт
руки, что погладит моё лицо.

А ведь я сам тебе его подарил —
шерстяной комочек, чуть выпученные глаза —
удивлённо смотрящие на мир фонари.
Ты смотрела также, лет сто назад.

А сегодня мы болтаемся друг у друга на поводках.
А потом боль и бессонница танцуют полночный вальс.
Заботы крутятся в дневных ободках,
нарастая косметикой возле уставших
глаз.
Нам, обнявшись,
иногда ещё удается уснуть,
и с утра даже вместе за завтрак сесть.
Когда-то собачка вырастет похожей на суть
отпечатка нашей любви, ну какая есть.

(28.03.16)

* * *

Никуда уж не деться.
Нам до осени шаг или два.
Нам остались слова,
чтоб заполнить наследство
невстречи.
Чтоб суметь пренебречь
притяженьем объятья за плечи
и, как средством,
которое лечит,
заполнить провал.

Чтобы насочинять
сто начал
и развитий сюжета,
начиная с конца.
Нам остались слова,
чтобы их промолчать,
чтоб дожидаться ответа,
чтобы скрыть проступившую краску лица.

(05.96)

* * *

Нет не придумать про дожди,
про снег и вьюгу.
У здешней осени плащи —
и те редки.
Туман над городом под утро ломит руку,
а к вечеру приносит сквозняки.

Ты пьёшь его. Впускаешь через стекла.
Не деться никуда.
Лишь спать и плыть
во сне на облаке,
которое крадется
в надежде не убыть.
Но убывает.
В солнечном растворе
желтеют пятнами стыда холмы.

Опять не вышло выжить. Боже море!
И на песке приниженные мы.

То осень.
Ты укутываешь бэби
поверх пижамы. Что тут говорить.
Свернулось время.
На зиму. На небе
перегорает розовая нить.

(09.96)

* * *

Ну разве можно поставить ценник на твои слезы?
И пускай, что они размыли наш путь так,
что он весь в лужах.
Мы крадемся по слякоти. А сверху звезды
смотрят, как мы несём хоронить свою любовь
и приходят от этого в ужас.

Мы заметили вдруг, что она умерла.
И теперь ставим на жизнь, в надежде, что другая пустила ростки
в разрыхленную почву
сердца.
Только этой ночью
мы идём через перевал.
И от страха сжимает виски,
потому что проще упасть в пропасть, чем друг с другом согреться.

Мы пытались и так, и эдак.
Заменяли вино стихов прозой секса.
Теперь ты плачешь. Наглотавшись таблеток
мы конечно уснём, обнявшись вместе.

И пускай нам приснится очень близкое будущее.
Ну не дальше, чем расстояние до сцены
из первого ряда.
Где мы досмотрим спектакль про нас, тут идущих,
а твои слезы останутся навсегда
бесценны.

(26.03.12)

* * *

Перезрелый фарфор
за ухоженной дверцей серванта.
Иоланта,
сидящая боком на старой тахте.
В неглубокой ночной пустоте,
измеряемой шумом курантов,
продолжается время в наготе
первобытной своей.
Из теней,
убегающих от сигареты и пальцев,
неподвластный черте
обступающих комнат — пейзаж,
состоящих из двух постояльцев
и пустыни взаимных пропаж.
То муляж
переменных: дороги, молчания, счастья.
Белосиний фарфор
на ветвях разорённого дома.
Разговор
в получасье
рассвета. Пустота и истома.

(12.89)

РЕКВИЕМ

Не грусти обо мне. Я иду коридором Надежды
прикоснуться к вселенной, чтоб с Богом остаться на «ты».
Ты одежду
мою раздари по друзьям — ни к чему мне одежды.
И в саду замечай мою розу — мы с тобою так любим цветы.

Что споткнулся на гребне, не успел зарубиться о снежник —
это, право, не важно. Обо мне в пустоту не реви.
Я живой, я такой же, как прежде,
ну а жалость к себе — это чушь. Я иду коридором Любви.

Здесь покой. Здесь тепло и светло. Даже жалко оставшихся сзади.
Им ещё кочевать, закалять свою душу, растить.
Я люблю тебя прямо отсюда. Стихами с тетради.
Это круче, чем секс, что с тобою умели творить.

Не последний в горах и на этой вершине не первый.
Я один из счастливцев — прости мне такой заворот.
Пробираясь на ощупь, проходя коридорами Веры,
я боюсь твой шаг наперед
и, держа твою руку, люблю тебя всю, от ногтей до волос — напролет.

(22.07.06)

ЗАНАВЕС

Ну всё. Готово.

Я не обжигаюсь о твои сообщения так, как раньше.

Ты по-прежнему здесь. Во мне

и значишь

ничуть не меньше.

Только всё осело и улеглось. Тут, на дне,

дыхание стало ровным

и вполне

соответствует возрасту.

То есть больше подходит к похоронам,

чем просто

к обычным будням.

Я теперь могу проспать до полудня

и спокойно потом работать ночью

над чем-то, что относится скорее к телу,

чем к бессмертной душе.

Электронную почту

проверять

не по мере прихода писем, а так, вообще.

И не ковырять

компьютер так, как будто я перестал ему доверять.

Поздравляю. Нам удалось прибить это чувство.

Или, по крайней-мере, засунуть в ящик и запереть.

В сухом остатке — красивая оболочка искусства.

Внутри пустота

или то, что правильнее называется «смерть».

Перестань.

Твои строчки больше не пахнут духами,

а мои — только табачным дымом или вином.

Так выглядит агония счастья

перед тем как его понесут вперед ногами,

а дом

опустевший пойдет с молотка.

Впрочем, это уже о другом,
что ни тебе, ни мне — не интересно. А пока
всё, что осталось понять —
так это, какое место
нам лучше всего занять
друг у друга в шкафу,
чтоб опять
вдруг не споткнуться о ещё живую строфу.
И вновь не начать грустить.
Ну и конечно, какое место
нам осталось освободить.

(09.02.12)

* * *

Где-то
на перегоне метро
между станциями имени двух поэтов
шумит океанский прибой.
Искусственных ветров
роза качает указатель времени. И любой
вагон годится,
чтобы кататься по кругу
из света
над морским горизонтом
вдоль границы,
идущей по лугу
из волн,
набегающих на перрон
пятого сезона
года. Лишь монета,
брошенная подругой,
оплатит возвращение где-то
у турникетов
детства, падая по дуге,
шлепаясь и брызгая стуком.

(11.88)

НАБЛЮДЕНИЕ

Дело не в том, что штаны малы на размер
или у полинявшей кофточки фасон не тот.
Когда уходит любовь, прекращается пение химер.
Или, может, это происходит наоборот?
Например,
по ночам начинает сниться ноль.
Дырка от цифр, как она может сниться?
От живой любви всегда остаётся боль,
что она снова не повторится.
Остаётся нежность, запахи, смоль
романтики вечеров,
а не вырезанное кружком
пространство, годящееся на выброс,
в котором черно,
и куда смотришь, пытаюсь понять, в чём соль
того, что прошло
так быстро?

Если числа,
по сути, основа слов,
то, как ни назови,
когда складываешь людей, говоря строго,
получаешь мысли.
Человек — это всегда какая-то любовь,
либо форма жизни этой любви:
к женщине, к идее, к богу.

(01.09.19)

* * *

И когда я буду потом
судим своими детьми
за эгоизма грех,
что с того, что написан том
и посажено дерево на виду у всех?
Что с того, что людьми
позже буду я вдруг прощён?

Я не буду оправдан там,
где ведут мой закрытый счёт.
Где заказан мне доступ в храм,
где душа прогорит, как воск.
Пусть я всё, что украл — отдам.
Пусть охрипнет мой голос
от покаяния и вины.
Мне останутся наши дни.
Мне останутся мои сны.

Бестелесная память пусть
проникает вселенной свет.
Я опять с тобой повторюсь
через тысячу, может, лет.
И на землю придет опять
возродиться одна душа,
чтобы в двух телах побывать
и свести в одно, жизнь кроша.

(19.12.11)

СВИДАНИЕ

Я уйду на рассвете, внезапно, весной.
Молчи, не перебивай. Так знаю.
Поднимется ветер. Задышит листвою
прошлогодней, промчится долиною горной,
на хребте поломаёт секвойю
и уйдёт к океану.

Не страшно. Я пожил.
Что не понял, то принял.
Теперь уж покорно,
без самообмана.
Нет ещё не сегодня, да таблеток не надо пока.
По коже
ещё пробегает волна
ощущений, и с ними
сцеплённая память так тщетно выводит
пред мысленным взором
картинки и лица.

Я пожил и, вроде бы,
даже неплохо. Хотя это спорно.
Помоги прислониться
к подушке. Вот видишь — отдышка.
А раньше бывало: вершина, ледник,
кураж восхожденья — познал ли себя?
Скорее, вот тут откровения больше —
простыня
и старик.
Тоже тело на белом — эдак проще
записывать строчки,
когда вечность горы
уже не имеет значенья в пейзаже.

Я ~~а~~жился.
Путаю внуков и правнуков по именам.
Даже из старинных знакомых

тех, кто ушел с теми, кто с грехом пополам,
по случаю
задержался. Да.. смешалась толпа.
Значит это неважно. Я не скромный,
последний, и точно не лучший
носитель эпохи,
от которой не осталось ни столпа,
ни морали, чтоб её передать. Я сполохи
вредных привычек, перегной, удобрение,
мох
для саженцев детских идей,
чтобы им не мешать – мне пора.

И не в возрасте дело, и не в здоровье.
А как всегда у людей –
в замещение правды.
Относительность истин
кладет на лопатки любого пророка.
Куда уж нам смертным? Не равным.
Извини. Эти сложные мысли.
Прости.
Твоё время
и этот визит –
лучше нам прокутить на любовь.
На просмотр фотографий,
на разговор не про дом престарелых.
Очень рад, что потрафил,
зашёл.
Ну, нагнись поцелую. Слышишь бой?
Скоро будут кормить. Хорошо
бы, не из бумажных тарелок.

(24.04.19)

ПРИГЛАШЕНИЕ

Заходи. Я тебя приглашаю
в свой сказочный мир,
где я часто бываю
сам себе и король и пастух.
Здесь фальшивые ноты не будут царапать твой слух.
И тебе не придется из двух
неприменно одно выбирать.

Здесь затерты до-дыр
драпировки на стульях
и продавлен прожженный диван,
где свернувшись, сутулясь
так здорово можно играть
с тем волчонком, которого любит царевич-Иван
непонятно за что, но отнюдь не за острую пасть.

Перебраться
можно все приключенья, какие ты хочешь,
и конец изменить, если чем-то конец нехорош.
Заходи, не стесняйся. Ну что ты стоишь, что бормочешь?
Что мокнешь
под холодным дождем ни за грош?

Ни за талер. Сюда не откроется дверца.
Только всё волшебство пропадет, если ты не войдешь.
Улыбнись. Ведь улыбки не купишь за много сестерций,
как без веры, друг друга уже не поймешь.
Заходи.
Непогода останется там, за порогом.
Вот горящий камин. Обопрись о плечо.
Ты мне просто, вот так, надиктована Богом.
Только я эту строчку, ещё
не прочел.

(20.12.12)

ФИНАЛ

Нет, не сгинем —
просто сойдём с самолёта.
На «убере» с водителем — индусом
уедем. Поменяем адрес. Не поминайте.
Я под руку веду свою богиню
туда, где не мешают мне молиться.
Там равнодушные забудутся все лица.
Их время вычтет.
Минус с минусом перевернутся плюсом,
так и знайте.
Дорога начинается вопросом,
с ответом на подвешенном вебсайте.
А притча
начинается с дороги.
Вот я её и начал с «хэппи-енда»,
когда уже не важно всё, что после.
От двери в домик, с его торца —
тропинка к морю.
Немного
отступив по ней, — герои.
За руки. И съёмка против солнца.
И легенда.

(05.12.19)

ПОПЫТКА НА МУДРОСТЬ

FREEWAY

Мы пели, мы пили крепкое.
Мы махали нашим будущим жёнам
ручками ещё не рожденных первенцев.
Казались себе прожжёнными,
предпочитая сладкому терпкое.
И мир ещё не видал таких классных перцев.
Лишённые
чего-то, чего никогда не знали,
но чувствуя, куда всё катится,
толкали стенки
и за них легко выходили,
поднимая сшитое из салфетки
наспех зная.
Приключения на задницу
находили
в тайге, в горах, на порогах речек.
Куда только не заносило братию.
С тех пор навсегда предпочли объятие
за плечи
просто рукопожатию.
Так оно понадёжнее,
удержать получится.

Теперь под вечер,
на выдохе у сегодня, под одеждами
на заказ ли, по случаю,
мы отрицаем время под сеткой морщин.
Не видим ни седой бороды,
ни живота под свитером.
В глубине лощины
рябью на поверхности воды —
ползущие по ней от берега титры:
роли исполняли и не дублировали
мальчики, не выросшие в мужчин.

Вырванные
из места, которого больше нет,
Рассаженные по планете
второй жизнью — а кто садовник?
Я угадываю зачем, но, даже получив ответ,
не понимаю ни бельмеса.
В поисках смысла, истово
можно танцевать со смертью.
Сегодня она в платье формы отвеса,
и горизонт её интереса —
это продёрнутая в отверстие
крюка верёвка, уходящая в круговерть
неба, в котором парит
хищная птица, а над ней шпарит
солнце, нагревая сходящий на нет арет
стены.
Риск уже не бессмысленен,
ибо на выдохе первой сотни лет —
смерть — единственная,
кто ещё удовлетворит,
а не просто покажет сны.

Мы пытаемся жить в потомстве -
мы с ними запанибрата.
Играем и качаемся на качелях.
Только и разница — наличие кошелька,
позволяющая прежде, чем забросить обратно
сеть желаний, вынутую для знакомства,
обнаружить непокупные цели.
Остальное — движение по сторонам квадрата,
похожее на орбитальное — мотылька.

Эта иллюзия перемещения,
возвращающего в ту же точку, откуда начал,
отменяет необходимость измерять время
чем либо, кроме количества прощения,
иначе,

существование — это лемех
быта, вызывающий отвращение.
Я танцую со смертью.
Сегодня она в платье из пены порога.
Белая пачка балерины намотана на весло.
Глубина её надежды —
удержу ли я строго
середину струи между тверди
камней и, назло
гидравлике, проберусь к пляжу,
поклажу
не утопив. Считаем, что повезло.
Считаем, что живешь, и пока молод,
то есть не надо думать, что будут делать дети,
когда тебя не станет.

Я танцую со смертью.
И кто первый из нас
перестанет
нажимать на газ,
стремясь
туда, где полотно дороги
у кромки неба блестит серебром воды?
Спереди, на капоте,
пустота наивысшей плотности,
но если поделить строго
пройденное расстояние на интервал-час,
то величина скорости
противоречит природе.
Бессмертные, мы не оставляем следы.

(27.11.17)

КРОНОС

Жизнь моя станет ещё на год покороче,
и борода станет больше седой, чем рыжей.
Я ещё меньше буду понимать поколение моей дочери
и ещё больше забывать то, из которого вышел.

Но всё также, никому не известны, гниют мои строчки.
Но всё также летит, вращаясь, вокруг солнца шарик.
И совсем не больно заменяется день ночью.
И совсем не слышно, как время рукой в памяти шарит.

Я рентую у Бога для жизни пространство и время,
чтобы выплатить позже созревшей душою, сполна и **зараз**.
Чтобы чьи-то губы перебирали кости моих песнопений,
надувая звуковой волной памяти парус.

Чтобы тот потянул, и незнакомый кораблик двинулся,
подминая под себя молчания солёные волны.
Наплевать, что я давно родился и уже выдохся.
Я ещё пока держу курс. И держу ровно.

(04.11)

КОЛЕСО

Ничего не останется, только глина
слов,
из замеса которых взошёл
и в которые канул.
Информация карандашом
на бумаге, пеликаны
караванным клином
вдоль обрыва над морем,
баркас, продающий небольшой
улов,
покупатели строим
на причале,
и мое отсутствие, как давным-давно,
тогда в начале.

(11.05.18)

ДАТА

Будут вяло цветные флажки
на просторной маслине
колыхаться
под ветром.
Будет вечер тихонько катиться
над огнями в долине.
Вся жизнь безалаберно в старой
любви по отдышку развода погрязнет,
а новая будет учиться
катать пирожки
из готового теста.
Только рано и прочь
собираются гости, изрядно
не выпив пред дорогою длинной.
В гулком доме приветствовать зимнюю ночь
в безморозном контексте
объятий, наверно, с любимой.

(19.12.18)

ОСЕННИЕ СТАНСЫ

Тебе хочется, чтобы я измерил температуру снега?
Он же весь почернел. Его опять лихорадит.
Я перепрыгиваю сугроб с разбега.
И вот снова там. В моём Ленинграде.
Тут тяжёлое небо и большая влажность,
так что я в лыжной шапочке, чтоб не холодно голове.
Поворачиваю за чей-то угол. Чей — неважно.
Перекресток.
Мокрый, противный снег — я уже в Москве.

Это набросок.
Начало или продолжение поздней осени.
Деревянные доски,
проложенные прямо по слякоти
моей проседи.
А я иду
по дороге к дому, где ты читаешь книгу.
Тут какая-то куча, выброшенная на слом.
Эту ткань бытия мы несём,
держа за обрывки каникул.
То ли это тёплое море,
а то ли друзья за большим столом.

Все образцы памяти -
на показ приходящим детям.
Своим ли, чужим ли? — уже без разницы.
Как заплаты на мантии,
они прочнее того, что через неё светится.
А в общем-то, всё равно нечем хвастаться.

Я любил многих.
А они отвечали мне чем попало.
Занимался всякой науко-логией,
чтобы прочно, казалось, стоять ногами.
И почти привык начинать сначала,
но что-то меня все-таки доконало.

Я теперь брюзжу и пью в одиночку
И обгладываю кости истории — куда она могла
вернуть,
если бы не ходила по кругу,
похожему на толстую точку.
(Как бы я хотел сам себя из него пнуть.)

Но если вычесть из мерзкой погоды желание спать,
то останутся только дела, что нельзя отложить.
Это видимо и называется «жить»,
а так всё хочется, чтобы дважды два было пять.

(25.10.11)

* * *

Вот и подошла к концу моя система отсчета.
Дальше уже непонятно, где истина, а где нет.
Не работают правила чёта или нечёта.
А эксперимент мысленный
не помогает увидеть свет.
Да, отлистывая
назад, я пытаюсь разобрать и понять ошибку.
Но разве это возможно – снова пережить всю дорогу?
Как это – «Избежать уже набитую шишку»?
За нее же заплачено, и весьма дорого!

И я говорю длинную фразу там, где раньше хватало одного звука.
И я молчу там, где раньше хватало крика.

Моя система отсчета подошла к концу.
И, как улика,
я говорю лицу
в зеркале: «Такая штука».

(03.10)

ДЕРЕВЕНСКИЕ ХРОНИКИ

У соседа жила овчарка.
Он любил её, но держал во дворе.
Она лаяла на прохожих, на меня, когда, брэнча
поводком, я проходил со своей вдоль его забора.
В ноябре
сосед завёл попугая
и выставял на двор его клетку,
чтобы птица дышала ветром,
тёплым не по поре.
Я привык и от собачьего лая,
не ускоряя шаг, проходил мимо,
гуляя
своего зверя.

С тех пор прошла не одна осень.
Приобретения и потери
сезонов крутились,
переплетались. И другие люди селились
в моё тело, не замечая плесень.

Не сбивая дыхания, размеренно, от края до края
я иду по дорожке, что вдоль забора.
И только слышен лай попугая.

(10.11.15)

КУРСОВАЯ РАБОТА

Ходить по порогам горных рек.
Ночевать в тайге, кормить комаров и питаться рыбой.
Эмигрировать из Совка, ибо человек
стремится размножаться на воле.
Хорошо, если с любимой.

Разбег
предпочитать торможению,
потому что сожаление
о сделанном лучше, чем покусанный локоть.
Больше стараться избегать поражений,
чем стремиться быть понятым.
Научиться не трогать
Спелый, низко висящий, плод,
чтоб потом не иметь оскомины.

Вброд
переходя мостовую,
не доверять светофору.
И никогда не носить груз впустую,
тем паче в гору.

Проживая в странах, в которых идет война,
где новый правитель, но ещё не поменяли кокарду,
соглашаться с властью, про себя посылая её «на..»
И помнить столько, чтобы не бояться говорить правду.

Для успеха у половины двуногих
точно знать, когда не поднимать трубку,
тогда можно, любя одну, при этом замечать многих.
Возраст — это предрассудок, если глядеть под юбку.
В конце дороги
стараться возвращаться всегда в одну и ту же точку на карте.
(Когда-нибудь выход из неё будет только астральный,
что особенно интересно).
Отметкою времени там снег, убывающий в марте.
Дом — это такое место,
где сумма прожитого — максимальна.

В азарте
золотой лихорадки помнить, что она – средство,
а не предназначенье.
Количество золотого песка пропорционально
не удовольствию увлечения,
а душам, которые реально
могут на него согреться.

Как процесс потери физического здоровья
жизнь, начиная с детства,
результатом имеет прирост нравственного.
Душа противоречит крови –
в этом тоже есть диалектика прекрасного.

Батарейка подходит к концу на моём лэптопе.
Муравей, навигирующий торчащий корень,
как в плясовую,
начинает восхождение на секвойю.
В скопе
времени дерева мы – современники. Никуда не деться.
Светает. Я молю Учителя зачесь курсовую,
хотя бы и скрепя сердце.

(31.08.14)

СОБИРАТЕЛЬ

Как привычно стало перелетать океан,
чтобы штопать мир друзей и родни
без швов.

Сливая в одну картинки из панорам
чужих городов

в дождливые или в сухие дни.

Карман

моего одиночества

приятно оттягивают монеты встреч.

Не имеющие хождения,

их легко уберечь

от расходов на жизнь, налоги и прочее.

При продвижении

по времени

память, ограниченная головой,

боится своего разрушения,

когда ничто не спасётся.

Если только заранее

её не скопировать на цифровой

диск, бумагу или — лучше — в детскую голову,

если таковая найдётся.

Поровну

разделённые океанами материки

на экране компьютера

имеют величину цен на билеты.

Сухопутные моряки,

от портов нам остались пиво,

сидячие ночи, утра,

прогноз погоды и приметы.

Как память о прошлом опыте,

чтобы не ошибиться, когда криво,

на будущее налетя телом,
хлопаешь себя, но в кармане
находишь хлопоты
без предела
да вечер ранний...

(15.10.15)

ВЕЧНЫЙ ЖИД

Закругляется время. Эпоха фантазий прошла.
Похудевшей тропинкой закончился бурный фривей.
Дорогая моя, ты опять мою руку нашла,
разрешите представиться – вечно бродящий еврей.
Соловей
на рассвете – язык его смутно знаком
с предыдущих стоянок, домов и роскошных гостиниц.
Он расскажет о том,
что я помню.
а также о том,
что ещё не случилось – провидец.

Только ты всё про дом.
Про детей, про устойчивый быт.
Ну а я всё – про горы и скалы, пороги и реки.
Закругляется время, в котором так много болит.
И уснула дорога варягов, ведущая в греки.

Век иной. Непогода не стоит гроша.
Но рука остается рукой и опорой.
Нам опять предстоит воспитать малыша,
и мириться, и ссориться с Торой.
И покуда душа
не созреет в отрыв,
уповаю – хватило бы тела.
Чтоб рукою своей твою руку накрыв,
по дороге идти неумело.

(09.10)

ИГРА

Я живу в нереальном мире реальных чисел
словом, чей смысл
утрачен, так что звук потерял опору.
Я строю домики
из картона
цифр. Новоселы в двориках
меня называют «лысый,
предпочитающий дорогу в гору».

Та дорога всегда короче.
А что известно про умника
в этой связи — неправда.
Впрочем,
в нереальном мире трудный
путь иногда проще —
если не получилось, только сам виноватый.

Множественно
вычитанный, умноженный,
поделенный
я бреду к миражу успеха за глотком терпкого
напитка счастья.
Мне число протыкает кожу
и медленно
превращается в осколок зеркала,
и тот становится властью.

Разность
между истиной и миражом,
память о том, что могло не быть, -
и та быстротечна.
Не обнять, не полюбить.
График функции, обреченный на бесконечность —
вот и всё, что со мною произошло.

(08.09.18)

* * *

Мы спорим о птицах,
как будто свобода — синоним полета.
Помню, трамвай мёрзлым утром везет на работу
мою повседневную тень,
чтоб вечером темным обратно вернуть.
И жизнь утекает меж пальцев. Меняются лица.
На завтра отложено счастье. Оно непременно случится.
Чуток пережди дребедень,
потом позабудь.

Не кончается вальс,
лишь природа сменяет мгновенья.
Вот рождается Слово, встает с колыбели и курит в окно.
Собираются гости. На раз
на столе накрывают соленья
и, кажется, больше другого уже не дано.

От снов
разноцветных к эпохе
помятых бессонниц
по ветру вращается лист, представляя, что путь выбирает.
Его дерево сохнет,
да служат мишенью
для молний залысины кроны.
И кто его знает?
Он счастлив короткий отрезок движения,
что делит с вороной.

(08.04.18)

* * *

Красивым женщинам не занимать добра.
Не занимать любви.
Быть королевой поля.
Я пешка.
Я смотрю, как ты на воле
диагональю меряешь ряды.
Не занимать беды.
Но даже пламя отступает, не коснувшись.
Ты — как мечта.
С тобою, не проснувшись,
уйти гулять за Райские сады.

Прекрасным женщинам не занимать печали.
Дорог нехоженных бывает, право, жаль.
Но, пожимая
узкими плечами,
лишь бросив взгляд,
проходит мимо.
Шаль
передернув,
будто бы от ветра.
Рука в перстнях.
В глазах поют огни,
мешая вместе тюны джаз и ретро.
Дорог нехоженных я представляю дни.
Прелестной женщине не занимать надежды.
Она сама — надежда.
Мне ли сметь?
Но вежливо, с поклоном,
как и прежде,
мне всё-таки дозволено смотреть.
О королева бала и базара,
снимите грим весёлого лица.
Где то, что ты однажды не сказала,
а я, услышав, понял до конца?

(08.11.08)

К ЮБИЛЕЮ ДЖУЛЬЕТТЫ

Ну что, старуха,
шестьдесят?
И юноши не ходят по ночам и не висят,
обняв балкон?
Потухла кожа. Напрочь отстоят
от головы два уха
в серых волосках.
А, помнится, на фотке: ушко локон -
завихрушка,
скругленье попки в юбке,
далее — на каблуках
стройнее ножек нет. Подружки...
Нынче сухо:
автоответчик в телефонной трубке.
Иные канули, иные по домам
на пенсионе, на таблетках.
Еще строчить для внука
на Halloween кафтан,
скелетики на ветках
размещать.
Еще, ссудачив важное с неважным,
разрушив скуку,
прополоть газон,
суп щавелевый
сделать мужу. Уснуть.
Приснится пляж, а по нему вальяжно —
Ален Делон.
Ах, да не в этом суть.

(10.11.18)

ХУДОЖНИК

Одинокий домик парит в голубом небе
в окружении облаков.
Я постучу негромко. Мне откроет гном.
Набекрень
надета треугольная шляпа, а с боков
топорщатся крылья,
заполняя дверной проём.
Он протянет руку -
рукопожатие с избытком силы
не на шутку.
Мы улыбаемся вдвоём.

Прямо с крыльца я войду в комнату
и окажусь в чертогах замка,
где три музы в масках,
исполненные
величия, снизойдя к моему приветствию,
кивнут музыканту,
стоящему на подиуме.
И тот в соответствии
с этикетом
заиграет еще не сочиненную мелодию.
Дудочка, пальцы, рот.
И станет понятно, что законы физики
подчинены сюжету,
а не наоборот.

Сюрпризы
не прекращаются. Красный рыцарь
на белом коне пересекает двор -
цоканье подков, клацанье доспеха,
сверканье шпор.
Лица
зевак разглядывают моё – «кто приехал?»
Разговор,
споткнувшись, продолжается о своём.

В углу под башней стоит маэстро
и пишет точным мазком кисти
фонтан, водоём.

Руки – продолжение глаз.

Место,

где я застыл, заполняется листьями,

падающими с дерева, где враз

пароход на ветках

нашел, наконец, причал.

Дым из трубы, я вдыхаю его вместе с ветром,
гнувшим деревья, хлопающим по плечам
моей же курткой.

Там наверху загораются празднично
окна над порталом.

А тут шуршит ветер, крутит

занавески, мусор, тряпье,

выгоняя меня. И жутко

возвращаться в мир из этого сказочного.

Но рыцарь опускает забрало

и наставляет копье.

(05.11.16)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ну что ты дрожишь, мой лисенок?
Страх и холод проходят.
Ты не бойся казаться несмелым.
В эту длинную ночь, когда снега сезон,
надо жить аккуратно,
чтобы рыжим на белом
не бросаться в глаза.
Тебе рано
ещё умирать на охоте.
Ты лиса.
Проникая в сезам,
не рискуй понапрасну
и следы заметай, не жалея хвоста,
в петушином гареме.
Это глупо — погибнуть в прологе
к собственной сказке.
Что зима? —
только тёмное время,
когда нарождаются ложные боги.
Здесь поэтому местность пуста,
что им нужно пространство.
Здесь сугробы блестят
для их роста и игрищ.
Как потешные спички,
наигравшись они прогорят.
Всё растает и схлынет, ты увидишь, —
найдется подружка лисичка,
что подарит тебе постоянство.

(17.12.17)

* * *

Я прохожу науку «разлюбить».
Предел отчаянию ищу бечевкой смысла.
Но, выбрав всю длину, она повисла.
Не тронув дна, с которого начать
наверх, на свет, перемещение.
Я применяю магию прощения,
заклятие кладу, чтоб не кричать.

Событиям прошлого меняю дни и числа.
Ищу в истории неверный поворот.
Откуда всё потом произойдет,
чтобы застыть во времени и присно.

(19.06.13)

К ЮБИЛЕЮ ПЬЕРО

Две четверти или немного больше
от прожитой.
Время нарушает закон перспективы.
Сначала оно гораздо толще,
потом сходится в точку,
в которой стоишь сегодня.
Из той
тесной квартиры,
заваленной начинаниями,
книгами и прочим,
испачканным в «ля миноре»
(что текущей эпохе уже не пригоден,
потому как бренчанием
давно весь растрочен),
чертишь линию, смотря обратно,
от моря,
от пляжа курортного городка,
через пятна
в дневнике, на одежде к намётам
снега за дверью дачи,
заклинившей от просевшего потолка.

Качество
двух четвертей как минимум — это случай,
когда сокращение числителя
со знаменателем невозможно —
потеряешь опыт. Лучше
не упрощать.
Большую (теперь уже) половину осторожно
несешь через перекуры,
игнорируя боль в плече, саданутом с похмелья,
и от попытки начать
снова спасаешься чувством юмора.

Пролетающие недели
забываешь клиньями выходных –
цветные кружева, вставленные в ковёр
событий.

Привет тебе, Пьеро!
Фотка с Мальвиной, бьющая под дых,
да, сбивающий с прыти,
крутится «ля минор»:

Ругает собака заблудшую кошку без визы.
Шестнадцатилетие барышни требует торта.
Аккордов
шагами восходишь – опять ледники да карнизы,
забывая принять от давленья в разбухшей аорте.

Когда капли разлиты –
ах, порта
рюмашка! Да ноги поближе к камину
без запаха гари.
Повторяется роль – тоже форма молитвы.
Время кружится в «па» под размер трех четвертых,
продолжая сценарий.
Не вступило бы в спину.

(16.05.17)

p. Toyber

* * *

Это время детей, для меня собирающих камни.
Но, увы, не учитель, я сам ещё тоже учусь.
Отбирая здоровье, прошу, только память оставь мне.
Я, наверное, детям, что слышат Тебя, пригожусь.

Это время набора ошибок, повторов,
где в наушниках уши. Кричи ли, шепчи ли, пиши.
Но по капле сочится великая мудрость, которой
удостоен зародыш, конечно, бессмертной души.

Озерца из любви пересохли ручьями надежды.
Я ступаю на дно и иду там, где светится смех.
Пусть мне камни встречаются в русле всё реже и реже.
Это время детей, за которых в ответе. За всех.

(13.07.14)

ДОЧЕРИ

Ты – мой дорогой читатель
самого важного, ненаписанного романа.
Мой светлячок-фонарик,
героиня стихов, которые ещё не **начал**.
Задача
с неизвестным ответом
о полёте над потоком времён.
Летопись со счастливым сюжетом,
в которую я влюблён.
Плёнён
мелодией плодородия,
я считаю уголки лукавства
в твоих глазах.
Сам лишний.
Вижу – всё богатство
моего бытия – это
вроде как вьющаяся лоза,
вплетённая в твою косу
по воле вышней.

(16.05.19)

* * *

Я смотрю заморожено в глаза новорожденной,
как плещется судьба.
Мне ступать по той дороженьке, остороженько,
по чуть-чуть.
Что Судья
назначил мне за пустопорожнюю —
теперь в зачёт.
И течёт
возможное, и пахнет суть
его — младенца кожей,
и лучится путь.

(18.10.19)

ПЕРЕКРЕСТОК

Разбегается век. Кончается
Эпоха, вошедшая в книжки
под городской застройкой.
Наркоман-ветеран на углу
у водителей клянчит на вечер.
Качается
солнечный зайчик на крышке
помойки.
Проезжают повозки уже ни к двору, ни к колу,
лишь по найму, и то недалече.
По акценту в услышанной речи –
видать воронье.
По коробке от редких таблеток –
узнать неудачу.
За рулем повидавшего виды «рено»
едут в школу
нимфетки.
О тебе ли судачат?
Ты пешком,
потому что точнее вдоль времени шагом.
Колесо и крыло не умеют прибыть невпопад.
Но очнется «айпад».
Из заоблачных сфер
сообщенье стежком
прошивает, как скрепка бумагу.
И опять запускаются ритм и размер.

(17.03.18)

P. Taylor

EVER AFTER¹

Дни выстроились по росту
и формой входят в механическую шкатулку.
Редко видимся, выбегая с занятий по звонку перемены.
Просто
так смеёмся, подслушав шутку,
ту, ровесницу Ойкумены.
Наши колени,
наполненные артритом, болят на спуске,
уходящем, пока не круто, в долину
(что на её дне – здесь известно),
и это грустно. А я не хочу о грустном.
А хочу по пляжу верхом или по длинному
склону на лыжах, сквозь перелески,
перепрыгивая сугробы,
что намело нам,
пока отвлекались на то, что пресно.
Хочу по-детски
держаться за руку, краснеть, целуя,
только мы крутолобы.
Мы придумали время, и оно теперь дует
непрестанно.

Так что мир давно похож
на разбросанный костер,
угасающий по разным странам.
Так краснеют очаги
там и здесь. Остальное – сплошь
неосвещенный простор,
и в нём – ни зги,
а уж повстречать человека –
забудь.
Всё равно не распознаешь. Чародейка –
ночь давно превратила путь
в метания
по светлячкам Америк, Азии, Европы.

¹ Ever after – и жили они долго и счастливо.

Остались книжки, да предания
интернета, в которые не сильно веришь,
потому как опровергают опыт.

А редкие уже позывы к речи
не побуждают встать на подиум,
в подмогу сказкам, вышедшим в потери
вслед за уплывшими детьми.
Если куда-либо и приходится идти,
то теперь выбираться из дома легче,
когда отсутствие тени
подтверждает полдень.

И всё-таки вышел. Трава,
проросшая в щели между камнями,
дорожки из желтого кирпича.
Слова
граффити — цветным слоем
по изгороди между краями.
В дрожи волн под ветром — поле
с восходящим маком,
где в земле встречаются кости тигра.
Волшебниц нет. Обманщик улетел. Оплакан.
В результате игр
между добром и злом — ничья.
И жители ко всему привыкли.

Мы бежим, и только движением хранимы
от потери равновесия. Так кружение
волчком
имеет целью не в рост вытянуться,
а всего лишь способ не лежать ничком.
Это ли достижение —
медленно угасать в Иерусалиме,
в доме для престарелых, потеряв зрение,
где быстрота горения
событий пропорциональна шагам зрителя
этажа?

Да было б хорошо, от куража
устав, с добротной книгою в руках,
под солнцем лампочки, в своей берлоге,
на раз уйти в чертоги,
где только свет, и нет понятия «впотьмах».

Записка в блоге
выжившей супруги, друзьям досадно.
Кто-то молча пьет,
приняв по факту: все рожденные — калеки.
Но нет, ничто так не убьет,
не ухайдакает внезапно.
В этом веке
скорей придется по линейке,
что создалась
из нумерованных лекарств,
протопать сквозь болезнь.

Живу, уже отправленный на казнь,
на перспективу полного молчания,
в кругу любимых, послезавтра —
под приговор любезного врача.
Покуда ж есмь,
то тесен
срок, отпущенный на слово «до свиданья»
в значении заветного «прощай».
Пока я есмь
(плюс-минус где-то полчаса),
я прислонюсь к секвойе,
чтобы услышать запах тысяч лет.
Мгновение застынет, обезволив.

Не хватит рук в попытке ствол обнять,
как жить не хватит века.
Лишь белка, словно тать,
бегущая по веткам,
ни разу не ступив на землю,
незавершенное движение оставит,

как не услышанную весть.
Всё недоделанное только лишь и есть,
что в смерти не приемлю,
а так она пусть правит.

(03.04.18)

КРУГИ НА ВОДЕ

В этом году магнолия
цвела с декабря по апрель.
Количество влаги пролитой
превысило размеры памяти старожил.
Даже удивился компьютер.
На соседнем поле,
которое никак не продается,
развелись зайцы, вырос хмель,
и воют шакалы — понятно, далее про поджилки.

Мои, в целом, все проживают в уюте.
Торговля продолжает переминаясь
с ноги на ногу,
что менее беспокоит, чем дети.
Они, как прутья
деревя, пока не зацветут, не выходят в люди.

Кстати, о людях — любимый аспагаус
подорожал.
Видимо, фермеры не в согласии с дождями.
А может быть, правитель, что раздражал,
ушел в отставку.
Население района пестрит бомжами
и оленями. И те, и другие предпочитают травку.

Читая звуки, глазами вместо ушей **вне**мя,
принимаясь, что распашные весла забот
не оставляют времени для общения «тет-а-тет»,
разве что в письмах.
Если человек — это вода, пролитая на землю,
тогда наоборот,
следуя сущности, а не породе,
в этот раз
мы попадем на небо из здешних **тенет**
методом испарения в выси.
Круговорот воды в природе.

Природоведение. Первый класс.
Я прольюсь дождем на твои тюльпаны,
розы, чью-то магнолию.
Где были бурьяны,
в марте вдруг зацветет сирень.
Потеря перестанет заходиться болью,
будоражить шрамы.
И только низкое небо вызовет у тебя мигрень.

Нельзя общаться, не задавая вопросы
и не раздумывая над ответом,
что в формате цветов, ведущих свой разговор
с памятью
того убежавшего лета,
когда ты ещё носила длинные волосы
под стать водопадам в ущельях гор.
Отстаивать
свою точку зрения никогда не поздно.
Вода точит камень, определяя единицу времени,
как величину исчезающей массы просто
между двумя наблюдениями.

(19.03.17)

* * *

Ход времени — пожалуй, что не ход,
а так — засечки в памяти
не по порядку чисел.
И не исправить
ничего, а лишь листать.
Так смотрят в небосвод,
разглядывая в выси
звезды.
Не перестать
проигрывать слова
пластинок, сохраненных Летой.
Кто был неправ, а кто права?
Какая разница? Курс той монеты
вышел в абсолют.
В течении наших встреч
теперь менять что-либо поздно.
Тебе ли платье,
мне ли речь.
По безупречной
логики понятиям
кривая шансов устремляется к нулю.

Сорваться б враз. Куда-то заспешить.
Кумиров прежнего увидеть сверху просто
людьми.
Ладью пожертвуй, ферзя приворожить,
глаза в глаза незадачным вопросом.
Детьми
играть,
пуская стрелы вдаль,
и слово «жаль»
еще не понимать.

(30.06.19)

П Л Ю С О Д И Н

Пустота, равнодушие, сельская зимняя скука.
Отсутствие звука
и цвета.
Отсутствие цели.
Всё, что мы не успели
звучит, словно старая шутка
с бородой из снега в новогодних игрушках
на ели.
От январских обетов,
заранее невыполнимых,
в осадке слова без движенья.
Они — оболочки желаний, как дохлые рыбы
на пляже.
Лишь заботы поклажей
подтверждают закон притяженья,
да дожди заслоняют глаза от свиданья с пейзажем.

Как вальяжно
качается пепел
в затонувшем кострище
под ветром, что лепит
увядшие листья на грязь под окошком!
Притаилась природа в этот
нищий
сезон.
Знать, наверно, Всевышний
опять размышляет о прошлом.
Колокольчик, капель, перезвон.

(09.01.19)

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

Так вдруг, в часы, кода ещё не ночь,
замесив горячее на холодном,
например, любовь на быту,
убеждаешься — холод всегда прав.
Среди прекрасных трав,
те, на кого раньше смотрел голодным
взором, — теперь бесцветны.

Но поздравляю с рассветом!
Это, когда сквозь темноту
начинаешь отличать вещи от лжи про них.
Когда ошибок страх, что приник
к советам,
уже не страшен.
Когда из пряжи
недостатков, что ты есмь,
встаёшь и смотришь человеческим взглядом не вперёд —
назад.
Не детства сад —
скорей чащоба!
Как пресен
фруктов вкус, подставленных, что крали в полумраке!
Ещё бы —
спелых нет.
В молве бытуют враки
про опыта набор, про горький пот.
Но ничего нельзя добавить, не отняв.
Над множеством хлопот
взросление — есть метод вычитанья.

Уходит в даль мечтаний
пароход.
Грядёт другой рассвет,
где результат приняв,

продолжить
по песку бесследным бегом изо всех возможных,
что остались, сил.
В лучах светила,
вне законов притяженья, под взглядом божьим
Напрямую.

(21.08.19)

СТАРИК

Я уже разобрался с собой и с работой.
И даже с эпохой скоро уже разберусь.
Я на всё соглашусь,
что мне выдано высшею квотой,
где колоночка счастья,
а баланс выливается в грусть.

Не стремлюсь
досчитать до конца — всё понятно.
Разгладить морщины
вином. За кутёж,
что в бюджете не сделает брешь!
Оставляя ещё на бензин,
на ремонты машины.
И на первые вишни,
которые ешь
..и плюёшь.

(17.01.11)

* * *

С годами больше ценишь качества души,
Чем прелесть тела, сжатого локтями.
Так, многое, что раньше было «О!», скатилось в «пшик».
Корабль времени.
Разлѣгшись на диване,
гоняешь птиц случившихся событий
туда, куда им вовсе не леталось.
Предав наитье,
искусство тоже поменялось
местами с жизнью. Теперь испытываешь жалость
не к Ромео или Джульетте, а к зрителю,
что плачет над финалом.

Вообще сюжетов оказалось мало.
Дарителю
ужели не наскучит,
что плачут каждый раз, как будто в первый?
Увы, история не учит.
А было б здорово, платя монеты,
суметь сберечь глаза и нервы.
И может, жили б дольше.
С годами больше
понимаешь, что жизнь кончается, когда исчерпаны сюжеты.

(24.03.14)

НЕКРОЛОГ

Никого не убил, ничего не поджог.
Не предал.
Не писал стихов
и при этом
прожил
долгую. Говорят, хорошо.
Умер быстро. Похоронили летом.
За собой оставил детей, дом, добра мешок.

Любили многие.
Отвечал взаимностью.
Предпочитал ноги
стройные, талию, ум в глазах.
Боготворил одну. Божьей милостью
посланную. С ней всё связал.
Назвал
ангелом чистоты.
Долго жил, не понимая, как можно
после её ухода
в одиночестве топтать эту землю.
Есть, пить воду,
а не только разбирать по вазам цветы,
стебель к стеблю.

Сложно
Бывало.
Но, взяв у природы, что досталось из материала,
Выстроил
из него себя, как сумел.
Редко забывал, если что выстрадал –
а было немало.
По ситуации – смелел,
надо – дюжил.
Помянем добрым словом,
может статья,

и нас помянут не хуже
под каким кровом.
Когда Бог не стесняется повторяться,
человеку приходится начинать по новой.

(04.07.19)

ГОРИЗОНТ

Осталось некрасиво постареть,
желания упаковать в бессилье,
пересмотреть
фотоальбомы, стиль
одежды, что носили
и ту, что далее носить, пересмотреть.
Давно не треть,
давно за половину —
статистика отсчитывает срок.
Что раньше брал и делал —
ломит спину,
не впрок
еда. Да, это времени симптомы —
оброк
стригущего с пространства тела
болями, легкостью походки,
взглядом незнакомых
дев, скользящим мимо.
Осталось, меньшего прося,
умело
поменять привычки, кротко
жизнь жизни в жертву принося.
Осталось — в маске грима —
придумывать капризы быть у дел,
незримо
двигать грани компромисса.
Уйти и не почувствовать предел.

(09.12.18)

СОЛДАТ

Ну плесни ностальгии
на два пальца в граненую рюмку.
Эта водка не вызывает похмелья,
она — лишь футляр для беседы.
О чём? — да на утро не вспомнить.
Улетели валькирии —
значит мы победили соседа,
из оставшихся сил задираем красавице юбку,
понятное дело, в продолжение веселья.
Что, нескромно? —
так пёс его!
За Кесаря
мы теперь голосуем ногами.
Побег — это тоже победа, где на выходе жизнь.
Я возьму себе ангела замуж. Нам тесная
комната будет дворцом. Там, шить
научившись,
она мне подарит накидку на шрамы.

Когда перестанут пугаться,
тогда я начну забывать. Только вряд ли забуду.
На войну отлучившись
однажды, с неё не вернуться.
Будут
всюду мерещиться ямы,
и в них иноверцы, что грудой
до верху. Ты выбрал — остаться.
Стремясь не споткнуться,
набивши карманы,
мы в храмы
приносим чуток подношенья,
опять начиная ходить, а не красться.

Ну ещё на два пальца.
Мы пытались брататься
в избежание срама.
Победители – в пляс.
А теперь, в отрешенье,
ждать и молиться, чтоб не вышел приказ.

(15.09.18)

ПАМЯТНИК

А какая разница,
как будет выглядеть мой памятник,
если к нему никто не придет?
Я всю жизнь не кланялся.
не покупался на пряник,
надеялся — кто-нибудь, да найдет.
Кто-нибудь
перечтет ещё не остывшие строки,
и они уколут печалью.
И зачнутся, пойдут расти мысли,
корнями свои соки
возвращая душе.
Мир безразличен.
И это — первоначально.
Поэтому, сработанное из камня —
не долговечнее написанного в карандаше.
И только сроки
жизни секвойи
больше, чем период смерти развалин Рима.
Посадите мне памятник.
И просто поливайте его водою.
И не надо слов. Я и так любимый.

(08.10.13)

ВЕЛОСИПЕД

Эта ось не годится –
так скоро я обод погну.
Отскочившая спица
торчит и цепляет штанину.
Я доехал до сюда. И, может быть, брошу машину,
чтобы дальше пешком, направленье держа на луну.

Не спешите уверить, что мне до луны не дойти.
Я же помню картинку из старого детского фильма –
Если верой педали крутить
(можно даже не сильно),
то луна недалече. Спасибо за это, «Е.Т.»*.

Ну какая беда, что уже не вскочить на седло,
чтоб под горку катиться, раскинувши руки, как встарь?
Я не стар.
Но по лунной дорожке топчу тяжело,
а в натертую спину впиваются руль и фонарь.

(12.07.13)

* * *

Здравствуй, Время – Медведь.
Мы с тобою один-на-один:
да я знаю, ты меня заламаешь,
мне не выстоять бой.
Только раунд вот этот – за мной.
Понимаешь?
И, быть может, другой
я ещё продержусь...
Мне же есть, для чего.
За мою спиной
эти детские руки,
эта чушь
и не чушь бесконечных вопросов.
Этот рот, перемазанный кашей.
Эти слёзы,
обиды и всё остальное,
что всё-таки даже
даёт мне надежду,
что лапа твоя промахнется, порвавши одежду.
Ещё один раунд не твой.

(06.12.11)

ДОН ХУАН

Я смотрю на девчонок
взглядом патриарха.
Вот эта, пожалуй, подойдет моему внуку.
Бедра, фигура, одежда — чуть-чуть неряха —
впрочем, это поправимо, я давно набил себе в этом руку.
Мой зайчонок.
Он тоже не ахти какое сокровище —
В таких передрягах, что лучше бы и не попадать.
А девчонка хороша. Стоящая.
Так и хочется сбросить лет двадцать пять.
Я ведь ещё «да».
«Папик» вполне на выданье.
Было же приключение год назад в Ницце?
Тоже точёные ножки. Талия.
Приторно.
Так и не удалось измениться.
Лица.
А сколько их было?
Цифры — утешение для слабого тела.
А, занервничала. Чувствует мой взгляд.
Обернулась. Нет, не видит. ещё бы!
С моим то рылом,
куда тут в калашный ряд —
скорей в чащобу.
Кажись, стоит без дела.
Ан нет, телефон зажат.
Кавалера
ждёт? Или, может, подруг?
Каблучки высокие, туфельки чуть дрожат,
как рифмуются.
А вот и он, переходит улицу.
Узнаю походку — ну точно, мой внук!

(26.01.14)

ПРОГУЛКА

Реальность уходит. Так отлив обнажает пляж,
переходящий в морское дно.
Всё, что истово билось, больше не существует.
Остались камни,
немного обкатанные, но такие же, как и до.
Пейзаж,
как и память,
отсутствием изменений
заодно
является доказательством вставшего времени.

Ладонь,
приставленная у лба, позволяет взгляду,
щуря глаза от солнца,
различить лишь пятно твоего лица.
Зрение село.
Так что ориентировке в пространстве, к ряду
молвить,
больше помогает пыльца
местных цветов (название не упомянуть).
Кольца
тропинки, ведущей к тебе и к дому,
предполагают, что тело
идёт на запах. Отважно
так, руководимый чутьём,
пробираешься по разлому
в кряже,
преодолевая затяжной подъём.

Останавливаешься. Для отдышки,
расстегнув куртку,
пережидаешь стайку девчонок, бегущую напролом
круто
вниз. Чуть погода — за ними мальчишки.
Пропускаешь и этих. Минуту,
ещё отдав, вываливаешься на плато,

Где можно побыть с тобою. Хотя то,
что уже впереди, гораздо меньше того, что было.

Ты кутаешься в платок.

Да, зябко.

Мемориальная скамейка,
обращённая к океану. С тыла
надпись. Имени — не разобрать.

Закат протягивает светолапки
через трещины туч, и красит смыслом ушедший день.

Беспорядка

твоих волос не понять

теперь даже ветру.

Мы молчим. Молчание — всё же тень
разговора. Не велика наука.

Прилив поглощает метры
песка. Порыв пригибает цветы.

Тишина, *большая* пустоты,
пока что просто отсутствие звука.

(18.04.16)

НЕСЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Здравствуйте, девочка с побелевшими волосами.
Узкие плечи, под косметикой морщинки у глаз.
Мы случайно встретились, мы плясали
под джаз,
всплескивая руками
в ритме бегущего по ним тока.
Вы не помните?
Это было на пьянке много лет тому.
Клубничка оказалась на вашем ломтике
именинного торта. В большой комнате
сначала играла полька,
а потом заиграл джаз и потащил нас к дну.

Да, с тех пор начался ветер.
И принес меньше радости и больше мусора,
отчего мотив времени зафальшивил столь
сильно, что часовая стрелка застряла
в другом столетье.
И сегодня новая музыка
стряпает
для меня лишь головную боль.

Мы рассчитали родителей «на первый, второй»,
проредили друзей, только не поменяли глобус.
Смех стал почти похож на веселье,
под ним глубокий не слышен вой,
на который, даже с похмелья,
перед работой, поутру,
больше не срывается натренированный голос.
Вы спрашиваете, как меня зовут?

А я не знаю, как правильно, левую или правую
руку тянуть для милостыни.
Видел, шляпу кладут перевернутую в пыль у ног.
Мы в одно время с тобою выросли
на похожих кормах и травах,

и, конечно, не может быть у нас разный Бог.
Девочка, ты больше не носишь короткие платья.
Одежда надежнее взгляда тебя согреет.
Ты не поднимаешь глаз, чтобы не обмануться.
Я потом понял: руку протягивают ту, что поздоровее
из двух будет. Если ударят или захотят отнять, то
чтобы не просыпать. Унести. Не споткнуться.

(11.06.17)

РАЗГОВОР С БАБУШКОЙ

Ты говоришь «любить детей»
потому, что они заявка на вечность?
Наших идей
невоплощенных возможность?
Душе дополнительный шанс
вновь беспечной
плыть по жизни несложной?
Быть ребёнком —
это не предъявлять подорожной,
когда освещает ажурной
улыбки пронзающий свет.
Принимать всё анфас,
обрываясь в залиvistый смех,
словно ветер в позёмку,
потому лишь, что время бесшумно,
а это единственный звук,
оставляющий маркер на нём.

Я на память надену доспех,
всяким окликам глух,
продолжаю копаться в песке,
и с мечом и ведёрком
ходить в водоём.
Я любимый и маленький.
Снова подросток в задачках по алгебре,
да в «айпада» игрушках,
где оркестрик играет тот камерный,
заводящий мотив из динамика.
Ты напомнишь — «в наушники уши!»
ну пойдя, догадайся, что рыцарь погряз в ноябре,
что волос на виске
не осталось, как листьев на ветках
облетевшего леса с опушки.

Там встречаю рассвет,
просыпаясь в кроватке, где стоят в изголовье
разодетые принцы,
окружённые толпами предков
моих. Только сотни, а может, и более, лет
смерть им ставит в дневник единицу.
И застряла машинка с любовью
на возврате каретки.

(08.11.17)

МУЗЫКА ФОРМЫ

Сначала была силлаботоника, потом она стала разламываться на части, перебиваться бульканьем, клокотаньем, потом пришел свой поэтический стиль, голос, а потом уже оформилось направление, в котором, как выяснилось позже, писали, пишут и могут писать многие. Я назвал эту форму стихосложения «джаз-поэзия».

Джаз-стих — это рифмованный стих, не имеющий постоянного размера, но в отличие от свободного стиха или дольника имеющий рифмы, часто множественные, расположенные вдоль текста таким образом, что создается общее впечатление цельного произведения, где мелодия слов переплетается с текстом, дополняя его до общей формы и единого фокуса. Читать произведения, написанные в стиле «джаз-поэзии», лучше всего, произнося слова (хотя бы и про себя). Естественно, что такая форма стиха существует только в тех национальных поэзиях, где есть понятие рифмы и размера.

Насколько мне известно, в русской поэзии джаз-стих появился в XX веке, с ним экспериментировали разные авторы, не определяя его строго как отдельную форму. Из-за исторических причин (многие произведения не проходили советской цензуры) мало что сохранилось сегодня. Тем не менее то, что было открыто один раз, будет обязательно открыто снова. Я выделил «джаз-стих» в отдельный стиль еще в 1987-м, а в 2013-м формализовал его в манифесте «джаз-поэзии».

На сегодня с момента написания «Манифеста Джаз-поэзии» прошло пять лет, так что настало время сделать небольшие уточнения. Не хочу сказать, что «Манифест» устарел, нет, скорее, стиль «джаз-поэзии» развился, перешел на новый уровень, повзрослел и требует более строгой формализации. В пространстве, там, где раньше не было никого, кроме редких, случайно оступившихся в джаз классиков, теперь встречаются другие путешественники. Я обнаруживаю джазовые проходы у разных авторов, используемые более интуитивно, через талант, нежели сознательно направленные на несение дополнительного смысла через мелодию. Так или эдак, если форма стихосложения развивается, если ею пользуются, то она прижилась.

«Джаз-поэзия», как и «джаз-музыка», являются идеальным инструментом для описания, инструментом, точно передающим настроение автора, наблюдателя или участника поэтического сюжета. Не случайно, когда речь идет в стихе о передаче настроения, о создании «мизансцены» перед переходом к «основному действию», то звучит джаз.

Посмотрим у классиков. Например, В. Маяковский (разбивка на строчки не авторская, я переписал разбивку строчек под джаз). Вот фрагмент из «Скрипка и немножко нервно»:

*Скрипка издергалась, **упрашивая**,
и вдруг разревелась так по-детски,
что барабан не **выдержал**:
«Хорошо, хорошо, хорошо!»
А сам устал, не дослушал скрипкиной **речи**,
шмыгнул на горящий Кузнецкий
и ушел.
Оркестр чужо
смотрел, как выплакивалась скрипка*

(В. Маяковский)

Сто лет спустя и барабан слышен, и типичная для «джаз-поэзии» избыточность рифм, ведущая мелодию, и передача настроения. Девять рифм в девяти строчках! («речи» — джазовая вариация).

Или вот, например, у современников, самое начало «Осенней сонаты» (фрагмент из книги «Спецхран» А. Грицмана) — позволю себе переписать джазом (рифмы выделены, разбивка строк также моя, джазовая):

*«Челси» — «Манчестер Юнайтед».
Он — на угловом диване: курица из супермаркета
Картофельный салат
Немецкий, с горчицей «Heinrken light»*

(А. Грицман)

Вот она — мизансцена, крупные мазки палитры, определяющее полотно для зрителя. «Супермаркет» никак не прямая рифма к «light» (для этого есть «Юнайтед»), но если цепочку выстроить вдругой последовательности: «Супермаркет — салат — Юнайтед — light» — то это типичная джазовая мутация рифм.

Едем дальше — Бродский (разбивка строчек опять моя):

*Веко подергивается. Изо рта
Вырывается тишина. Европейские города
Настигают друг друга на станции. Запах мыла
Выдает обитателю джунглей приближающегося врага.
Там, где ступила
Твоя **нога**,
Возникают белые пятна на карте мира.*

(И. Бродский)

Я не случайно выделил «врага» двумя «цветами» сразу — мастер, безусловно, слышал, что эта рифма связывает как с «города», так и с «нога», и интуитивно использовал в обе стороны. Как видим, и более поздние классики тоже не чуждались джаза, хотя и обертывали его в привычную уху силлаботонику (когда-то всё же печатать?).

Тут уместно отступить и прошу прощения, ругнуть книгопечатание. Дело вот в чем. «Джаз-поэзия» звучать с листа не умеет. То есть полностью не умеет. Так, как скажем, может силлаботоника — форма размерная. Привычный для уха размерный стих с первого, ну со второго прочтения, укладывается в ритм и в повторяющуюся мелодию взлетов и падений звука, ударных слогов и акцентов. Он завораживает регулярным ритмом, размеренным боем, а потом вдруг выбрасывает в пропасть поэтического откровения. Напечатанный на бумаге, силлаботанический стих может быть прочтен «про себя», он не требует исполнения, а если захочется, то каждый его может исполнить. Не говорю — хорошо или плохо, но каждый читатель может. И может сразу. И он зазвучит. Если не для слушателя, то уж точно для читателя, и зазвучит неплохо.

«Джаз-стих», с другой стороны, требует прочтения с огласовкой. Иногда не с первого и не со второго раза. Более того, прочтение от прочтения может варьироваться. Так же как и при исполнении блюза, даже записанного нотами, джазовый музыкант делает проходы, модуляции мелодии, которых в нотной записи и нет вовсе, так же и джаз-стих может иметь несколько исполнений. Когда музыка произведения участвует в смысле стихотворения на правах с «буквальной», то есть буквенной, сутью слов, то всё произведение получает дополнительную глубину-ширину-размерность. Те самые дополнительные слои, которые-то и заставляют нас обращаться к удачному, резонирующему с нами, стихотворению снова и снова.

Книгопечатание производит только молчаливый носитель информации — книгу. Этот носитель (media) подходит для силлаботонического стиха лучше, чем для верлибра (хотя и верлибр лучше исполнять), и совсем плох для «джаз-поэзии». Если только читатель не имеет музыкального уха. К счастью, на дворе XXI век, и мы умеем печатать и распространять записи в виде ссылок (links), а книга, перемещенная на «электронную читалку», имеет в себе звуковые фрагменты прямо по тексту. Ура! Пусть читатель не поймет меня неправильно: как когда-то Гуттенберг был рево-

люционером-технологом книгопечатания, так теперь это amazon/google/apple/barns&noble и другие производители электронных устройств для книг. «Джаз-стих» теперь может поднять голову с книжной страницы.

«Джаз-поэзия», конечно, как и всякая поэтическая форма, привязана к способу мышления и не всем авторам будет комфортна. Впрочем, среди традиционных или нетрадиционных форм не всем комфортно писать амфибрахием, вольным стихом, дольником и т.п. Как известно, форма, выбранная для стихотворного произведения, должна подходить к теме, но еще более важно, чтобы она резонировала с внутренним мироустройством автора, а иначе это будет ярко блестящее искусство ради искусства, и только. Я люблю и не стесняюсь писать силлаботоникой, если этого требуют тема и дыхание.

Говоря о дыхании, мы все знаем, что поэт слышит дыхание времени, дыхание места, а не только свое собственное. Гармонии и какофонии жизни влияют друг на друга, отражаясь в стихах переборами ритма или выживая в «джаз-форме».

Примерно вот так (рифмовки выделены одинаковым стилем):

*Я считаю ступени, ведущие к **Дюку**.*

*Раз, два, **три**.*

*Я делаю вид, что набил себе **руку**,*

*Чтобы лихо вести удачную **жизнь**.*

Четыре, пять.

*Черноморский **бриз***

*Завернул мои **брюки**,*

Дышит в спину,

*Не **поверни**.*

*Если придется **сбежать вниз**,*

То тогда половину

Камней ноги сами смогут узнать.

Здесь читатель, наверное, уже заметил мутацию рифмы, «поверни» и «вниз» — никак не рифма, так же как и «три» и «жизнь» не рифма, но если перестроить цепочку в контексте мелодии: «три — жизнь — бриз — поверни — вниз», — то всё на месте.

«Джаз-форма» (до известной степени) позволяет наполнять стихи тем смыслом, который близок читателю, вносить в них то настроение, которое он испытывает. Это — как раковины, которые можно поднести к уху и услышать море, реку, улицу или ничего не услышать.

Более сложные вариации формы «джаз-поэзии» это те, где происходит сплетение традиционных методов и форм с музыкой, что выводит на другие пласты вовсе. В таких формах от читателя требуется не столько озвучивание и произнесение ритма, сколько эмоциональное принятие смысла каждого фрагмента стиха, ибо все фрагменты нанизаны на общий, единый для всего стихотворения логический вектор содержащегося в стихотворении сообщения. Это то, что делает верлибр, выстраивая поэзию вдоль одной направляющей. Также и в «джаз-поэзии», где рифмы, вначале обильные, могут под конец просто исчезать, оставляя за собой звучащую ноту. Как-то вот так:

*Всё, что осталось от **меня**,
кончается. И ненадолго **хватит**.
Еще два **дня**.
Ну, может быть, неделю.
Беда одета в старенькое **платье**.
Ты в нем беременной носила наших деток.
В похмелье
жизнь наряжена всё в то же,
что на пиру.
К утру
в глазах тоска,
и я, ничтожный,
без тленья прогораю в этом **взгляде**.
Еще броска
четыре или пять осталось
Раненому телу.
Как эффективно наступает небытие.
То малость, —
но в твоей **тетради**
нет места более для нас.
Я подведен к пределу.
Остался час.
Спустя его уйдешь, и я погасну.*

Здесь «небытие» и «погасну» — не срифмованы. Они просто есть и живут общим стержнем со всем стихотворением. Надо принять, что так же как и с музыкой, «джаз-поэзия» нуждается в исполнении. Я часто сталкиваюсь с непониманием, когда люди читают с листа, не услышав исполнения, и как следствие, не приемлют и пропускают мимо вертикаль поэзии внутри «джаз-формы». Еще

бы, ведь без этой самой неуловимой эфемерной вертикали нет поэзии.

Так же как и в традиционном музыкальном джазе, в стихотворном всегда есть внутреннее непрерывное напряжение. Здесь и тема, и смысл обрамлены звуком, проходящим насквозь. Смысловое напряжение, смысловая дорога должны присутствовать, как грифель внутри карандаша, где грифель – причина для существования, а деревянный корпус только опора, только несущая конструкция. Рассмотрим компоненты этой несущей конструкции поближе.

а) Рифмы

Данные в явном виде рифмы являются сильнейшими музыкальными связками, они определяют текущий ритм, если нужно, могут его поменять на другой, сбить размер, если надо, или добавить паузу.

Рифма используется в качестве традиционного музыкального фрагмента, она может состоять из нескольких звуков, причем эти звуки могут приходиться из смежных фраз и даже из разных мест стихотворения. Например, в «Блюзе с дождем» ниже, «От нее» вместе с «Не устает» звучит вместе в рифму с «Один, вдвоем». Но полностью слышна рифма только в контексте.

В джазовом стихе необходимость рифмы обусловлена общей мелодикой стиха, его внутренним ритмом, и вовсе не обязательно должна встречаться через регулярные интервалы строчек и ударных-безударных слогов, как в силлаботонике. Рифм много, и они избыточны, но при этом они ведут мотив. Когда мелодия восходит уже вполный голос, получается интересный эффект – простые обыденные слова начинают звучать в контексте сами по себе.

Зачастую рифма проходит через несколько метаморфоз, так что начальное слово и конечное, строго говоря, уже вовсе и не рифмы, – тем не менее они звучат как один аккорд. Одна гармония. Например, в блюзе, приведенном ниже, рифмы между словами «*строка*» и «*вальс*» в силлаботоническом ее каноне, строго говоря, нет. Тем не менее посмотрим на мутацию всего ряда: «*строка*» à «*тоска*» à «*рассказ*» à «*ваз*» à «*вальс*»

Как видим, рифма есть только между словами каждой пары, а всё вместе выдыхает гармоничный и джазовый мотив. Но бывает и так (не в примере внизу), что рифма не нужна вовсе, ибо только струна смыслового напряжения определяет ее необходимость. Это, скорее,

Нью-Орлеанский, «желудочный» джаз, чем умный джаз Нью-Йорка или Сан-Франциско. Вот «Блюз с дождем».

*Есть **грусть**
но нету формы для нее.
Я **научусь**
веселью днем,
лишь он закончит серый круг.
Начнусь
из рук,
из **детских слов**.
Еще не радость – запах, миг,
рванусь
из них,
из **голосов**.
Есть **грусть**
и память от нее
не устаёт –
один, вдвоем.
Строка – ручьи.
Опять тоска.
Опять ничьи
глаза – рассказ,
цветы, не знающие ваз.
Три штуки, как размер на вальс, –
оркестр – дождь
на сцене **луж**
и **кружит**
лист, чернила, **тушь**,
бумаги нож.
Тоска.
и мокрый запах влет.
Пускай!
Поет
луч-саксофон и соло-**свет**.
Сон туч,
ветвь.*

б) Мутации и вариации темы

Тема «джаз-стиха» часто может начинаться с простого мотива. С чего-то очень очевидного. Постепенно нарастая до уровня, нужного, чтобы захватить и описать, чтобы соответствовать реальности эмоции, чувств и ситуации, о которых идет речь. Эволюция темы внутри «джаз-стиха» видна в появлении объёмности содержания.

Так же как и в «джаз-мелодии», где тема флуктуирует, проходя нитью, мотивом через всё произведение, в стихотворном варианте смысловое сообщение будет обрастать разными слоями по мере того, как музыка слов и рифм будет мутировать и наращивать эмоцию.

«Джаз-поэзия» позволяет вариации (импровизации), как и привычный музыкальный джаз. Главное, в традиционном музыкальном джазе — это эмоциональная точность. Если вариация сохраняет общую эмоцию, то она приветствуется. В поэтическом варианте в «джаз-поэзии» также важна эта смысловая, событийная и содержательная точность. Если вариация меняет слово или предложение с одного на другое без разрушения, то она возможна. Особенно, если импровизация дополняет содержание. Конкретное слово — это всего лишь инструмент и не более, мозаика словосочетаний плюс внутренняя музыка выводят на некий следующий уровень смысла, туда, где открываются его новые пласты. Хорошие вариации делать сложно — можно легко разломать. Поэтому отношение к точности смысла слова в «джаз-стихе», конечно же, не менее требовательное, чем в традиционном силлаботоническом стихотворении. Точность эта особенно требуется для передачи настроения. Джаз — это, прежде всего, настроение. Поэтому-то «джаз-форма» так удобна для описания пейзажей, коротких зарисовок, сильных впечатлений. Вот фрагмент из «Постимпрессионизма»:

*Река Рона. Утонувший **корабль**,
зацелен лохматым **канатом**
за корму и притянут к причалу.*

Сентябрь

*погоняет туристов дождем из **ваты**
облаков, кое-где, нечаянно,
обштой солнцем **по кромке**.*

*Городок **Арль**,*

в бесконечной печали

*по Винсену, заполнен коммерцией
из памятников его **полотнам**.*

*Остальное — **обломки***

*Рима. Когда-то стоившие сестерции,
сегодня бесценны, судя **по толпам**,
их обступившим **плотно**.*

в) Ритм и размер

Очень часто джаз-стих начинается в одной форме, потом переходит в другую и заканчивается, например, просто белым стихом. Это нормально. До тех пор пока замены ритма и нерегулярность

размера оправданы необходимостью как можно лучше донести смысловое содержание до читателя-слушателя. Это и есть главная причина многогранности внутри одного стихотворения.

Уйдя от ограничений любой регулярной поэтической формы, «джаз-форма» может быть оправдана только легкостью и ясностью смысла, сохраняя при этом многослойность, многовариантность содержания, которое она доносит. Доносит легко. На волне музыки. Даже внутренние рифмы участвуют в размере – при этом звучит всё, а не только концы строк, как это часто бывает в регулярных размерах. Вот «Незнакомка», привожу целиком (рифмы не выделяю, пусть она просто звучит)

*Как-то в метро пишу стихи.
Напротив девочка,
мороженое лижет.
Легки
движенья языка,
и книжек
не надо ей – она сама строка.
А ленточка,
повязанная ниже
кричащей блузки! А рука –
не та,
что держит вафельный стакан
повыше
и пока
недвижна,
но та,
что пальцами играет на бедре,
что лишь в календаре
«японского варианта»
встречается раз в ...дцать страниц.
И лиц
кантата
уже неслышима
из-за неё. Тем более что вышивка
рисунка
приводит взгляд туда, где юбка
кончается внезапно... Дальше – сумка
стоит,
зажатая ногами.
И капля «Крем-брюле»,
попавшая на край,*

*блестит,
напоминая мне,
что месяц май,
там, над домами,
посреди ветров,
и не остыл
в жуков жужжанье.
Одно желанье —
выйти из метро
и никогда не сочинить ни строчки.*

3. Почему и зачем?

Общее нарастание энтропии в современном мире давит на традиционные стены регулярных поэтических форм. Силлаботоника в русском языке живет с середины XVIII века и до сих пор — любимица поэтов. Почему это так, когда, например, в английском языке силлаботоника давно подвинулась с ведущих позиций? Это отдельная тема для исследования: отмечу только, что традиционные ритмы не устарели, просто они становятся всё более ограниченными по мере развития общества. Содержание стихов усложняется и всё чаще не хочет подчиняться размерам силлаботоники. Пока речь шла, в основном, об искусстве поэзии — силлаботоника работала отлично. В наше ускорившееся время искусность мастера как таковая уже не так важна по сравнению с точностью и лаконичностью содержания.

Всякий профессиональный поэт может писать в любом стиле и на любую тему. Закончился сдвиг того, что важно — от формы в суть. Искусство поэзии не в красоте донесения смыслового сообщения, а в слиянии смысла и формы в одну единую гармоничную субстанцию стиха, которая имеет поэтический стиль, максимально подходящий для доносимой сути.

Только простейшие гармонии вселенной подчиняются регулярности. Остальное их большинство — более сложно. Так что в какой-то момент уже невозможно мыслить в рамках строгих форм, когда слушаешь космос. «Джаз-поэзия» — это инструмент, позволяющий более точно передать значение божественного Слова, Слова, выловленного из потока, к которому поэту удалось подключиться и подслушать.

Но когда силлаботоника соответствует теме — то, конечно, надо её использовать. Тогда незачем уходить в джаз. Инструменты выбираются под задачу.

*Должны быть просто музыка и тема.
Всё остальное – дело ремесла.
И ручка – рукоятка от весла.
Под ним бумаги рвущаяся пена.
Гармония оттачивает боль
И боль рубцуются – и это все, что было.
И время, повернувшееся вдоль,
Захвачено. Застыло.*

(Калифорния. Вудсайд. 09/2013,05/2018)

ВДВОЁМ С СИЗИФОМ

Поле. Слежавшаяся сухая, невозделанная почва. Невысокие колючки. Лес колючек, упирающийся в горизонт. Редкая вмятина, две, три — попытки возделывать землю, быть может, посадить что-то. Поле — это целый мир. С чего начать? С уборки валунов, с размягчения почвы, с заточки плуга? Примерно такое ощущение у поэта, смотрящего на Ойкумену и опирающегося на плуг поэзии. Ощущение огромности задачи и понимание ограниченности своих сил, и, главное, ограниченности времени. С какого края начать? И неизбежность возделывания. Да ощущение одиночества перед масштабом поля. И потребность работы. Как бы, чем бы она не кончилась — работа ждет, и часы тикают. Восход уже брезжит, и первые камни уже перевернуты.

Колесо

*Ничего не останется, только глина
слов,
из замеса которых взошёл
и в которые канул.
Информация карандашом
на бумаге, пелликаны —
караванным клином,
вдоль обрыва над морем.
Баркас, продающий небольшой
улов,
покупатели строём
на причале,
и мое отсутствие, как давным-давно,
тогда, в начале.*

Слово многомерно. И если считать измерения Слова, — то первое — буквальный смысл. Второе — звукопись. Если сочетать первое и второе вместе в стихе, то получается поэзия. Силлаботоническая поэзия со своим регулярным ритмом, размером работает по простому принципу: волна буквального смысла ставится в резонанс со звуковой гармонией, опирающейся на регулярный размер и строгую рифму. В результате получается многослойный смысл, многослойное значение слов и словосочетаний. То, что собственно и есть поэтическая вертикаль стиха. Если же идти дальше, а именно, если сделать из строк не размер, а цельный мотив, если размер не регулярен, а подчинен общей мелодии, то эта мелодия выводит все

стихотворение в другую размерность. Таким образом, «джаз-поэзия» — как минимум, трехмерна.

Инструмент «джаз-поэзии» всего лишь инструмент. Да, он современен, и он подходит для работы, но силы ограничены, а поле велико. Я уже не помню, когда я научился писать пейзажи Земли в красках звука. Но с тех пор, как научился, это стало стабильно получаться, если только вовремя сумею задержать впечатление от увиденного и подслушать его тему. Палитра замешана, кисти отточены, холст натянут. Люди, их улыбки, походка, айсберги небоскребов, машины — все идет в дело, лишь бы мелодия легла точно, лишь бы гармония увиденного была передана, захвачена в застывшем времени. Как то вот так.

Открытие из Хайфы

*Здесь хорошо в вечернюю прохладу
пройтись под горку, выпить пива,
посидеть
с друзьями вкупе.
Глазам в награду -
виды на красиво
вознесенный купол
Усыпальницы над портом.
В переплетении сетей
из рам подъемных кранов курлычут птицы.
Рой у хранилища в расчете на зерно.
Когорта
из террас
восходит от немецкой слободы
В порядке регулярном. Устремиться
вверх по ним и мне, но
не припас
заранее воды,
хотя бы флягу,
чтобы вблизи разглядывать узоры ваз,
внимать ручьям, шуршащим по ступенькам,
вдыхать цветы в вершинах водостоков
и помаленьку
размышлять, забыв напруги,
о равенстве людей от колыбели
и до мгновения, когда уже не храбры.
Сквозь мудрости, услышанные в речи,*

*смотреть, как волны запада мешаются с востоком
в бокале красного со склонов Галилеи
с пейзажем на кокетливую сабру.
Здесь пил предтеча,
Здесь бывал пророк.*

Форма «джаз-поэзии» удивительно приспособлена к наблюдениям. Так же, как и музыкальный джаз, где мелодия, прыгающая ли по аккордам, или текущая потоком блюза забирает слушателя в себя, и ведет, несет, чтобы оставить на другой плоскости, в другом измерении, откуда печали и радости выглядят иначе. Печали мельче, а радости больше. «Джаз-поэзия» меняет масштаб окружающих нас вещей, и это изменение масштаба и есть другая реальность, в которой можно жить дальше.

Да, стихи должны очищать и вести к свету. Насчет очищения – классическая размеренная, силлоботоническая строфа делает свое дело отлично. Читая пронзительные строки великих поэтов, мы вздрагиваем, душа трепещет, сбрасывает грязь, и мозг переосмысливает бытие. А вот дорога к свету – это не всегда, а точнее, очень редко. К свету не выйти, если не обрести сил. Освободившись от груза регулярного размера, «джаз-поэзия» позволяет творить в целых, собранных вместе, нерасторжимых узлах сложных эмоций. Сложная эмоция придает силу сразу. А обретение сил – это и есть изменение масштаба. Относительность размеров грусти и радости решает, в конце концов, вечную битву между добром и злом. В этом, видимо, и есть главное удовольствие от жизни.

День первый

*А что, стихи, всё равно о чём?
Это – как отправиться в плавание
на кораблике из рифмованных строчек,
подбирая желаемое как главное,
помня, что Бог создавал мир ночью.
Почерк
при таком раскладе был неважен.
Когда мироздание
Зазвучало, – в нём уже была рифма.
Кораблик, забитый переживаниями, как поклажей,
лавирует между рифов
сознания.
Намокает бумага – лишь бы не сесть на мель.*

*В нулевой тишине первый звук есть бесконечность.
А когда растает первое слово —
это первый рассвет. Первая цель —
вечность.
Умиравший звук готово
рассыпается светом вселенной. Трель
птичья ещё не сделана,
а то бы она звучала.
У кораблика ещё нет причала.
У нас с тобою ещё нет тела.
Но есть начало.*

«Джаз-поэзия» не очень любит быть напечатанной. Она ближе к трубадурам.

Однако, в ту эпоху развитие музыкальных инструментов было еще в зачатке и рифма, опирающаяся на размер, была очень важна. Особенно она стала важна, когда пошло книгопечатание — когда появилась возможность и стихи стали читать в отрыве от артистического исполнения. Вот тут-то силлаботоника воспряла. Теперь, сегодня, идет следующий виток. На котором новые носители (кроме бумаги) позволяют снова звучать артистическому исполнению, «печатность» рифм уже не так важна, как совокупность их звучания.

Музыка несет в себе свой собственный смысл. Многие наверняка замечали, выходя с хорошего концерта, что мир выглядит по-другому? Это и есть изменение масштаба, о котором идет речь. Человек и природа — как бы солист и оркестр. Они звучат в гармонии данного пейзажа, они резонируют и оба светятся и свет одного перетекает в другого. Даже, иногда джаз ритм проходит внутри размеренного силлаботонического строя.

Альпийская открытка

*Долина гор, зажатая в теснину.
Деревня ограничена плато.
Авто,
подвластное закону серпантина,
ползёт, не нарушая ни за что
режим, указанный дорожным знаком.
А сверху светят знаки зодиака
прорехами в ночном пальто.*

*Вершины белые над темным скальным торсом
в контраст с домами, где — наоборот —*

*белеет низ под чёрным контрфорсом
балкона, сдвинутого чуть вперёд.*

Народ,

*гуляющий по скользким тротуарам,
цветных витрин манящая жара,
вдыхаемая скальным кулуаром,
где ледопад блестит. Зимы пора.*

*Наутро камни поседеют снегопадом,
двора*

*гостиничного станет не узнать
и склон, что ночью показался рядом,
отступит далеко, не дошагать.*

*Восход румянит белые косынки
далеких пиков. Светится река,
краснеет фартук ледника,
хребта чуть розовеет вязь.*

*Ты спишь. Подушка сбита. Свесилась рука
с простынки,
а ладошку луч пытается попасть.*

*Другая жизнь – красивая девчонка,
чьи волосы смеются на ветру,
не преступая смутную черту,
щемит в груди, улыбкою, нечётко.*

Что такое «Джаз-поэзия», как она устроена, и какие там действуют строгие правила, я уже писал, сначала в «Манифесте Поэзии» (2013) и недавно, пять лет спустя, более точно, в эссе «Музыка формы» (2018). Так что повторяться не буду, это мысли о применении формы, а не о том, как она устроена. Вот только несколько ключевых определений без иллюстраций и отличий, сугубо для понимания.

Джаз-стих – это рифмованный стих, не имеющий постоянного размера, но в отличие от свободного стиха или дольника имеющий рифмы, часто множественные, расположенные вдоль текста таким образом, что создается общее впечатление цельного произведения, где мелодия слов переплетается с текстом, дополняя его до общей формы и единого фокуса. Читать произведения, написанные в стиле «джаз-поэзии», лучше всего, произнося слова (хотя бы и про себя). Естественно, что такая форма стиха существует

только в тех национальных поэзиях, где есть понятие рифмы и размера.

Джаз-стихотворение всегда легко узнать по наличию общей мелодии, выполненной в разных размерах или, иногда, по наличию нескольких мелодий (особенно такая много-мелодийность присуща джаз-поэмам), а также, по обилию рифм, перетекающих друг в друга через джазовые цепочки — по, так называемой, мутации рифм.

В самом термине «джаз-поэзия» второе слово более важно, чем первое. Поэзия существует вне нас. Она была до человека и будет после. Язык — всего лишь инструмент, да и сам поэт — всего лишь среда обитания поэзии.

Да, именно так, ведь если определять живое существо, как сущность, способную на воспроизведение себе подобных, то Поэзия — есть форма жизни. Сколько раз мы видим, когда «живые» стихи попадают на почву поэтической души и преобразуются, давая ростки другой поэзии, не менее оригинальной, чем первичные семена. Примеры можно не приводить — они очевидны и вокруг нас. Начиная с поэтов, «вдохновенных» Библией, и до поэтов, вдохновенных творчеством собрата по перу. Логично заключить, что если стих — это форма жизни, то он не нуждается в оправдании своего существования через публикации. Несколько слушателей, читателей близкого круга — достаточно. Хотя, конечно, публикации очень важны самим поэтам.

Точность слов или точность мелодии? Что важнее? В «джаз-стихе» фальшивая нота, неточный аккорд из словосочетаний будут колоть и разрушать волшебство света. Точность слова? Да, конечно, она важна, это же стих все-таки. Но как может быть точным слово, если есть несоответствие между темой пейзажа и инструментом языка? Я пишу по-русски. Но я рисую нерусскую жизнь. Этот конфликт между средой обитания и инструментом возделывания неизбежен. Язык неточен. Даже когда нет конфликта, даже когда русский автор отражает русскую жизнь, он все равно неточен. После изгнания из Рая, от слов нам осталось их значение, в редком случае не искаженное эпохой или эпохами, прошедшими до нас. Где то могучее Слово, которым Он создавал вселенную? От него человеку даны только два измерения — смысл (о котором мы все спорим и спорим) и звук. И иногда звук более точен.

Поэзия

Язык – тюрьма моя. Не выйти.
И ни подкуп, ни подкуп невозможны.
Марионетка в предложенных нитях -
опутан ложью.
Покрытый потом,
по непроложенной
тропе
к вершине Истины иду, брэнча
словами
под клёкот
времени, точнее под припев.
Но под ногами
лишь песок, и редко – звука камень.
Как шторм в причал,
бьюсь бешеным прибором
о скалы сути, волнами бегущих фраз
на брызг бессонниц. И рукой слепою
вычерчиваю вязь
иллюзий.
Но беспокойным ливнем текста водосток,
кружась,
впадает в Лету.
Рукою заскорузлой,
мгновеньем света,
баланду слога шваркнут на листок.
Пожизнен срок.
Я оставляю меты
на стенах словосочетаний –
сам не Слово. Из начертаний –
только нить мечтаний -
вот всё, что смог.

(California. Woodside, Jul 2018)

РАЗНОВИДНОСТЬ БОЕВОГО ИСКУССТВА

Общепринято, что всякий стих резонирует со своим читателем по-разному. А так ли это? А есть ли стихи, которые цепляют почти одним и тем же всех? Но стоп. Эти мысли не о том, что такое «глыба поэзии» или что есть стихотворение. Это попытка разобраться, почему меня, и не только меня, некоторые стихи влекут, зацепив как рыбу, вытаскивают мою душу из тела, превращают её в воск, и заставляют переживать или даже делать то, что вовсе и не собирался делать. А ведь есть и другие стихи, которые заставляют думать, падая не в душу, а в мозг, стихи, порождающие сначала мысли, а уж потом приводящие к душевному волнению. Только ли я вижу два полярных типа поэзии, воздействующей по-разному, разными методами на разные части человека, или их действительно два типа?

В поэзии первого типа проще увидеть её характерные черты, влекущие всех нас подряд к душевным сдвигам. И легче начать с песни, для примера, с маршевой мелодии, на которую написаны тонны слов с одним и тем же душу-теребящим эмоциональным подтекстом. Дам свой вариант:

*Что ж, печалься, моя ненаглядная.
Нам разлуку прожить суждено.
За спиною страна необъятная.
Взял шинель, под ружье и пошел.
Пора, зовет рассвет.
Нам не видать преклонных лет.*

Строгая, ритмованная, качающаяся строфа, как качающаяся походка пехотинца. Гармоничный сбой мелодии в припеве, как переход кавалерии на рысь. И дальше будет снова пехотная строфа. Азия, Европа, Африка, мир. Вверх ли вниз. Романтика победы, славы. Где только не воевали! Здесь права только реальность мучений, ран, смерти. В хаосе войн упорядоченность и приемлемость течения такой жизни, для марширующего солдата, на время, обретается в строгости силлаботонической формы военной песни. Тоска и разлука, оправданные регулярным размером. Отсутствие известий, бессмысленность и беспощадность, обрамленные в ритм, уже не так бессмысленны и менее беспощадны. Грех и покаяние, в контрасте. Ощутима действительность взлета души под песню. Ощутимо пренебрежительное отношение к собственной жизни, несомое самой музыкой.

Чем более беспорядочна жизнь, тем больше порядка мы хотим от искусства. Природный баланс и физический закон равновесия никто не отменял. Что здесь первично, что вторично? Война или силлаботоника? Строгость размера, выверенность ритма или разруха и безнадежность? Трудно сказать, мы не знаем, как звучала древнеегипетская поэзия, или поэзия древнего Вавилона. Но если допустить, что первые поэтические строфы произносились древними племенами накануне охоты на мамонта, то, скорее всего, заклинания шаманов были строго рифмованы, чтобы легче проникать в душу напрямую.

Потому ли большая часть русской поэзии 19 и 20 веков ритмична, что часто шли войны? Потому ли советский период в поэзии — это сплошь размеренная строка, кроме как за редкими исключениями, что отношения между людьми ломались воинствующей идеологией? Поэтому ли силлаботоника популярна, как у русских поэтов, так и у слушателей, что только строго упорядоченная и мелодичная гармония может контрастно и поэтически сильно отобразить хаос? Показать его гротескно, так, что повлечёт душу сразу, иногда даже отключив рациональное мышление? Причин не взвесив? Может, от этого-то и происходит посыл к душевному страданию, как к действию, столь присущий большей части популярной русской поэзии?

Итак, поэзия первого типа — *насильственна* над душой. Воздействуя через свои характерные черты строгого ритма, через повторяющиеся размер и мелодию, через силлаботонику, она делает с душой то же, что мечи и стрелы — с телом. Ранит. Без спроса и без разрешения разума. Поэзия первого типа — это «**боевая**» поэзия.

А что с поэзией второго типа? С той, которая цепляет критическое мышление, вызывает к рациональному полушарию нашего мозга? И только после обработки, после размышления допускает душевное движение? Опять таки, это проще рассмотреть на примере.

*«По мостовой
моей души изъезженной
шаги помешанных
вьют жестких фраз пяты.
Где города
повешены
и в петле облака
застыли
башен*

*кривые выи –
иду
один рыдать,
что перекрестком
распаты
городовые.»*

(В. Маяковский)

Посмотрите, какая форма! Это не «боевая» поэзия, это **«созерцательная»**. Вы – зритель, вам выносят на суд философскую картину, вам вывешивают перед глазами пейзаж, но пейзаж не простой. В нем плач автора по печальному опыту своей жизни. Крик по одиночеству. Пейзаж с вас спрашивает: а Вы, читатель, что? Вы что, не сочувствуете? Вы, не проучаете ли в моём авторском плаче по изъезженной душе? Нет? Вас это не трогает? Неужели? Вы же свободный человек, можете придти, посмотреть, а можете отвернуться. Не заметить.

Форма удивительна. Стих нарезан по внутренним рифмам. Нанизан на одну мелодию, а не на строгий, повторяющийся, размеренный ритм. Вот только одна джазовая цепочка: *изъезженной – помешанных – повешены – башен*. А таких цепочек там несколько. При этом стихотворение не имеет регулярного размера, это не силлаботоника. Просто другая поэзия, несущая красоту. То есть несущая разновидность гармонии, резонирующей с органами чувств через мозг.

Воздействовать на душу через мозг сложнее, так как не прямое воздействие всегда теряет силу «по пути». Чтобы иметь такой же эффект, как «боевое», «созерцательное» стихотворение, должно затронуть систему ценностей, на которой вырос человек, потрясти основную опору координат «добра и зла», саму совесть. Затронуть через разум. Поэтические воздействия, приходящие через разум – долговременны. Приходящие же напрямую в душу – кратко живущие. Да, на стихи душа быстро резонирует, но легко «забывает».

Если задача стихотворения – это потрясти душу, то оно будет «боевым», если же задача стихотворения беседа, спор, общение на равных с читателем-собеседником, то оно будет «созерцательным». «Боевая» поэзия не предполагает общения с читателем «на равных». Пронзённые боевым стихом, мы трепещем. Нам никуда уже не вырваться. Никак и никогда.

*«Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам ещё наступать предстоит.»*

(Ион Деген)

Это мое любимое, пожалуй, самое страшное и гениальное антивоенное стихотворение, какое я знаю. Блестящий образец «боевой» силлаботоники. Кровь, несвобода и свет. Свет, но только по ту сторону Пути. Только После. Вот так. Под дых. Жизнь, великий дар – есть мусор. Из куч песка и пепла можно построить гармонию ровного, строгого ритма, силлаботоничной мелодии. И если получится, то такая гармония станет иллюзией порядка, иллюзией опоры, и тогда можно ещё пожить. Попытаться. Над пространством разрушения самой жизни «боевая» поэзия – есть единственно возможная гармония.

Использование мелодики, ритма и размера, присущих регулярным формам стихосложения, облегчает задачу проникновения в душу. Интересно, что в русской поэтике столь сильна традиционная привязанность к силлаботоничным формам, что даже в переводах, переводчики за частую переводят «созерцательное» стихотворение «боевым».

Когда много лет знаком с каким переводом, доверяешь ему, любишь а тут вдруг берешь и читаешь оригинал, то чувствуешь контраст. В этом плане, контраст русской поэзии с англо–американской меня всегда поражал, но до сих пор, я ни как не мог уловить в чём его суть. Принятое объяснение, что это просто другой язык интуитивно не устраивало. Ведь поэт не зависит от языка, язык – это всего лишь инструмент. Поэзия же – первична.

Чтобы ощутить разницу между предложенным мозгу наблюдением и размышлением оригинала и боевым посылом направленного в душу перевода, давайте на мгновение, уберем эмоции, вызываемые мелодией и просто посмотрим в форму и в смысл одного и того же в английской и в русской версии. Вот многими любимый очень известный мастерский вольный пересказ Р. Киплинга, сделанный Г. Кружковым.

The gypsy trail

«The white moth to the closing bine,
The bee to the opened clover,
And the gipsy blood to the gipsy blood
Ever the wide world over.

Ever the wide world over, lass,
Ever the trail held true,
Over the world and under the world,
And back at the last to you.»

За цыганской звездой

«Мохнатый шмель – на душистый хмель,
Мотылек – на вьюнок луговой,
А цыган идет, куда воля ведет,
За своей цыганской звездой!

А цыган идет, куда воля ведет,
Куда очи его глядят,
За звездой вослед он пройдет весь свет –
И к подруге придет назад.»

У автора ни слова про звезду, и уж никак ни намек на Волю. У автора, свободного наблюдателя, речь идет о зове крови. О зове, ведущем без отклонений к цели, к своей любимой. Но как только мы говорим о воле, то значит, кто-то здесь обязательно должен быть неволен. Кто же этот несвободный человек? Конечно, герой русского перевода, но также и читатель этого перевода.

«Out of the dark of the gorgio camp,
Out of the grime and the gray
(Morning waits at the end of the world),
Gipsy, come away!

Both to the road again, again!
Out on a clean sea-track—
Follow the cross of the gipsy trail
Over the world and back!»

«От палаток таборных позади
К неизвестности впереди
(Восход нас ждет на краю земли) –
Уходи, цыган, уходи!

А цыган идет, куда воля ведет,
Куда очи его глядят,
За звездой вослед он пройдет весь свет –
И к подруге придет назад.»

Согласитесь, что есть большая разница: уходить-убегать от унылости и серости или бежать за неизвестностью, что впереди. Бежать за Надеждой. Резонирующая душа несвободного читателя тоже хочет, тянется убежать за надеждой на лучшее. На другое. Свободный же читатель встает и уходит от *grime and the gray*. Ему достаточно. Он сыт ими по горло.

«Follow the Romany patteran
North where the blue bergs sail,
And the bows are gray with the frozen
And the masts are shod with mail.

«Так вперед! – за цыганской звездой
кочевой
К синим айсбергам стылых морей,
spray Где искрятся суда от намерзшего льда
Под сияньем полярных огней.

<i>Follow the Romany patteran</i>	<i>Так вперед – за цыганской звездой</i>
<i>West to the sinking sun,</i>	<i>кочевой</i>
<i>Till the junk-sails lift through</i>	<i>На закат, где дрожат паруса,</i>
<i>the houseless drift,</i>	<i>И глаза глядят с бесприютной тоской</i>
<i>And the east and the west are one.»</i>	<i>В багровеющие небеса.»</i>

Точность побоку. Образы другие. Следовать за цыганским фургоном по зову крови за любимой, невзирая на холод и отсутствие приюта-дома, или болтаться по свету, убегая от бесприютной тоски под недобрыми, грозными, багровеющими небесами. Есть разница?

Созерцательность Кипплингового стиха превращена в призыв к действию. В русском пересказе читатель рвётся не за подругой, а туда, не знаю куда, в тоске-поиске по себе, а не за половинкой души своей. В английском слушатель, скорее, зритель первого ряда партера, но всё же он отстранен от действия, идущего на сцене. Его участие – это сочувствие, после осмысленного созерцания. Порыва следовать за героями, как у русского читателя, – нет. В этом стихе «созерцательная» поэтика переведена в «боевую». Почему это так?

В этом конкретном случае, не обобщая, применительно к переводу и только к нему, причина лежит в английском и в русском языках. Язык – всегда есть отражение общества. Если смотреть на само общество, то русские, по национальному характеру, в большинстве – нация военная, а вот англичане – торговая. Также и языки – английский и русский – есть производные своей культуры. Культуры торговли или культуры войны.

Такая разная векторная направленность находит себе отражение и в поэтике. Особенно в ней, ибо поэзия – это сконденсированная речь, её высшая форма, несущая в себе объёмный, а не только буквенный смысл.

В торговой нации поэтика будет отражать собой «рыночное предложение». Она будет «созерцательной». Рынка, конечно, никакого нет, а есть читательская, слушательская духовная потребность в поэзии и она определяет спрос. Торговые люди скептически относятся к «поэтическому товару», как и ко всякому другому. Он должен быть высшего качества, он должен подводить к мыслям, соблазнять красотой и глубиной, и тогда его возьмут с «поэтического прилавка».

И, конечно, он должен иметь цель, с точки зрения «покупателя». В данном случае, обогащение жизни прекрасным, интересным, наводящим на размышления или развлекательным материалом.

Он ни в коем случае не должен заставлять душу сразу переживать, а сначала только предлагать поразмыслить. И уж точно не надевать на слушателя поэзии «кандалы» железных выводов и неоспоримых образов. Навязывать ничего нельзя. Это же «торговое предложение»

Там, где «созерцательная» поэзия предлагает «купить», «боевая» толкает «сделать». Её строгая рифма, ритмическая строфа втягивают, резонирует и требует немедленной эмоциональной реакции.

Вот одно из моих любимых; несправедливо осужденный поэт втаскивает слушателя в свой безысходный мир, так что напрямую звенит набатом совесть в читателе:

*«Кончусь, останусь жив ли, -
чем зарастет провал?
В Игровом Путивле
выгорела трава.
Школьные коридоры -
тихие, не звенят...
Красные помидоры
кушайте без меня.»*

(Б. Чичибанин)

Пронзающая поэзия над полем непрекращающейся битвы общества с самим собой, общества, занятого самоубийством. Такая жизнь, такая судьба. Беспросветная. Война с собственным народом — это тоже война. И над полем брани парит валькирией вечная, страдальческая силлаботоника. Нет ничего скучнее поэзии, застрявшей в своем развитии. Но нет ничего интереснее, нет ничего необходимого творчества. Поэтому поэт не может молчать, и пусть меняется только декорация времени, отношения остаются такими же.

*«И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...»*

(А. Блок)

Буквально бессмысленное уничтожение своего корма самой лошадью, (пусть ковыль и не самый лучший корм, но еда — это основа жизни.) Если вооруженная конница — это часть армии, то кобылица — это конечно, символ войны. Но разруха, когда она в каркасе строгого ритма — есть безысходность, которую надо принять. Ничего другого не остается. Вечный бой. Вечная «боевая»

поэзия. Становится понятна популярность силлаботоники в русской литературе — это тоже черта военной нации. Под неизменный размер легче держать ногу в строю да и думать не надо, куда ведут. А если приведут на убой — то и умирать с размеренным стихом проще. Можно и спеть перед расстрелом.

В «созерцательном» стихе преобладает свободная форма, а рифма — постольку, поскольку она делает форму, подчиненную смыслу. Такой стих предлагает вздуматься, а почувствовать не заставляет, но лишь мощно уговаривает. Он искусно показывает лишь переживание и магически открывает вход в сопереживание. Однако, не хочешь — отстранись, «не покупай».

Вот Эмили Диккенсон путешествует вдвоём со Смертью, но при этом читатель может в любой момент выйти из кареты, не захлопнув дверцу. (*перевод мой, С. Н.*)

*«Because I could not stop for Death —
He kindly stopped for me —
The Carriage held but just Ourselves —
And Immortality.*

*We slowly drove — He knew no haste
And I had put away
My labor and my leisure too,
For His Civility —*

*We passed the School, where Children strove
At Recess — in the Ring —
We passed the Fields of Gazing Grain —
We passed the Setting Sun —*

*Or rather — He passed Us —
The Dews drew quivering and Chill —
For only Gossamer, my Gown —
My Tippet — only Tulle —*

*We paused before a House that seemed
A Swelling of the Ground —
The Roof was scarcely visible —
The Cornice — in the Ground —*

*Since then — 'tis Centuries — and yet
Feels shorter than the Day
I first surmised the Horses' Heads
Were toward Eternity — »*

(Emily Dickinson)

*О нет, я не могла застыть на Смертный час —
Смерть задержалась для меня.
Его карета разместила только нас
и часть Бессмертия.
Мы поползли не торопясь,
я отложила прочь свой труд
и развлечений вязь —
любезен был Смертельный Князь
Он показал мне школу. Круг
На перемене дети. Луг,
Поля, в закате рожь,
Где солнце обогнало нас.
Роса спустилась так, что дрожь
сквозь платья тюль пошла по коже в раз.
Мы задержались — дом как холм
Надулся из земли,
по крышу врос, карниз в пыли
дорожной.
Века проплыли сквозь него
весь невозможный
срок, душе открылась вдруг моей
их быстротечность —
только день
летающих в вечность
лошадей.*

Интересно, что «созерцательная» поэзия может иметь любую форму. Она так же не чуждается размера и строгих рифм, как чувствует себя прекрасно в белом стихе или в джаз-форме. «Боевое» же стихотворение – всегда силлаботонично.

Ритм размеренного стиха – это ритм боя. Особенно эффективен он, если это война с собственными чувствами. Регулярный размер отбивает желание додумать услышанное в стихе откровение до конца. Точнее делает додумывание необязательным. Кажется, что и так всё понятно. Такой размер заставляет поверить в правдивость строф, потому что ритм прочен насквозь, через весь стих. Он не сбивается «с ноги». А если прочен каркас, то значит и всё, что на нём висит, – правильно. Только свободы выбора в ритмованном стихе мало. Впрочем, это тоже следует из разности между торговлей и завоеванием.

В каждой литературе есть как «созерцательная» так и «боевая» типы поэзии. Причем зачастую один и тот же поэт творит поэзию обоих типов. Такая классификация объективна. О названиях можно спорить.

Уже выделены и описаны стили и размеры поэтической формы, как силлабо-тонические, так и свободные, белые, джазовые и другие. А тут еще и типы? Многие даже спросят: зачем вообще классифицировать типы стихотворений? Есть же просто поэзия, и есть не? А зачем тогда классификация, например, рыб? Может просто делить их на съедобных и несъедобных?

Песни и стихи периода гражданской войны в Америке – это типичная «боевая» поэзия. За примерами далеко ходить не надо. Они на слуху. Вот фрагмент из популярной народной песни о «Розе Техаса» (*вольный пересказ мой, С. Н.*).

There's a yellow rose of Texas
That I am going to see,
No other fellow knows her,
No other, only me.
She cried so when I left her,
It like to break my heart,
And if I ever find her
We never more will part.

*Где же та жёлтая роза Техаса,
Которую я собираюсь найти?
Другие о ней не слышали не разу.
Про девушку знаю лишь я один.
Разорвано сердце мое расставаньем.
Плачем её, тем последним днём.
Мир обыщу и пройду расстоянья,
Чтоб навсегда мы остались вдвоём.*

Нам песня строить и жить помогает / Она, как друг, и зовет, и ведет.– куда уж точнее! Только несвободных, одержимых общей

идеей муравьёв можно заставить строить из песчинок что-то общее ради совместной высшей цели. И только под размеренный регулярный ритм, иначе работа не сложится. Совместная стройка – это всегда стройка из элементов, из песка. Песок получается в процессе разрушения. Та же война, но наоборот. Тоже отсутствие свободы размышления – стих должен быть прямым, образы должны пробивать насквозь, не оставляя вариантов на другую реальность.

Казалось бы, поэт – самая свободная душа в любом обществе. Однако вот парадокс, что русский поэт, из-за принадлежности к военной нации, оказывается несвободен. Он поработан ритмом. Из-за добровольного принятия, одевания на себя этой формы – он, поэт, встает в строй и сам. Но иногда, в отдельных и мало популярных стихах, они вырываются, как, например, в 20 веке Хлебников, Маяковский и редко, очень редко, многие другие. «Созерцательная» поэзия присуща свободным творцам, «боевая» нет. Может быть поэтому «ранний» и «поздний» Маяковский так разнятся?

Чтобы услышать негромкий голос, почувствовать гармонию «созерцательной» поэзии, нужно перестать махать мечом, добывая себе элементарную свободу. Несвободному читателю – несвободная поэзия. Однако, человечество развивалось не в войнах, а вопреки, в перерывах. Солдат – разрушитель, он смекалист, хитер, внутренне всегда в строю, подчинён высшей цели – войне. А созидатель, учёный – он должен быть внутренне свободен, как минимум, хотя бы в направлении своего научного творчества. (даже если это иллюзия, и свобода неполная). Тогда и результат будет лучше.

А про поэтов, художников, композиторов и говорить не приходится. Им не годится относительная свобода. Талант творчества и «внутренний полицейский» – это всегда конфликт. И тогда либо поэт пишет иносказательно, в привычном принятом стиле равномерной поэтической ткани, укрывая складками такой материи пустоту, сложенную из лжи, либо он находит нишу, и пишет басню, детскую сказку, используя образы, над которыми надо думать, которые надо разглядывать, прежде чем за них переживать. Пишет, конечно, всегда в форме «созерцательной» поэзии.

*«Таракан, таракан, таракашечка,
Жидконогая козявочка-букашечка.
И не стыдно вам?»*

Не обидно вам?
 Вы – зубастые,
 Вы – клыкастые,
 А малявочке
 Поклонилися,
 А козявочке
 Покорилися!»

(К. Чуковский)

Я не буду приводить всё «Тараканище», эта ниша детской поэзии позволяла обращаться как к душам детей, так и к мозгам их родителей. В то время единственно возможный ход иносказания, вызывавший к совести и к системе ценностей читателей через образы, обрабатываемые мозгом. «Созерцательная» поэзия была неизбежна. За правдивую «боевую» – казнили, но сначала не печатали.

Но есть свет. В 21-м веке русский язык стал международным. Спасибо развалу советской империи, приведшему к выплеску русской ментальности и русского языка в международное глобальное пространство. Поэзия, чуткая к внешнему миру, под воздействием внешних чужих языков и общественных отношений – поменялась. Там, где Маяковский ходил по тропке, теперь лежит freeway.

Природа создала горы разной высоты, разрежала землю на долины разной ширины реками разных глубин. Сам по себе строгий мир размеренного стиха в природе не встречается. Он – лишь неуклюжая первая попытка «человека мыслящего» упорядочить, понять и повторить, воспевая, красоту вселенной. Сегодня «созерцательная» поэтика, используя ритм и силлаботоническую строфу, проникает в военную нацию, уговаривая созерцать и мыслить, а не только слушать и действовать. И даже строгий размер уже не навязывает, на загоняет чувства в кулуар действия, а только лишь акцентирует тонкой тенью мысль, придавая ей объём.

*«то голосить то задыхаться
 переживать и плакать зря
 в приемной вышней примелькаться
 как дождь в начале октября
 Ну что ты буйствуешь романтик*

*я денег с мертвых не беру
кладя им в гроб конфетный фантик
от мишек в липовом бору
Откроем газ затеплим свечки
спворим творческий уют
одноэтажные овечки
в небритом воздухе снуют
и мы заласканные ложью
что светом — звездный водоем
впервые в жизни волю божью
как некий дар осознаем»*

(Б. Кенжеев)

Одноэтажные овечки — это не призыв к бою. Они предлагают задуматься. *Небритым воздухом* можно продолжать дышать, но можно же и отойти, стряхнув ложь. Есть выбор. Нет обязательного действия. Нет заставляющего призыва. Есть лишь манящий свет, но только внутренне свободный читатель за ним пойдет.

Что, «боевая» поэзия себя изжила? Конечно нет! Большинство русской поэзии и сегодня силлаботонично и зовёт читательскую душу за собой. И это прекрасная поэзия, но 20 век кончился. Мы живем в торговом мире, в котором надо предлагать, в котором есть выбор. А выбор делается после размышления. «Созерцательная» по типу форма силлаботоники не обязательно навязывает. Она умеет и красиво предложить. Может пригласить подумать, а не втаскивать в отрицательное сопереживание, не звать на бой, взывая к совести. Просто таких стихов — меньшинство, в мире, где слушатель несвободен, и большинство там, где у него есть свое мнение и свой вкус.

Такой слушатель, зачастую, не хочет разрывать душу страданиями по поводу потери, разрушения, войн, неудач. Слушатель всё больше предпочитает «свет в конце туннеля» безысходности, или выбирает отстраненность показа прекрасного (или ужасного) неизбежности своего в них сопереживания. Русская силлаботоника — форма гармонии с набатом сражения. А может пора остановиться и посмотреть вокруг? А может выключить завораживающий шаманский набат ритма? И тогда в тишине проступит спасающая мир Гармония красоты? Не это ли есть — художественное

Кредо ?

*Не думай обо мне, что лишь поэт.
Я также музыкант и живописец.
Мне слово, отражающее свет, -
есть кисть,
а слог – есть нота, поднимающая в выси.
Мне пресен
ритм размеренной волны,
несущий мудрость мелкого песка.
Строка –
лишь линия, где толщина мазка
и цвет не менее важны,
чем смысл
прямой.
Язык – какой чудесный инструмент!
В один проход –
и тема, и пейзаж
(внезапный клад.)
В нём мой
с природой резонирует аккорд.
Как быстротечен всем
наскучивший витраж
из вечных тем.
Но навсегда момент
запомнит взгляд,
когда в закатном свете тает горный кряж.*

(Woodside, Июнь 2019)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вместо предисловия</i>	5
---------------------------------	---

Точка обзора

Ботаника	8
Швейцарская открытка	10
Юг Франции	12
Пиренейская открытка	13
Постимпрессионизм	14
Австрийская открытка	15
Альпийская открытка	16
Монтерей	17
Открытка из Хайфы	18
1990	19
Зима в Сан-Франциско	20
Сан-францисский романс	21
The Wine Trail	22
Сан-Францисский трамвай	24
The 49-er	25
Закат	26
Французский квартал	28
Открытка с Ки-Веста	30
Открытка из Константинополя	31
Новозеландский пейзаж	32
Гавайские открытки	34
Все дело в недостатке солнца...»	36
Весенняя открытка	37
Орегон в июле	38
Открытка из Лиссабона	40
Новый Год	42
Открытка из Синтры	44

Аляскинские стансы	45
Santa Cruz	46
Осенний этюд	48
Вид на Руан	49
Сентябрь в Палмеле	50
Lloret de Mar	52

Партитура пейзажа

Джаз-кафе	56
Халф Мун Бэй блюз	58
Джаз в Одессе	60
Чикаго блюз	62
Блюз с дождем	64
Пивной блюз	66
Блюз прощанья	68
Ривьера Майя	70
Армянский пейзаж	72
Джазовое адажио	75
Шотландская сюита	76
Букет	80
Времена Года	81
Эпистолярная пастораль	85
Гранд Каньон	89
Мебиус	92

Субъективная реальность

Путешествие в Москву	94
Одиссей	96
Эпоха выбора	98
Памяти пожаров в Калифорнии	100
Лас Вегас	102
Менестрель	104
Рейс № 93	106

Полоний.	107
Крымская элегия.	108
Если храмы горят, ...»	110
Это всё из другого —...»	111
Сто лет ...»	112
К 21-му чемпионату мира по футболу.	113
Элегия	114
Москва	116
Золушка	117
Людей тех нет...»	118

Истоки

Адрес, как и прежде,— пустыня, ...»	120
День первый	121
День шестой	122
Следы	123
Моисей	124
Моше	128
Йом Кипур	130
В тени камней	132
Пятница	134
Всем собачникам	137
Маме	140
Папе	142
Ода друзьям	144
Лунный пейзаж	147
Я, неизбежности ухода подчиняясь, ...»	148
52 сентябрь	149
Рождество	150
54 сентябрь	153
Пророк	154
На смерть художника	156
Я — разность...»	157

Воспоминания о сказке

Незнакомка.....	160
∞	162
Отъезд	163
Южный романс	164
Живопись	166
Романтик	168
Все, что осталось от меня,...»	169
Миттельшпиль.....	170
Песенка	172
Мольба	173
Счастливая, ты забываешь сны,...»	174
Закрывая глаза, прохожу коридором отчаянья....»	176
Выбор	177
Вот уж год, как конец романа: ...»	178
два кармана ...».....	178
Ни к чему и пытаться...»	180
Письмо в 1987	181
Отражение письма	182
Письмо в прошедшее будущее.	184
Нет, ни в чём не признаться....»	186
Мои мысли о тебе всегда пахнут осенью,...»	187
Ты мне просто вот так надиктована Богом....»	188
Так пахнут твоей музыкой стихи,...»	191
Соблазн собачника	192
Никуда уж не деться....».....	193
Нет не придумать про дожди,...».....	194
Ну разве можно поставить ценник на твои слезы?...».....	195
Перезрелый фарфор ...».....	196
Реквием	197
Занавес.....	198
Где-то ...»	200
Наблюдение	201

И когда я буду потом ...»	202
Свидание	204
Приглашение	206
Финал	207

Попытка на Мудрость

Freeway	210
Кронос	213
Колесо	214
Дата	215
Осенние стансы	216
Вот и подошла к концу моя система отсчета....»	218
Деревенские хроники	219
Курсовая работа	220
Собиратель	222
Вечный Жид	224
Игра	226
Мы спорим о птицах,...»	227
Красивым женщинам не занимать добра....»	228
К юбилею Джульетты	229
Художник	230
Колыбельная	232
Я прохожу науку «разлюбить»....»	233
К юбилею Пьеро	234
Это время детей, для меня собирающих камни....»	237
Дочери	238
Я смотрю заморожено в глаза новорожденной, ...»	239
Перекресток	240
Ever After	242
Круги на воде	246
Ход времени — пожалуй, что не ход,...»	248
Плюс один	249
Второе дыхание	250

Старик	252
С годами больше ценишь качества души,...»	253
Некролог	254
Горизонт.	257
Солдат	258
Памятник	260
Велосипед	261
Здравствуй, Время — Медведь...»	262
Дон Хуан	263
Прогулка	264
Несемейный альбом	266
Разговор с бабушкой	268

Литературные эссе

Музыка формы	271
Вдвоём с Сизифом	283
Разновидность боевого искусства	291